

YEREVAN STATE UNIVERSITY

FACULTY OF PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

PROCEEDINGS

9TH INTERNATIONAL CONFERENCE

**“THE CURRENT ISSUES IN
THEORETICAL AND APPLIED
PSYCHOLOGY”**

OCTOBER 13-15, 2023

ARMENIA, YEREVAN

PROCEEDINGS
9th INTERNATIONAL CONFERENCE
“THE CURRENT ISSUES IN THEORETICAL AND APPLIED
PSYCHOLOGY”

**«ՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ԿԻՐԱՌԱԿԱՆ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ»
IX ՄԻՋԱՂԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎԻ
ՆՅՈՒԹԵՐ**

**МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И
ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ»**

SCIENTIFIC COMMITTEE OF THE CONFERENCE

Avanesyan H. M. – Chairman of the International Conference, Doctor of Psychology, Prof., YSU
Berberyan A. S. – Doctor of Psychology, Prof., RAU
Aghuzumtsyan R.V.– PhD, prof., PAA RA
Harutyunyan S. F. – Doctor of Psychology, Prof., YSU
Sedrakyan S. A. – Doctor of Psychology, Prof., “Urartu” University
Lokyan A. B. – Doctor of Psychology, prof., YSU
Asriyan E.V. – PhD., ass.prof., YSU
Khachatryan N. G. – PhD., ass.prof., YSU
Gasparyan Kh.V. – PhD., ass.prof., YSMU after M. Heratsi
Babayan H. A. – PhD., Prof., ASIPCS
Papoyan V.R. – PhD., Prof., YSU
Gevorgyan S. R- Doctor of Psychology, prof., ASPU
Hakobyan N. R- Doctor of Psychology, prof., NAS RA

INTERNATIONAL COMMITTEE

Allakhverdov V. M. – Doctor of Psychology, prof., SPbU, Saint-Petersburg, Russia
Basco L. – Doctor of Pedagogy, Avignon Université, Avignon, France
Imedadze I. V. – Doctor of Psychology, Prof., Georgian NAS, Tbilisi, Georgia
Yenikolopov S. N. – PhD., ass.prof., Moscow University of Psychology and Pedagogy, Moscow, Russia
Takooshian H. – Doctor of Psychology, Fordham University, New York, USA
Akopov G. V. – Doctor of Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia
Oboznov A. A. – Doctor of Psychology, prof., Institute of Psychology RAS, Russia
Engalychev V. F. - Doctor of Psychology, prof., Kaluga State University, Kaluga, Russia
Kalayjian A. –Columbia University, “Meaningfulworld”, New York, USA
Morosanova V. I. – Doctor of Psychology, Prof., Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia
Rita Kuyumjian M.D. F.R.C.P.(C), McGill University in Montreal, Canada

PECULIARITIES OF DESIGNING MANAGER'S ACTIVITY

Aghuzumtsyan Ruben (Public Administration Academy of RA, Yerevan, Armenia)

rvaghuzumtsyan@list.ru

The research is aimed at increasing the efficiency of manager's activity by means of scientifically grounded psychological projecting of his life activity. Special importance is given to the solution of personnel policy through the organization of professional psychological selection.

Keywords: *psychological designing of activity, mental characteristics, psychic profile.*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЦА

Агузумцян Рубен (Государственная Академия управления, Ереван, Армения)

Исследование направлено на повышение эффективности деятельности управленца путем научно-обоснованного психологического проектирования его жизнедеятельности. Особое значение уделено решению кадровой политики посредством организации профессионального психологического отбора.

Ключевые слова: *психологическое проектирование деятельности, психические характеристики, психограмма.*

Стремительное развитие и быстрый темп изменений в обществе, науке и технических средств, а также внедрение их достижений в различные области жизнедеятельности человека, приводят к новому определению роли и места человека в современной жизни. Такая реальность предъявляет определенные требования к психологической науке, особенно тех ее направлений, которые связаны с деятельностью человека. По прогнозам социологов, которые изучают социальные изменения в современном обществе, в ближайшие 25-30 лет исчезнут около 30% действующих специальностей, которые заменятся новыми и не всегда прогнозируемыми. Деятельность человека на современном этапе изучается несколькими психологическими дисциплинами; психологией труда, инженерной психологией, психологией управления, социальной психологией, экономической психологией и др. Они призваны решать самые разные вопросы: формирование профессионально важных качеств и необходимых навыков и умений, а также соответствующих компетенций; рационального (с точки зрения психологии и физиологии) режима рабочего дня и проблемы здорового психологического климата в коллективе; эргономически грамотная организация рабочего места и формирование нового типа мышления. Достижение вышеуказанного может быть обеспечено и определено современным уровнем подготовки управленцев, к которым предъявляются высокие требования к их общим и конкретным практическим знаниям. Современный специалист – это человек, который, имея общетеоретическую и методологическую подготовку, обладает навыками и умениями решать конкретные задачи в различных областях. Без знания учета психологических факторов управления невозможно добиться высокой эффективности и надежности в жизнедеятельности современного человека.

В настоящее время современному руководителю, управленцу психологические знания необходимы не менее, чем знания в областях конкретной науки, технологии и экономики. Одним из подходов к решению вышесказанных проблем является разработка и составление профессиограмм (психологическое описание различных профессий) и психограмм (перечень психологических характеристик) обеспечивающих и необходимых для эффективного и надежного совершения деятельности. При этом важным фактором является их составление для существующих специальностей и для будущих, от которых будут зависеть эффективность деятельности будущих управленцев.

Одним из необходимых психических характеристик является креативность. Для достижения эффективной деятельности управленца в настоящем и будущем, которая состоит из различных взаимосвязанных этапов, необходимо начать, с учетом профессиограммы и психограммы, разработки

принципов и структуры психологического проектирования деятельности (ППД). Известно два различных подхода к ППД:

- 1) технический,
 - 2) системотехнический
- техническое проектирование,
 - психологическое проектирование,
 - художественное проектирование.

Роль и место человека при первом подходе учитывается интуитивно и на основе накопленного практического опыта. Но такой подход малоэффективен при быстро изменяющихся темпах технических средств труда.

Второй подход носит системный, комплексный характер, где должны учитываться и технические и психологические и эргономические составляющие.

Структура ППД разрабатывается в следующей последовательности:

- 1) Анализ статических и динамических характеристик объекта управления, определение целей и задач. Здесь же анализируются возможности человека.
- 2) Определение задач, стоящих перед системой, после которых выбор и отбор управленца для каждой задачи.
- 3) Проектирование групповой деятельности, т.е. распределение функции между управленцами.
- 4) Проектирование деятельности отдельного специалиста системы управления, на основе психогаммы.

Методологические принципы ППД подразделяются на общие, которые относятся ко всей системы управления в целом, и частные, которые касаются отдельных элементов системы. Таковыми являются:

- 1) Принцип комплексности, согласно которому конечным объектом ППД является система управления в целом.
- 2) Принцип непрерывности, которая требует рассматривать ППД как систему по учету человеческого фактора на всех его этапах, начиная от разработки тактико-технических требований и кончая этапом функционирования системы управления.
- 3) Принцип цикличности, смысл которой заключается в том, что на каждом этапе ППД учитываются и решаются все его задачи.
- 4) Принцип оптимизации, согласно которому ППД рассматривается как последовательный процесс оптимизации и в конечном итоге допустимым является такой, который является оптимальным в соответствии с выбранным критерием оптимальности.
- 5) Принцип соответствия означает равноправие при ППД между человеком и техническими средствами, при котором обеспечивается взаимное согласие (соответствие) возможностей человека и техники.
- 6) Принцип единства критериев, при котором основные характеристики деятельности человека и технических устройств описываются с помощью одних и тех же критериев. К числу таковых относятся: надежность, точность, быстродействие и т.д. При отсутствии таковых могут быть использованы разные критерии – для человека такие как эмоциональная и операционная напряженность деятельности и психофизиологическое состояние, для техники эстетические критерии.

При таком подходе к психологическому проектированию деятельности создается возможность использовать основные кибернетические принципы описания и разработки комплексных сложных систем управлений с учетом всех особенностей и преимуществ, составляющих такую систему – и человека и технических средств (орудий деятельности человека).

Список литературы

1. **Агузумцян Р.В.** „Принципы психологического проектирования системы профессиональной подготовки“. Учебно-методическое пособие, Ереван, Изд. „Асохик“, 2013г., стр. 120

2. Агузумцян Р., Петросян Л., Погосян С. «Нормативная направленность личности специалистов служебной деятельности». Ереван, Академия Государственного управления, 2018г., стр. 120
3. Агузумцян Р.В. «Инженерно-психологическое проектирование ». Академия Армении, Том 2, Ереван 2018г., стр. 324-328

CHANGES IN SOCIAL-PSYCHOLOGICAL BASIS OF THE MODERN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF DEMOCRACY

Alaverdyan Nelli (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

nalaverdyan@ysu.am

The society that appeared in this new social situation caused by democracy is facing drastic changes, which brings with it not only the need for the reconstructions of the society, the introduction and operation of new social institutions, but also the need for adequate changes in the cultural, socio-psychological base of the society. Complicated displacements are taking place in society's spiritual and social life, which lead to a change in the society's socio-psychological basis and to the transformations of human existence: new technologies, new forms of cooperation between people, changes in systems of value. These new democratic conditions, to a greater or lesser extent, affect not only the nature and content of human relations, but also the manifestation of behavior.

Keywords: *democracy, behavior patterns, uncertainty, socio-psychological positions, values, modernization, socioculture.*

The role of transformation features and value-normative components of the modern society is up to date not only from the socio-psychological, but also from the political, moral point of view and occupies a key place in people's behavior and attitudes. That is why the new sense making changes in the socio-psychological base of the modern society has become an important condition for the modernization of social life. The society that has appeared in this new social situation is facing drastic changes, that bring with them not only the need of society's reconstruction, introduction and operation of new social institutions, but also the need for adequate changes in cultural, socio-psychological basis of society. The speed of innovation, that lays in the basis of civilization, in the 21st century leads to the renewal of the artificial environment, which creates contradictory relations with the equally important aspect of human existence and the existence of society-sustainability. A society guided by democracy enters into a zone of operation, where unpredictability and the resulting uncertainty of behavior become a permanent mode of existence, as a result of which every aspect of life and livelihood becomes a problem. This difficult process of combination of old and new realities creates a background for the formation of dual social positions. The new democratic conditions affect the nature and content of human relations to a greater or lesser extent. «A person is evaluated according to his ability to create, reproduce and improve socially useful objects. Thus, productivity determines the degree of mastering nature and transforming it, the progressive replacement of an unregulated natural environment by a regulated technical environment» [1, p. 219]. The dynamism of life, the strengthening of integration tendencies, the spread of telecommunication connections make life more comfortable, equinox and affordable.

The main goal of the research is the analysis of the changes in the socio-psychological basis of the modern society, the problems of the formation of their motives and mechanisms, due to social systems work uninterrupted.

Abrupt changes bring with them not only the need for reconstruction of the society, introduction and operation of new social institutions, but also the need for adequate changes in the cultural, socio-psychological basis of society. The peculiarity of all significant transformations in society is that they take place in a painful, socio-psychological tense atmosphere. No upgrade has ever gone smoothly. «It is impossible to understand the nature of changes made in the life of people, countries, and the entire humanity in the modern world, without

referring to the dual opposition of «traditional-liberal-super-civilization» characteristic of the modern world»[3, p. 114].

The processes also refer to the changes of behavior models, even anthropogenic (anthropogenic) characteristics of a person. The point is that any socio-culture consists of conservative and creative components, of which the creative component determines the ability to generate cultural innovations, in fact, to organize their reproduction. «The situation provokes the uncertainty of a person's social positions, the duality of his situation, which, on the one hand, can bring to life nostalgia: aspirations desires and the impossibility of realizing them, and on the other hand, unfounded, overgrown expectations that contradict people's real possibilities and real situation» [1, p. 186].

Taking into account the opportunities provided by modern communication and information technologies, we can say, that an unfilled information space is being formed, which in turn leads to a uniform worldview, civilization is gradually gaining even greater internal uniformity. It should be noted, however, that « every society and social group first of all borrows experience from only those forms of life that are perceptible within the given socio-political, economic and cultural opportunities. Second, the opposition to globalization is the instinctive aspiration of societies to preserve their own identity, which is especially vividly manifested in the cultural sphere, religion, and national consciousness. Thirdly, the series of civilizations and societies, being in the pre-industrial stage of development, are still weakly embedded in relationships and systems» [4, p. 132].

The culture of life of every society is the system of socio-cultural values with the help of which people are socialized and form their attitude towards the world. That is why there occurs need to transform the forms of behavior, value-normative components of the given society, reinterpretation of norms and values and transformation of their motivations and mechanisms, which contribute to the formation of a categorical system characterizing the socio-cultural state and functioning features of a democratic society, content specification.

References

1. **Marcuse G.** Eros and civilization. One dimensional person. Study of the ideology of a developed industrial society, M., AST, 2003, p.319.
2. **Gavrov S.** Sociocultural tradition and modernization of Russian society. M., MGUKI, 2002, p.146.
3. **Harutyunyan M.,** Modern Armenian society and the philosophy of aliendted consciousness, Yerevan, «Nairi», 2014, p.244.
4. **Irkhin Yu.** On the issue of cross-cultural research: East-West// Sociological research. 2005, N.2, p.131-135.

SOCIAL INFLUENCE IN ASSESSING IRRELEVANT CHARACTERISTICS OF ILLUSORY OBJECTS

The study was carried out with the financial support of RSF grant 22-18-00074

Allakhverdov Mikhail (SPSU, Saint Petersburg, Russia)

m.allakhverdov@spbu.ru

The thesis presents an experimental study of the change in the estimation of the illusory effect depending on the estimated characteristic of the illusory object and the type of external cues. It is assumed that under conditions of high uncertainty the conscious control over evaluation is reduced, which leads to a change in the evaluation of the illusory effect under the influence of social influence - a cue from a partner.

Keywords: *illusions, normative and informational influence, conscious control, irrelevant characteristics.*

СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ПРИ ОЦЕНКЕ НЕРЕЛЕВАНТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИЛЛЮЗОРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 22-18-00074

Аллахвердов Михаил (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

В тезисах представлено экспериментальное исследование изменения оценки иллюзорного эффекта в зависимости от оцениваемой характеристики иллюзорного объекта и типа внешней подсказки. Предполагается, что в условиях высокой неопределенности снижается сознательный контроль за оценкой, что приводит к изменению оценки иллюзорного эффекта под влиянием социального влияния – подсказки от партнера.

Ключевые слова: *оценка величины иллюзии, нормативное и информационное влияние, сознательный контроль, нерелевантные характеристики.*

Оценка величины иллюзорного объекта является субъективной и часто задает высокую неопределенность для испытуемого. В данной работе изучались процессы социального влияния в задачах оценки иллюзорных изображений в условии высокой неопределенности и низкого сознательного контроля. Влияние социальной подсказки на принимаемые человеком решения были показаны и в других исследованиях (например, Гершкович et al., 2010; Schöbel, 2016, Roy et al., 2020), однако можно предположить, что использование иллюзорных объектов позволит более четко описать, как происходит данное влияние. Мы предполагаем, в соответствии с предложенной ранее теорией (Аллахвердов, Кулиева, 2020), что после оценки размера иллюзии, эта оценка подвергается сознательному контролю: все последующие оценки сверяются с ней для сохранения непротиворечивости внутренней системы репрезентаций. Однако при изменении параметра оценки величины иллюзии с релевантной на нерелевантную (например, при замене оценки длины отрезков в иллюзии Мюллер-Лайера на оценку их, веса) возрастает неопределенность, и, как следствие, снижается сознательный контроль. Такое исследование, как и его теоретическое обоснование, являются достаточно новыми (Карпинская, 2020). Можно предположить, что смена категориальной оценки в ситуации неопределенности – удачный методический прием для изучения социального влияния на оценку величины иллюзии, так как снижается сознательный контроль за ранее сделанными оценками, и, как следствие, усиливается эффект внешнего влияния.

Дизайн нашего эксперимента: испытуемым предлагалось оценить величину иллюзий самостоятельно и с информацией от внешнего источника. В исследовании приняли участие 61 человек от 18 до 40 лет ($M = 23,7$, $SD = 5,8$), 41 женщина и 20 мужчин. Испытуемые распределялись в группы случайным образом, таким образом, в контрольной группе (КГ) - 29 человек, а в экспериментальной (ЭГ) - 32. В качестве стимулов были выбраны геометрические иллюзии размера, состоящие из пар объектов: иллюзия Мюллер-Лайера и иллюзия Эббингауза. Для каждой иллюзии были сформированы филлеры (19 неиллюзорных изображений) и измененные иллюзии (18 изображений, где объекты в иллюзорном контексте отличаются по размеру от 10% до 20%). Всего предъявлялось 51 неповторяющееся изображение. На первом этапе испытуемые оценивали изображения только по размеру. Стимул вместе с информацией о величине одного из двух объектов предъявлялся на 5 с, и после испытуемые давали свой ответ. Время ввода ответа не ограничивалось. На втором этапе добавлялись нерелевантные параметры оценки и внешние подсказки. Стимул снова предъявлялся на 5 с, затем появлялась либо просто подсказка (для КГ), либо подсказка как ответ другого человека (для ЭГ). Время предъявления подсказки – 2 с. После чего испытуемые давали свой ответ. В качестве нерелевантных параметров использовались оценка веса, температуры или громкости. Такие параметры были выбраны по результатам пилотного эксперимента ($N = 32$), в котором проверялась реакция испытуемых на оценку различных характеристик объектов, оценивалась реалистичность и уровень доверия к ответам «партнера». Третий этап повторял процедуру первого этапа, и был необходим для измерения динамики изменения оценки иллюзорного эффекта после экспериментального воздействия.

Испытуемые были разделены на две группы: на тех, кто были знаком с предлагаемыми иллюзиями и тех, кто ранее не видел иллюзии, показал статистически значимые отличия между ними в зависимости

от того, в контрольной или экспериментальной группе были испытуемые, и этапа эксперимента ($F(2, 57) = 3.832$, $p = 0.027$, $\eta^2 = 0.119$). На первом этапе в среднем испытуемые, которые не были знакомы с иллюзиями, ошибались в оценке иллюзорных объектов на 7.38% (те, кто был знаком с иллюзией и делал поправку в своей оценке, была приравнена к 0 – метод цензурированного нуля). На втором этапе использование нерелевантных категорий и наличие подсказки привело к увеличению ошибки во всех условиях в среднем на 5-7%, что соотносится с предположениями о влиянии введенных условий. На третьем этапе незнакомые с иллюзиями испытуемые из ЭГ сохраняли оценку различия объектов на том же уровне ошибки, которую показали на втором этапе, в то время как ответы испытуемых из КГ и испытуемых из ЭГ, которые до этого не сталкивались с этими иллюзиями, вернулись к более точным оценкам, близким к показателям первого этапа.

Таким образом, наши данные показывают, что в условиях неопределенности человек склонен следовать за подсказкой, социальная подсказка имеет более длительный эффект, особенно в случае изменения категории восприятия объекта.

Список литературы

1. **Карпинская В. Ю.** Психофизика перцептивных иллюзий // Дис. На соиск. уч. степени доктора психол. наук. СПб, 2020. 272 с
2. **Гершкович В.А., Морошкина Н.В., Науменко О.В., Аллахвердов В.М.** Социальная верификация гипотез при решении задач высокой степени неопределенности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М, 2010. с. 372-376
3. **Roy T.** et al. How our perception and confidence are altered using decision cues // *Frontiers in neuroscience*. 2020. Т. 13.
4. **Schöbel M.** Social influences in sequential decision making // *PLoS ONE*. 2016. Т. 11, № 1. с. 1-23
5. **Аллахвердов, М.В., Кулиева А.К.** "Новый взгляд на природу когнитивного ресурса. // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен, М., 2020, с. 28-36.

CONCENTRATION AND DISTRIBUTION OF ATTENTION IN STATES OF FATIGUE AND MOBILIZATION

*Andriyanova Natalia, Karshiboeva Feruza (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia)
andriyanova89@mail.ru*

The influence of sports physical activity on the concentration and distribution of attention and subjective assessment of well-being was studied. The results showed that after training, the participants experienced an improvement in measures of attention and well-being. On days without training, there was no change in these indicators. This indicates a positive effect of sports physical activity on the concentration and distribution of attention and self-esteem of well-being.

Keywords: *sports physical activity, attention, well-being, cognitive abilities.*

КОНЦЕНТРАЦИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВНИМАНИЯ В СОСТОЯНИЯХ УСТАЛОСТИ И МОБИЛИЗАЦИИ

Андрянова Наталья, Каршибоева Феруза Гулом кизи (Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия)

Изучалось влияние спортивной физической нагрузки на концентрацию и распределение внимания и субъективную оценку самочувствия. Результаты показали, что после тренировок у участников наблюдалось улучшение показателей внимания и самочувствия. В дни без тренировок не наблюдалось изменений в данных показателях. Это указывает на положительное влияние спортивной физической нагрузки на концентрацию и распределение внимания и самооценку самочувствия.

Ключевые слова: спортивные физические нагрузки, внимание, самочувствие, когнитивные способности.

Актуальность данной темы обусловлена тем, в современном обществе все большее внимание уделяется важности физической активности для поддержания здоровья и благополучия человека. Спортивные физические нагрузки являются неотъемлемой частью активного образа жизни и позволяют достичь физической формы, повысить выносливость и повысить общую самооценку. Однако, помимо физической пользы, спортивная двигательная активность может также влиять на самочувствие и психологические процессы, в том числе на концентрацию и распределение внимания, что до сих пор остается относительно малоизученным вопросом.

Ряд исследователей изучают влияние физических упражнений на эффективность работы и учебы. О. А. Киселева (2008) провела исследование, направленное на улучшение показателей здоровья и повышение надежности труда операторов персональных компьютеров. В результате было доказано, что у рабочих, которые использовали упражнения оздоровительной направленности, повысились двигательные-координационные способности, показатели внимания, жизненный индекс, а также улучшилось функциональное состояние нервно-мышечной системы в целом. Другие авторы (Olefir, Kuznetsov, Plokhikh, 2019) показали, что физические упражнения действуют как буфер от стресса. Они способствуют повышению уровня удовлетворенности жизнью студентов вузов. Исследование Майера с соавторами (Maher et al., 2014) посвящено связи физической активности и малоподвижного образа жизни с удовлетворенностью жизнью у студентов колледжей. Авторы обнаружили, что увеличение ежедневной физической активности и сокращение сидячего образа жизни может улучшить удовлетворенность жизнью студентов колледжа.

Целью нашего исследования является изучение влияния спортивной физической нагрузки на самочувствие и показатели внимания, у лиц, занимающихся спортивной физической деятельностью на любительском уровне. Таким образом, результаты нашего исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций для занятий спортивной физической активностью с целью оптимизации субъективной оценки самочувствия и повышения показателей когнитивных процессов.

Выборка состояла из 30 участников (16 женщин и 14 мужчин), в возрастном диапазоне от 18 до 40 лет ($M=32$), которые занимаются физической активностью (в среднем от 50 минут до 1,5 часов в день) в любительском виде, включая танцы (30%), фитнес (30%), тренажерный зал (20%), бокс (10%) и плавание (10%). Для исследования были использованы следующие методики: «Корректирующая проба» (Б. Бурдон); «Таблицы Шульте», (В. Шульте); Шкала самочувствия из опросника «Самочувствие-активность-настроение» (В.А.Доскин, Н.А.Лаврентьев, В.Б.Шарай, М.П.Мирошников). Каждый участник проходил исследование онлайн в мессенджере Telegram. 4 дня в дни тренировок нужно было заполнять шкалу самочувствия из опросника САН и две методики на внимание до тренировок и повторно после тренировок. Также для сравнения влияния тренировки, 4 дня в дни, в которые не было тренировок, примерно в то же время, что и в день тренировок.

Результаты экспериментального исследования показывают, что средние показатели внимания в день после спортивной физической нагрузки были выше, чем до тренировок. В дни тренировок время прохождения «Таблиц Шульте» различалось до и после тренировки: скорость прохождения изменилась с 30.25 с до 27.15 с. Для оценки значимости использовался Т-критерий для парных выборок ($t = 3.8286$, $p < 0.01$). В дни тренировок количество найденных букв при прохождении «Корректирующей пробы» Бурдона отличалось до и после тренировки: в среднем количество найденных букв увеличилось с 74.9 до 81.6. Критерий Вилкоксона показал значимые различия ($V = 61.5$, $p < 0.01$). В дни тренировок показатели самочувствия при прохождении Опросника САН значимо отличались до и после тренировки – с 48.3 до 53.8 ($V = 25$, $p < 0.01$).

Далее был проведен анализ результатов контрольного условия (в дни без тренировок). Время прохождения «Таблиц Шульте» в среднем по выборке не изменилось (29.7 с). Значимых различий выявлено не было. Количество найденных букв при прохождении «Корректирующей пробы» Бурдона – 77.9 и 73.9 (время, близкое ко времени до и после тренировок соответственно). Критерий Вилкоксона не показал значимых различий, ($V = 318$, $p = 0.08$). Показатели самочувствия при прохождении Опросника

САН – 48.4 и 47.3 (время, близкое ко времени до и после тренировок соответственно), ($V = 323.5$, p -value = 0.06).

Для определения, являются ли контрольное и экспериментальное условие эквивалентными, использовался парный Т-критерий Стьюдента. Не было найдено значимых различий между показателями прохождения методик в контрольном и экспериментальном условии (до тренировки/времени, близкого ко времени тренировки). Это позволяет говорить о том, что изначальное состояние у испытуемых контрольной и экспериментальной групп значимо не отличается. При этом были обнаружены значимые различия между условиями в показателях прохождения методик после тренировки/времени, близкого ко времени тренировки. При прохождении «Таблиц Шульте» (контрольная группа до – 29.7 с, экспериментальная группа до – 27.1): $t = -3.0368$, $p < 0.01$. При прохождении «Корректирующей пробы» Бурдона (контрольная группа до – 73.8, экспериментальная группа до – 81.6): $V = 363$, $p < 0.01$. При прохождении Опросника САН (контрольная группа до – 47.3, экспериментальная группа до – 53.8): $V = 409$, $p < 0.01$.

Таким образом, спортивная физическая нагрузка положительно влияет на концентрацию и распределение внимания. Участники исследования показали улучшение показателей внимания после тренировок по сравнению с предварительными измерениями до тренировок. Также спортивная физическая нагрузка также приводит к улучшению показателей самочувствия участников. Показатели опросника САН свидетельствовали об улучшении психологического состояния после тренировок. Сравнительный анализ объективных (концентрация и распределение внимания) и субъективных (самооценка самочувствия) показателей ресурсного состояния подтвердил положительное влияние спортивной нагрузки. Результаты после тренировок были выше, чем до тренировок.

Список литературы

1. **Киселева, О.А.** Методика занятий физическими упражнениями оздоровительной направленности в процессе труда и отдыха операторов персональных компьютеров: автореферат. дис. на соискание науч. степени канд. пед. наук / О.А. Киселева. – Хабаровск, 2008. – 153 с.
2. **Olefir, V.O.** Effect of physical exercises and perceived stress interaction on students' satisfaction with life / V.O. Olefir, M.A. Kuznetsov, V.V. Plokhikh // *Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*. – 2019. – Vol. 23(1). – pp. 30–35.
3. **Maher, J.P.** Daily satisfaction with life is regulated by both physical activity and sedentary behavior / J.P. Maher, S.E. Doerksen, S. Elavsky, D.E. Conroy // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. – 2014. – Vol. 36(2). – pp. 166–178.

DYNAMICS OF AMPLITUDES OF EEG COMPONENTS AND PERFORMANCE IN THE LEARNING PROCESS

The research is supported by the Russian Science Foundation grant # 23-18-00473 (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences)

*Apanovich Vladimir (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, State Academic University for the Humanities)
apanovitschw@yandex.ru*

*Aramyan Eric (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences)
aramyan.eric@gmail.com*

*Gladilin Dmitry (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, State University of Psychology and Education)
dima.gladilin.psy@gmail.com*

*Yudakov Konstantin (State Academic University for the Humanities)
kost05062000@mail.ru*

We analyzed (N = 10) the dynamics of time-amplitude characteristics of the components of event-related potentials (ERPs) in the process of skill acquisition. We used psychophysical task of distinguishing the duration of visual signals using the "Yes-No" method. It was shown that the components of ERPs associated with different stages of a behavioral act are differently related to decision performance.

Keywords: *system-evolutionary approach, EEG, psychophysics, learning, event-related potentials, detection of short time intervals.*

Исследование посвящено сопоставлению динамик результативности и динамики амплитудно-временных характеристик связанных с событием потенциалов, возникающих в ходе научения участниками исследования задаче различения коротких интервалов времени. С системно-эволюционных позиций научение понимается как системогенез – появление новой системы индивидуального опыта, связанного с формируемым поведенческим актом. На нейрональном уровне системогенез описывается как системная специализация нейронов в процессе научения (Александров, 1989; Швырков, Александров, 1973).

Большая часть исследований научения основана на экспериментах, построенных по принципу сравнения «до–после» или на произвольном выделении эпох анализа. Наш подход к анализу предполагает прямое сопоставление динамики результативности и амплитудно-временных характеристик как сопоставления двух временных рядов.

Таким образом, к задачам исследования относились: 1) выделить наиболее типичные компоненты ССП, встречающиеся у всех участников исследования при решении задачи различения коротких интервалов времени; 2) сопоставить динамику результативности с динамикой амплитудно-временных характеристик выделенных компонентов ССП.

Участники исследования. В исследовании приняло участие 28 человек (20 жен. и 8 муж., возраст от 17 до 45, медиана – 19). Анализ физиологических показателей был проведён на группе «научившихся», в которую вошли 10 человек (7 жен. и 3 муж., возраст от 18 до 37, медиана 19,5), которые изначально не решали задачу, но научились в ходе эксперимента. Для выделения группы участников исследования, приобретших навык различения коротких интервалов времени, анализировался показатель d' , интерпретируемый нами как показатель текущей результативности решения задачи. Нулевые значения d' говорят о неспособности участника исследования различать короткие интервалы времени. Более высокие значения говорят о лучшей возможности дифференцировать сигналы. Участник исследования относился к группе «научившихся» в том случае, когда: 1) его показатель d' в начале экспериментальной процедуры достоверно не отличался от нуля; 2) дальнейшие значения d' достоверно отличались от нуля в 5% и более случаев (см. подробнее Апанович и др., 2022).

Описание одной пробы. В начале пробы участнику исследования в течение 200 мс предъявлялся сигнал «Внимание» – белый крест на чёрном фоне. После паузы в 350 мс предъявлялся сигнал-эталон в виде белого квадрата с линейными размерами 3x3 см. Эталон всегда длился 400 мс. Затем, после паузы в 350 мс предъявлялся оцениваемый сигнал: белый квадрат тех же размеров, который либо длился так же, 400 мс («пустая проба»), либо длился немногим дольше (466 мс или 492 мс для разных участников исследования, обоснование выбранных временных интервалов см. в Апанович и др., 2022) («сигнальная проба»). Участник исследования должен был дать ответ о наличии/отсутствии различия между сигналами нажатием на одну из двух клавиш. После этого следовала обратная связь о правильности ответа. Основная задача включала в себя 10 серий по 50 проб.

Регистрация и аппаратура. Для регистрации ЭЭГ использовалась установка «Энцефалан-ЭЭГР-19/26». Зарегистрированы монополярно следующие мозговые отведения: F3, Fz, F4, C3, Cz, C4, P3, Pz, P4, T3, T4, O1, O2, относительно объединённого ушного референта.

Анализ данных. Для анализа динамики результативности и амплитудно-временных характеристик выделенных компонентов ССП применялся принцип «скользящего окна» с шагом в 1 окно усреднения.

Размер эпохи усреднения соответствовал размеру одной экспериментальной серии, т.е. 50 пробам. Таким образом, были получены временные ряды длиной в 451 точку анализа.

Результаты и их обсуждение. Сопоставление динамики амплитуд выделенных компонентов и динамики результативности показал следующее. Взаимосвязи были показаны на компонентах, которые проявлялись в период предъявления оцениваемого сигнала. Выделялся позитивный пик со средней латенцией 177 мс после начала оцениваемого сигнала, негативный пик со средней латенцией 206 мс после начала оцениваемого сигнала и позитивный высокоамплитудный пик со средней латенцией 259 мс после начала оцениваемого сигнала. Амплитуды первых двух компонентов имеют обратные взаимосвязи с результативностью: можно говорить о том, что чем выраженнее данные компоненты, тем ниже результативность решения задачи различения коротких интервалов времени. Научение происходило после уменьшения выраженности амплитуд «ранних» компонентов.

Амплитуда высокоамплитудного компонента, приходящегося на середину оцениваемого сигнала, напротив, связана положительной связью с результативностью. При последующем повышении результативности связь динамики амплитуды позитивного компонента с латенцией 259 мс и динамики результативности имеет неоднородный характер (максимальная амплитуда данной позитивации предшествует точке локального максимума результативности при дальнейшем совершенствовании навыка).

Таким образом, полученные данные развивают представление о различии системного значения медленных ЭЭГ-потенциалов, в данном случае применительно к развертыванию системогенетических процессов. Известно, что позитивные и негативные колебания медленных потенциалов мозга связаны с динамикой развертывания системных процессов в дефинитивном поведении (Швырков, Александров, 1973), они могут интерпретироваться как индикаторы увеличения или уменьшения одновременно актуализированных специализированных относительно поведенческого акта нейронов (Гаврилов, 1987), а также служить в качестве показателя дробления поведенческого акта на отдельные его субэтапы (Максимова, Александров, 1987): чем выраженнее дробление поведения на два субэтапа в середине оцениваемого сигнала, тем успешнее решается задача.

Список литературы

1. **Александров Ю.И.** Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989. 198 с.
2. **Швырков В.Б., Александров Ю.И.** Обработка информации, поведенческий акт и корковые нейроны // Доклады АН СССР, 1973. Т. 212. № 4. С. 1021-1024.
3. **Апанович В.В.,** и др. Разработка и апробация психофизической методики исследования приобретения и совершенствования навыка // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 222–238.
4. **Гаврилов В.В.** Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 33–44.
5. Максимова Н.Е., Александров И.О. Типология медленных потенциалов мозга, нейрональная активность и динамика системной организации поведения // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 44–72.

THE INTERRELATION OF A PERSON'S COGNITIVE STYLES AND DECISION-MAKING TYPES

Asatryan Ani (Public Administration Academy of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia)

ani.n.asatryan@gmail.com

The work is dedicated to the interrelationship between cognitive styles of a person and decision-making types. A study was conducted among low and middle level managers.

Keywords: *cognitive style, creativity, decision-making, decision-making under uncertain conditions.*

Relevance of the research topic: A person's cognitive styles and decision-making have had their own evolution over time. People's perception of the world, living conditions have changed, technologies have developed, which have influenced the decision-making process of people, and the world, which is changing day by day, is very demanding of a leader.

The manager is required to make decisions that will be effective for the organization, will ensure profit, good reputation, and will match the culture of the organization.

Making decisions in highly competitive conditions is difficult, because very often the manager finds himself in uncertain situations, faces a number of external obstacles. In such a situation, it is very important that he has effective decision-making abilities [1]: It is important to study the decision-making features of the manager, because decision-making is an important indicator of the manager's effective work, which ensures the achievement of the organization's goals and sustainable growth. The manager's decision-making process is multi-layered, it includes a number of personal characteristics that should be the focus of researchers' attention.[2] Taking all this into consideration, it is important to study the cognitive styles and decision-making models for the leader, which will enable him to be more effective. The purpose of the research work is to study the correlation between a person's cognitive styles and decision-making. Based on the research work, here are presented hypothesis: it is assumed that the decision-making type of managers is determined by their cognitive styles and personal qualities of creativity. Research methods and sampling: After studying the theoretical and applied significance of the work, the testing method was chosen as a research tool. Based on the goals, the following methods were chosen:

- The Melbourne Decision Making Questionnaire
- Harrison – Bramson Thinking Styles Questionnaire
- Bruner Thinking types Questionnaire
- Williams Creativity Test

Results: According to the "Thinking Styles" questionnaire, the average indicators are: synthetic style: 54, idealistic: 55, pragmatic: 51, analytical 52, realistic: 53. According to The Melbourne Decision Making Questionnaire, the average indicators are: vigilance: 14, procrastination: 8, hypervigilance: 9, buck passing: 10. According to Bruner's Thinking Types Questionnaire, the average indicators are: objective thinking type: 7, symbolic thinking type: 9, figurative thinking type: 9, creativity: 9. According to Williams creativity test, the average indicators are: imagination: 10, risk: 15, interest: 14, complexity: 14, creativity self-esteem: 53. The results of the research show that idealistic and synthetic styles are expressed in low and middle managers. Leaders focus on the future, giving importance to social values : It is not special for them to solve problems on an intuitive level, based on their own experience, instead, they give importance to the information they have. Low and middle-level managers are characterized by a propensity for risk, as well as a propensity for complexity. [2] After theoretically and practically studying the connections between the cognitive styles of the manager and decision-making, we came to the following conclusions. There is a correlation between the cognitive styles and decision-making of managers, as the latter face the problem of making decisions on a daily basis. A person's decision-making is greatly influenced by his psychological characteristics, the culture that surrounds him, the position he holds, motivation and a number of other factors. Idealistic and synthetic styles are expressed among low and middle managers, which shows that managers focus on the future, giving importance to social values, they emphasize the goals of the future. It is not typical for them to focus on finding a more flexible, adaptive way to solve a problem. Solving problems intuitively and based on personal experience is not characteristic of them, instead they give more importance to the data they have. Vigilance is characteristic of low and middle managers. It is characterized by their flexibility, consideration of alternatives, which is mainly manifested by collecting additional information and studying all possible options. It implies the manager's tendency to make rational decisions and clarify the purpose of the decisions made. The delay in making decisions is not typical. Low and middle managers are characterized by a symbolic thinking style, which indicates that they have a mathematical mind. They are characterized by thought expressed in the form of structures and formulas, which capture quantitative relationships between symbols. Symbolic thinking is expressed, which is characteristic of people with a humanitarian mind. Their tendency to risk is characteristic. They tend to take risks when making decisions in uncertain situations. Imagination is not typical. Managers' self-esteem of creativity is low, they do not value their creativity capabilities so highly. The type of decision-making of managers is determined by cognitive styles and personal qualities of creativity. Vigilant type of decision-making is correlated with synthetic

style and curiosity, in the case of avoidant and procrastinating type of decision-making, managers are not inclined to take risks.

References

1. **Holodnaya M.A.** Cognitive Styles. The nature of the individual mind, 2004.
2. **Macarenco O.G. Lazareva V.N.** Creative Management, 2021.
3. **Tunic E.E.** Modification of Creative tests of Williams, 2008.

A MULTIDIMENSIONAL APPROACH TO OBTAINING RELIABLE AND ACCURATE CONCLUSIONS OF PROJECTIVE MEASUREMENT METHODS

Avanesyan Hrant (Yerevan State University, Armenia)

avanesyanh@ysu.am

This study is based on the analysis of theoretical approaches and the generalization of our own research, enabling the development of a multidimensional approach to creating a reliable and valid projective methodology in the field of psychological assessment and psychotherapy. We propose a multidimensional approach to psychological assessment (psychodiagnostics), founded on the analysis of results from many years of scientific research and practical work in applied areas of psychology (sports psychology, psychology of emergencies, management psychology, and recruiting). The main advantages of the method are associated with many years of testing the projective methodology, stimulus materials, and criteria for analysis and interpretation.

Keywords: multidimensional approach, projective test, drawings, measurement, reliability, validity.

Multidimensional statistical methods enable the rational selection of a model that best aligns with the initial statistical data characterizing the actual behavior of the studied object set. They facilitate assessing the reliability and accuracy of conclusions drawn from limited statistical material.[1] The attributes of the actual behavior of the studied object set, the evaluation of its reliability, and the precision of the conclusions hold significant importance for psychological measurement methods. We will illustrate the relevance of this approach through the example of projective techniques, specifically the test of repeated incomplete drawings.

The methodological concept of projective psychology is opposed to behavioral methodology and is deemed a "serious rebellion" against many of the theoretical psychology mainstreams (to which it owes its commitment). "The projective approach to psychology strongly contradicts the American behavioral tradition, which is still considered the most important basis for the beneficitation of modern theoretical psychology." [2]

In contrary to the approaches of psychologists, psychiatrists, and proponents of experimental psychology, the author concludes that all this has significantly contributed to the progress of experimental psychopathology. As a result of this analysis of projective methods, it is stated that in such studies, the erroneous delimitation of quantitative and qualitative data should be avoided, as both of these data may arise during the study of a person, and comprehensive means of their interpretation should be developed. At the same time, it should be noted that projections have an influential function - the so-called symbolic representation of consciousness, techniques of semantic-emotional influence, which are important in applied psychology (fairy tale, art therapy, music therapy), widely used in political debates, PR, interviewing (HR), and in image-making. However, this topic is no less important, subject to a separate discussion.

The main assumption is that in the process of experimental research, how expedient is it to use projective methods separately from standardized psychometric methods, and their demand is due to the psychological diagnostic value, i.e., a more complete description of the unconscious patterns of a person.

Equivalent to the above is the idea that certain proven projective methods are considered to be truly reliable. Although, according to the results of a meta-analysis of many years of experience in the application of projective methods (methods of TAT, Rosenzweig, Rorschach, Szondi, etc.), it is difficult to assert that projective methods are reliable and accurate. Nevertheless, the authors offer a list of criteria for projective techniques with adequate validity and a methodology for teaching psychologists this.[3]

There are studies with empirical verification of Seligman's multidimensional theory. Psychological factors associated in different ways with the correlates studied offer support for a multidimensional approach to measuring well-being.[4]

Comparative analysis of projective methods, of course, also points out their shortcomings in terms of the accepted criteria, i.e. the reliability. It is also obvious that the diagnostic "system" assumes the existence of special training and professional skills. However, in many cases, especially when the methods are used for research purposes, this is not enough for objectivity.

The creation of a reliable and valid projective method in the field of psychodiagnostics and psychotherapy is based on the satisfaction and combination of a number of preconditions. A separate part of each method, should it be an instruction, stimulus or stimulus material, criteria of analysis and interpretation, must be created and developed both in the theoretical aspect and experimentally. To solve the above parameters, it is most rational to apply a multidimensional approach, which is known in the scaling of psychological tests. [5] A multidimensional approach to the study of a phenomenon involves taking into account many different parts or aspects. Multidimensionality is the quality of a scale, test, etc. that is capable of measuring more than one dimension of a design. For example, a psychometrician might be interested in exploring the multidimensionality of a new scale for measuring cognitive function. [6]

The final version of the test consists of 16 variations depicting incomplete details of the drawings. These variations are arranged in squares and replicate the stimulus values. Employing a multidimensional approach, the test enables the evaluation of at least five indicators related to various personality traits: creativity, extraversion/introversion, anxiety, identity, aggression, sensuality, and self-attitude.

Complementary methods, as a variety of projective methods, provide an option to obtain comprehensive information about the subject due to the supplement and completion of the stimulus material. This problem can be solved from three main points of view: to ensure the appropriate reliability of the projective methods, to apply specially selected tests in the forensic-clinical examination process, and to propose strict requirements to future psychologists when teaching these methods. [7]

In this sense, it is important to consider the theory of E. Wartegg, which is the basis for the interpretation of images and their elements, combines the principles of psychoanalysis, behavior and physiology of higher nervous activity with an eclectic manifestation. The methodological substantiation of the WZT Drawing Test and the core parts of its implementation are considered in the author's monograph.

The other methodology called the Free Design of Restricted Scope was suggested by T. Abel. The methodology presents drawings of mentally healthy people, which belong only to the C and D types. Out of 213 healthy testees, only 16 pictures were classified as A and B types. The testees had an addiction to paranoia or idee fixe. The stimulus material is presented in the Personality Monthly (T. M. Abel, 2006). The next is the Test on symbol elaboration or clarification (Symbol Elaboration Test, J. Krout, 1950), the results of which are interpreted on the basis of the features of the image, the content and the verbal report of the testee. Moreover, the decisive role is given to the analysis of the content, which is revealed through the connection with the symbolism of the pictorial signs. [9]

Therefore, the proposed multidimensional approach to psychological assessment in projective tests, built upon years of scientific research and practical experience, supports the conclusion regarding its effective application. The method's primary advantages include clear instructions, the mutually complementary nature of stimulus material, and the duplication of criteria for analysis and interpretation.

References

1. **Kolacheva, N. V., Kuznetsova O. A.** (2014). *Primeneniye mnogomernogo normal'nogo raspredeleniya dlya postroyeniya veroyatnostnoy otsenki kompetentnosti. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 16 (1-6), 1776-1783.
2. **Abt, L. E., & Bellak, L. (Eds.)**. (1950). *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality*. Alfred A. Knopf. <https://doi.org/10.1037/11452-000>
3. **Lilienfeld S. O., Wood J. M., Garb H. N.** *The Scientific Status of Projective Techniques / Psychological science in the public interest*. Vol. 1, N 2, 2000. p. 53.

4. **Margaret L. Kern, Lea E. Waters, Alejandro Adler & Mathew A. White** (2015) A multidimensional approach to measuring well-being in students: Application of the PERMA framework, *The Journal of Positive Psychology*, 10:3, 262-271, DOI: 10.1080/17439760.2014.936962
5. **Avanesyan H. M.** Psychological Bases of Projective Drawing Assessment. Yerevan: Edit Print publ., 2023, 264 p.
6. APA Dictionary of Psychology. <https://dictionary.apa.org/multidimensionality>
7. **Lindzey G.** (1959). On the classification of projective techniques. *Psychological Bulletin*, 56, pp. 158-168.
8. **Abel T. M.** Free designs of limited scope as a personality index: A Comparison of Schizophrenics with Normal, Subnormal, and Primitive Culture Groups, *Journal of Personality*, 2006, Vol. 7, Issue 1, p. 50–62.
9. **Krout, Johanna.** Symbol Elaboration Test (S.E.T.): The reliability and validity of a new projective technique. *Psychological Monographs: General and Applied*, Vol 64(4), 1950, i-67./ <http://dx.doi.org/10.1037/h0093594>

THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF MILITARY PERSONNEL AS A COMBAT ACTIVITY DETERMINING FACTOR

Lokyan Arsen (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

a.lokyandoc@mail.ru

Baghdasaryan Svetlana (Public Administration academy of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia)

baghdasaryan.svetlana@mail.ru

The increase and refinement of appropriate level of psychological stability among military personnel to meet the challenges of modern warfare is a primary concern. It facilitates and makes it possible to demonstrate high combat activity in a combat situation, which is the ability of armed personnel to mobilize physical, professional and mental resources and to demonstrate appropriate behavior.

Keywords: *military personnel, psychological stability, combat activity, 44-day war, combat training, war stressors.*

In the last few decades, the fast increase in the intensity and speed of modern wars, the increase in the degree of freedom of action of echelons and military units, including the spread of network-centric warfare [7], present new and complex demands to military personnel. Among those requirements are the ability to quickly orientate in various complex situations and evaluate them, to choose the right behavior models in different situations, to counteract negative psycho-emotional influences, which is largely related to the psychophysiological state of the person at the moment, demands, beliefs and desires [4].

Based on the relevance of the topic, our goal was to study the factors determining the psychological stability of military personnel, which are related to the degree of combat activity.

It is believed that the degree of combat activity of a serviceman in battle conditions is subject to change, it is directly analogous to their psychological stability, in particular, the level of emotional intelligence and the manifestation of aggressiveness.

A survey was conducted in 2020-2023 during which 415 servicemen fully engaged in 2020: 164 soldiers who participated in the 44-day Artsakh war and 161 who did not participate, as well as 30 commanders of squad, platoon, detachment, battalion, military unit, 30 distinguished servicemen and 2022 also 30 servicemen who were engaged in September military operations.

For the implementation of the present goal, complex frameworks of the testing methods were used.

1. Hall Emotional Intelligence Test [1],
2. Spielberg Khanin. Determining the level of anxiety method[2],
3. Bass- Perry «the diagnosis of aggression» method [2, pp. 91-94],
4. Methodology of diagnosis of risk of neuropsychological stability and maladaptation under stress (A. Maklakov) [2, pp. 105-111],

5. Willingness to take risks Questionnaire (PSK) (Shubert) [6, cc. 51-57],
6. Stress resistance: Self-Assessment Test (N.V. Kirisheva, N.V. Ryabchikova) [5]:

Quantitative analysis of research results was performed using Excell-2010 and SPSS-26 data software.

The study of emotional intelligence revealed that the level of emotional intelligence of servicemen participating in combat operations is average, in contrast to those who did not participate. We assume that the relatively high level of emotional intelligence is due to the impact of Combat operations stress factors. We also evaluated the emotional intelligence of servicemen who did not take part in combat operations, which was clearly at a low level due to the fact that they were not in a tense situation.

We can see a clear difference in indicators between the aggression data. All components of the aggressiveness among the servicemen participating in the combat operations were at the normal level, while the enmity level of the non-participating conscripts, the physical aggression of the private and non-commissioned servicemen were above the normal level.

As we can see, among conscripts, aggressiveness was manifested in the form of an idea, that is, with the expectation of hurting and suspecting another person, and in the ranks and non-commissioned officers, it was physical, which is directly related to the fact that they did not participate in combat operations.

There were no obvious differences between the anxieties, neuropsychological stability and risk-taking indicators of the two target groups.

In order to confirm the proposed hypothesis, we also carried out the 2022 September combat operations analysis of emotional intelligence, aggressiveness, anxiety and stress resistance indicators of 30 servicemen participating in it, the results of which confirmed the assumption that a sufficient level of psychological stability was formed as a result of participating in combat operations.

As a result of the conducted research, we came to the conclusion that the stress factors of battle can contribute to the formation of a sufficient level of psychological stability, therefore it is necessary to develop and implement measures aimed at combat, including psychological training (individual training of military personnel, exercises conducted in a situation that simulates combat conditions as much as possible, exercises, training and military exercises, simulation and situational games), which will enable to show high combat activity from the beginning of the battle.

References

1. Աղուզումցյան Ռ., Պետրոսյան Լ., Պողոսյան Ս., Խաչատրյան Ա., Կառավարիչների հոգեբանական ընտրության գործընթացի առանձնահատկությունները, Երևան: ՀՀ Պետական կառավարման ակադեմիա, 2016, 208 էջ:
2. Ավանեսյան Հ. Մ., Ասրիյան Է. Վ., Ստեփանյան Լ. Ս., Հարությունյան Ն. Ա., Հովհաննիսյան Ս. Վ., Զինվորի հոգեկան հատկությունների գնահատման և զարգացման մեթոդներ (գործնական հոգեբանություն), Երևան: ՀՀ ԵՊՀ, 2017, 186 էջ:
3. Караяни А. Г., Сыромятников И. В., Военная психология. М.: ВУ, 2016, 500 с.
4. Киршева Н. В., Рябчикова Н. В., Психология личности: Тесты, опросники, методики. М.: Геликон, 1995, 220 с.
5. Троценко К. А., О подготовке войск к ведению боевых действий в высокотехнологичном вооруженном конфликте // Военная мысль, 2008, № 4, сс. 51-57.
6. Jonjo R. Modern Militaries and Network Centric Warfare Approach <http://surl.li/jvwou> (data 09.01.2014).

THE PREVALENCE OF EXOGENOUS DEPRESSION IN ARMENIA IN THE CONDITIONS OF INFORMATIONAL-PSYCHOLOGICAL STRUGGLE

Bejanyan Armen (Psychological Service "Apage", Yerevan, Abovian Pedagogical University)

bejanyan@ache.am

This article reflects on the increase in the prevalence of exogenous depression in Armenia, comparing the set of problems, as well as the causes and the process of those problems of the visitors of the psychological service "Аpаgа" during pre-war and post-war periods.

Keywords: *depression, informational-psychological struggle, affective, psychopathological disorder, emotional background, mood, well-being.*

The relevance of the research: According to the World Health Organization (WHO), depression is considered one of the most common psychopathological disorders. Besides, 40% of depressive states (according to WHO) are not diagnosed in time, because affective pathologies are often expressed by somato-vegetative and neurotic symptoms, and are examined by doctors of a wide profile. Not receiving the appropriate narrow professional support, the disease goes into the chronic stage with all its consequences. For instance, only 23% of visitors who applied to our service ("Аpаgа" psychological service center) were guided to a psychologist immediately after being examined by doctors. The 59% of our visitors turned to us after receiving a long-term (3-6 months) ineffective treatment. It is important to state that there is a significant mass of people suffering from depression who are left out of the treatment process and are not registered anywhere at all.

The most dangerous thing is that undiagnosed and untreated depressive disorders can lead to suicidal attempts and suicides.

The aim of this article is to study different etiopathogenetic and clinical descriptions of emotional disorders, which will help doctors, psychologists and psychotherapists of a wide profile to have a more accurate approach to affective psychopathological disorders.

The research object is the visitors who applied to the psychological service "Аpаgа". The subjects of study are the etiopathogenetic and clinical descriptions of emotional disorders and their prevalence in Armenia.

Sample: Participants were about 350 people aged over 18 years who had psycho-emotional disorders, depression, poor well-being with pessimistic tendencies towards the future. 170 visitors were studied during 2017-2019 and 180 visitors during 2021-2023.

Brief and complete versions of implicit-association tests (IAT), Spielberger-Hanin anxiety test, the DSM-IV criteria, the PTSD Checklist for DSM-5 (PCL-5) were used during the study.

As a result of the comparative analysis of the study conducted during 2017-2019 and 2021-2023, it was found that the increase of somatogenic and endogenous depression was not observed in 2017-2019 compared to 2021-2023, which cannot be said about exogenous (psychogenic) depression. The latter increased by about 30% in 2021-2023, that is, if in 2017-2019 the number of people suffering from mental depression was 62% of applicants, then in 2021-2023 91% of applicants suffer depression of that form. Moreover, 74% of those visitors singled out the negative impact of the internet and mass media.

Thus, once again, the hypothesis was confirmed that in the post-war situation, in the presence of ontological security problems and in the conditions of psychological warfare the possibility of psychogenic /exogenous/ depression with all its negative consequences increases significantly in the society.

References

1. **Սալամանյան Ս.**, «Դեպրեսիա» հարցեր և պատասխաններ, Москва, КРОН-ПРЕСС, 1998.
2. **Ferketick AK., Schwartzbaum JA., Frid DJ., Moeschberger ML.**, Depression as an antecedent to heart disease among women and men in the NHANES I study. National Health and Nutrition Examination Survey, Archives of Internal Medicine, 2000; 160(9), 1261-8.
3. **Ленгле А.**, Экзистенциально-аналитическая психотерапия, Издательство Генезисс, 2017.
4. **Лэнгле А.**, Дотянуться до жизни... Экзистенциальный анализ депрессии, Издательство Генезисс, 2017.
5. **Балленджер Дж.**, Сопутствующие заболевания и этиология тревоги и депрессии, Мастерская смирта-Клайна Бичема, 1993.

TO THE QUESTION OF THE PSYCHOLOGY OF EXTREME ACTIVITIES: EMOTIONAL INTELLIGENCE AND READINESS TO RISK (BY THE EXAMPLE OF ATHLETES-CLIMBERS)

*Belasheva Irina (FSAEI IHE «North-Caucasus Federal University», Stavropol, Russia)
ibelasheva@ncfu.ru*

*Yesayan Marine (FSAEI IHE «North-Caucasus Federal University», Stavropol, Russia)
mesaian@ncfu.ru*

The article deals with the relationship between indicators of emotional intelligence and readiness for risk in people involved in extreme activities (mountaineering and rock climbing). The results obtained confirmed the inverse two-way relationship between climbers' readiness (inclination) to take risks with indicators of emotional intelligence, as well as with personality traits and the degree of satisfaction with their lives.

Keywords: *Emotional intelligence, willingness (inclination) to risk, extreme activities, life satisfaction.*

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИИ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ (НА ПРИМЕРЕ СПОРТСМЕНОВ-АЛЬПИНИСТОВ)

*Белашева Ирина (ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия)
Есяян Марине (ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия)*

В статье рассмотрены вопросы взаимосвязи показателей эмоционального интеллекта и готовности к риску у лиц, занимающихся экстремальными видами деятельности (альпинизмом и скалолазанием). Полученные результаты подтвердили обратную двустороннюю связь готовности (склонности) к риску альпинистов с показателями эмоционального интеллекта, а также с личностными чертами и степенью удовлетворенности своей жизнью.

Ключевые слова. *Эмоциональный интеллект, готовность (склонность) к риску, экстремальные виды деятельности, удовлетворенность жизнью.*

Экстремальные виды деятельности всегда сопряжены с психической напряженностью и риском. Напряженность, прежде всего эмоциональная, возникает под действием факторов угрозы жизни и здоровью, характерных для экстремальных видов деятельности, вызывающих тревогу, страх и другие отрицательные эмоции, и одновременно запускающих реакции психологической защиты (Б.А. Смирнов, Е.В. Долгополова, 2007). Успешность деятельности в экстремальных условиях во многом будет определяться способностью человека совладать со своими эмоциями и сознательно направлять их «энергетику» на решение задач деятельности, что связано с уровнем развития эмоционального интеллекта.

Риск по сути является действием (решением), направленным на цель, достижение которой связано с опасностью, угрозой поражения или неудачи. В.А. Петровский (2008) в концепции надситуативной активности рассматривает риск как особого рода активность, а склонность к риску - как свойство личности. Готовность к риску может быть связана со стремлением поддерживать в себе обострённое чувство жизни, испытывать предельно острые ощущения, балансировать «на грани».

Возникает закономерный вопрос о взаимосвязях между способностями к эффективному управлению своими эмоциями и готовностью (склонностью) к риску, стремлением к острым эмоциональным переживаниям у людей, занимающихся экстремальными видами деятельности. Исходной точкой нашего анализа являются идеи С.Л. Рубинштейна о том, что внешняя среда (включая условия и характер деятельности) оказывает влияние на поведение человека в соответствии с его внутренней психической организацией (С.Л. Рубинштейн, 2002).

Цель нашего исследования – определение взаимосвязей показателей эмоционального интеллекта и готовности к риску у лиц, занимающихся экстремальными видами деятельности (на примере спортсменов-альпинистов).

Выборка респондентов составила 120 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 45 лет, состоящих в Ставропольской краевой Федерации Альпинизма, занимающихся экстремальными видами спорта (альпинизмом и скалолазанием) от 1 года до 15 лет.

Психодиагностический инструментарий: опросник склонности к риску А.М. Шуберта (1964), в адаптации М.А. Котик (1981); тест «Индекс жизненной удовлетворенности» А.О. Neugarten (1961), в адаптации Н.В. Паниной (1993); краткий пятифакторный опросник личности (TIPI-RU) S.D.Gosling, P.J.Rentfrow & W.B.Jr. Swann (2003), в адаптации А.С. Сергеевой, Б.А. Кириллова и А.Ф. Джумагуловой (2016); тест эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина (2006). Статистические методы: критерий корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Анализ результатов диагностики степени готовности (склонности) к риску показал, что 32% спортсменов-альпинистов отличаются высокой склонностью к риску, 19% склонны быть осторожными, у 49% определен средний уровень готовности к риску. При этом, большинство респондентов удовлетворены своей жизнью (по результатам анализа индекса жизненной удовлетворенности): 75% имеют высокий уровень удовлетворенности жизнью, 17% - средний уровень, 8% - низкий уровень.

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа показателей готовности к риску, эмоционального интеллекта, удовлетворенности жизнью и личностных шкал

Методики	Шкалы	Склонность к риску
опросник личности (TIPI-RU)	Дружелюбие	-,329*
	Эмоциональная стабильность	-,420*
	Открытость новому опыту	-,396*
тест эмоционального интеллекта (ЭМИн)	Управление эмоциями	-,453*
	Общий уровень эмоционального интеллекта	-,438*
	Понимание чужих эмоций	-,506*
	Понимание своих эмоций	-,518**
	Управление своими эмоциями	-,503*
	Межличностный эмоциональный интеллект	-,838*
индекс жизненной удовлетворенности	Внутриличностный эмоциональный интеллект	-,430*
	Индекс жизненной удовлетворенности	-,533*

Примечание. Уровень значимости: * 0,05 < p < 0,10; ** 0,01 < p < 0,05; в таблице указаны шкалы со значимыми корреляциями.

По результатам корреляционного анализа было выявлено, что между готовностью (склонностью) к риску и комплексными показателями эмоционального интеллекта (общим уровнем эмоционального интеллекта, внутриличностным эмоциональным интеллектом, межличностным эмоциональным интеллектом, управлением эмоциями), а также конкретными эмоциональными способностями (пониманием своих эмоций, пониманием чужих эмоций, управлением своими эмоциями) существует обратная двусторонняя связь (таблица 1). Это позволяет говорить о том, что при сформированных способностях понимания и управления эмоциями готовность к рисковому поведению у спортсменов-альпинистов снижается. Также обнаружены обратные корреляционные связи между готовностью к риску и такими личностными чертами альпинистов как открытость новому опыту, эмоциональной стабильностью, дружелюбием. Обратная связь достоверно подтверждена между готовностью к риску и удовлетворенностью своей жизнью (таблица 1).

Выводы. Высокая готовность к риску у спортсменов-альпинистов не способствует благополучному протеканию их деятельности, поскольку связана с несформированными способностями понимать и

управлять не только собственными эмоциями, но и эмоциями других людей. Сформированность внутриличностных и межличностных эмоциональных компетенций и навыков важна для успешных занятий альпинизмом и скалолазанием ввиду командного характера этой деятельности в экстремальных условиях, основанной на сплоченности и сработанности всех членов команды. Высокая готовность к риску у альпинистов связана с эмоциональной неустойчивостью, эгоизмом, установкой на свою отделенность от других, погруженностью в себя, закрытостью и может рассматриваться как один из маркеров неудовлетворенности собственной жизнью.

Список литературы

1. **Смирнов Б.А., Долгополова Е.В.** Психология деятельности в экстремальных ситуациях. Изд-во: Гуманитарный центр, 2007, 276 с.
2. **Петровский В.А.** Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. №1, с. 64-90.
3. **Рубинштейн С.Л.** Основы общей психологии. СПб: Изд-во «Питер», 2000. 712 с.

INTERRELATION BETWEEN MOTIVATION, MEANING OF LIFE AND EXISTENTIAL FULFILLMENT OF STUDENT YOUTH

The study was carried out with the financial support of the RA Science Committee within the framework of scientific project No. 10-2/21T-03.

*Berberyan Asya (Russian-Armenian University, Yerevan, The Republic of Armenia)
asya.berberian@rau.am*

The article is dedicated to the study of the relationship between motivation, the level of meaningfulness of students' lives and the existential fulfillment of student youth. An empirical study revealed a correlation between the level of motivation and the level of meaningfulness of students' lives.

Keywords: *motivation, meaningfulness, existential fulfillment, student youth.*

Стремительно происходящие процессы глобализации и цифровой трансформации определяют существенные преобразования во всех сферах общественной и личной жизни современного человека, что выявляет значимость проблемы бытия, жизни, существования и экзистенции. Актуальность работы обусловлена тем, что студенческий возраст является определяющим в формировании основных принципов и ценностей личности при постановке и реализации значимых целей, в развитии учебной мотивации и осмысленности жизни. По мнению Лэнгле, осмысленность достигается через аффирмацию с жизнью, что является целью экзистенциального анализа[6].

Гипотеза данной работы заключается в предположении о том, что 1) существует положительная корреляция между уровнем мотивации и уровнем осмысленности жизни студентов; 2) существует положительная корреляция между уровнем экзистенциальной наполненности и мотивацией студентов.

Целью исследования является изучение взаимосвязи между мотивацией, осмысленности и экзистенциальной исполненностью студентов.

Методологическая база: положения теории мотивации А.Маслоу, Д.А.Леонтьева, Frankl V. E., Längle A., Fromm, E..

Методы исследования: анализ научной литературы, тестирование, методы мат.статистики, а также методики: Шкала экзистенции Лэнгле, Тест Смыслоразнообразия ориентации (методика СЖО) Д.А. Леонтьева; 2) Методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А.Реан, В.А.Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой).

Мотивация рассматривается как побуждение, вызывающее активность организма и определяющее ее направленность.[5]. Многие ученые, такие как С.Л. Рубинштейн, Ж. Нюттен, А. А. Файзуллаев считали необходимым рассмотрение мотивационного процесса как стадийного [3]. А.Маслоу считал, что изучение мотивации должно представлять собой изучение первичных целей, желаний или потребностей человека, они имеют важную особенность: в основном они представляют собой скорее средства достижения целей, чем сами цели. Разумная теория мотивации, согласно А.Маслоу, должна предполагать,

что мотивация- непрерывна, не прекращается, она сложна и нестабильна и может являться характеристикой любого состояния организма [7]. В научной литературе существуют различные классификации учебных мотивов. Основными мотивами являются желание общаться со сверстниками, профессиональная направленность, соответствие профессии личным интересам, осмысление значимых явлений и т.д.. В последние десятилетия в психологии был разработан понятийный аппарат, опирающийся на понятие смысла. А.И. Гебос выделил несколько факторов, способствующих формированию положительной мотивации, в которые входят: осознание целей обучения, значимость теоретических и практических знаний, наличие любознательности и т.д.[1]

Студенческий возраст является важным периодом в жизни, т.к. именно в этом возрасте начинают формироваться мировоззрение, основные ценностные ориентации. Именно они помогают осознавать важность окружающей действительности и продуктивно конструировать свою жизнь, включая также учебную деятельность [2]. Такое понимание созвучно экзистенциальному анализу. В экзистенциальном анализе целью является развитие восприятия и индивидуальной активности (способности к самоотдаче) человека в его жизненном опыте, отношениях и действиях. Это означает, что экзистенциальный анализ работает с личностными состояниями, необходимыми для осмысленного существования. Экзистенциальный анализ рассматривает человека не просто как результат внутриспсихических процессов или влияния окружающей среды, а как человека, который может формировать себя в тех вещах, которые имеют значение в жизни [4]. Поэтому такие понятия, как бытие (экзистенция), отношение (ценности), свобода в решениях, ответственность (совесть) образуют фундаментальные понятия экзистенциально-аналитического способа мышления, и все они ведут к идее "смысла" (=логоса).

Выборка. Эмпирическое исследование проводилось в различных вузах Армении. В нем приняли участие 60 студентов магистратуры в возрасте от 19 до 21 года.

Результаты исследования: по методике мотивации мы выявили, что доминирующими мотивами являются профессиональные, коммуникативные мотивы, а учебно-познавательные и социальные менее выражены. По второй методике у большинства студентов наблюдается высокий и средний уровень осмысленности жизни – (43% и 33% студентов).

Мы выявили высокие показатели по субшкалам: Персональность (P) – 91,53; Экзистенциальность (E) – 87,09; Самотрансценденция (ST) – 63,75; а Исполненность (G) – 178,63.

Обсуждение результатов. Гипотеза о том, что существует положительная корреляция между уровнем мотивации и уровнем осмысленности жизни студентов получила подтверждение (коэффициент корреляции равен 0,41); а предположение о существовании корреляции между уровнем экзистенциальной наполненности и мотивацией студентов не получила своего подтверждения (коэффициент корреляции составляет 0,08).

Выводы. 1.В результате теоретического анализа особенностей личности студенческой молодежи были сделаны выводы об определяющей роли и осознании значимых аспекты их жизни, мотивации, осмысленности и экзистенциальной исполненности.

2.По полученным в ходе эмпирического исследования мы выявили корреляцию между уровнем мотивации и уровнем осмысленности жизни студентов и отсутствие корреляции между уровнем экзистенциальной наполненности и мотивацией студентов. Формирование устойчивых и осмысленных ориентаций в жизни в дальнейшем может привести к высокому уровню самореализации человека.

Список литературы

1. **Гебос А.И.** Психологические условия формирования положительной мотивации к учению // Воспитание, обучение, психическое развитие: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду психологов СССР. Ч.1 -М., 1977.
2. **Леонтьев Д.А.** Личностный потенциал: структура и диагностика / Под Ред. Д.А.Леонтьева - М.: Смысл, 2011. – 680 с.
3. **Файзуллаев А. А.** Принятие мотива личностью // Психол. журнал. — 1985. — № 4 .
4. **Frankl, V. E.** (1967). *Csychotheracy and existentialism: Selected cacers on logotheracy*. New York: Washington Square Cress/Cocket Books.

5. Heckhausen, J., & Heckhausen, H. (Eds.). (2008). Motivation and action (2nd ed.). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511499821>
6. Längle A. (2005). The Search for Meaning in Life and the Existential Fundamental Motivations. Existential Analysis
7. Maslow, A. H. (1954). Motivation and personality (First ed.). Harper & Row. ISBN 978-0-06-041987-5. Retrieved 6 Ju

RELATIONSHIP BETWEEN SYMPTOMS OF DEPERSONALIZATION-DEREALIZATION AND EMBODIED SENSE OF SELF

*Bichevina Daria, Enikolopov Sergey (FGBNU NCPZ, Moscow, Russia)
daria.bichevina@gmail.com*

Embodied Sense of Self Scale is the only validated self-assessment tool for embodiment anomalies. The purpose of this study was to identify the relationship between symptoms of depersonalization and components of the embodied sense of self. The results obtained may indicate that a disturbed sense of ownership and sense of agency are related to depersonalization-derealization symptoms.

Keywords: *depersonalization/derealization disorder, sense of agency, sense of ownership, Embodied Sense of Self Scale.*

СВЯЗЬ СИМПТОМОВ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ-ДЕРЕАЛИЗАЦИИ И ТЕЛЕСНОГО ОЩУЩЕНИЯ СЕБЯ

Бичевина Дарья., Ениколопов Сергей (ФГБНУ НЦПЗ, Москва, Россия)

Шкала телесного ощущения себя является единственным валидированным инструментарием самооценки аномалий телесности (embodiment). Целью настоящего исследования являлось выявление взаимосвязи симптомов деперсонализации и компонентов телесного ощущения себя. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что нарушенное чувство собственности, лишение тела «субъектности» имеет взаимосвязь с деперсонализационно-дереализационной симптоматикой.

Ключевые слова: *расстройство деперсонализации/дереализации, чувство субъектности, чувство владения телом, шкала телесного ощущения себя.*

Актуальность: Понимание связи нарушений образа тела и расстройства деперсонализации-дереализации имеет решающее значение как для пациентов, так и для медицинских работников при обеспечении эффективных интервенций и поддержки. Данное расстройство может оказывать сильное влияние на восприятие человеком собственного образа тела. M.Sierra и соавторы [7,8] рассматривают в качестве основных компонентов аномального телесного опыта при деперсонализации нарушения обладания телом (ownership) и нарушения чувства субъектности/агентности (agency). Чувство обладания телом и чувство субъектности, согласно S. Gallagher [4], являются составляющими «Минимального Я», то есть осознания себя как непосредственного субъекта опыта. Наряду с этим, автор выделял Нарративное Я, которое представляет собой расширение во временной перспективе (то есть непрерывность и единообразие во времени) минимального Я. T. Asai и соавторы [1] объединили два конструкта в один - телесное ощущение себя (Embodied Sense of Self (ESS)), представляющие собой субъективные ощущения самости, которые основаны на нашем собственном теле или сенсомоторной системе. Авторы также разработали соответствующую шкалу телесного ощущения себя (Embodied Sense-of-Self-Scale), которая продемонстрировала высокую надежность-согласованность, ретестовую надежность, показала критериальную, конвергентную и дискриминативную валидность шкал. Данная шкала использовалась для дифференциации пациентов с шизофренией, то есть людей, о которых известно, что они обладают аномальной телесной саморепрезентацией, от здоровых людей из контрольной группы, а также от лиц с шизотипическими чертами личности [2] и лиц, склонных к психозу [5]. В свете сказанного выше, представляется перспективным применение данного опросника для пациентов с расстройством деперсонализации-дереализации не только в контексте расширения психологической квалификации

данного расстройства, но также и для изучения аномального телесного опыта при расстройствах телесности (disorders of embodiment по S.Gallagher).

Целью данного исследования являлся анализ взаимосвязи между выраженностью деперсонализационно-дереализационной симптоматики и нарушениями чувства обладания телом (sense of ownership), чувством субъектности/агентности (Sense of agency), континуальности и непрерывности самости во времени (Narrative).

В ходе исследования была проверена гипотеза о том, что нарушения в показателях телесного ощущения себя положительно связаны с более высокими показателями деперсонализационно-дереализационной симптоматики.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 51 пациентка расстройствами шизофренического спектра (F20, F21), а также пациенты с аффективными расстройствами (F31, F34), в возрасте от 16 до 46 лет (средний возраст $20,2 \pm 6,6$), которые имели симптомы деперсонализации. Пациентки находились на стационарном лечении в отделе по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБНУ НЦПЗ.

Все испытуемые были включены в исследование на этапе становления ремиссии. С каждой из девушек проводилась клиническая беседа для сбора анамнестических данных. Участницы заполняли следующие две методики:

1. «Кембриджская шкала деперсонализации» (Cambridge Depersonalization Scale) в русскоязычной адаптации [10].
2. Шкала Телесного Ощущения Себя (Embodied Sense-of-Self Scale). Адаптация опросника на русскоязычной выборке в настоящее время проводится, в статье опросник используется для исследовательских целей. Опросник состоит из 25 вопросов, содержит 3 подшкалы: «Принадлежность» (всего шкала содержит 9 подпунктов); «Субъектность» (всего шкала содержит 8 подпунктов); «Нарратив» (всего шкала содержит 8 подпунктов). Ответы даются по 5-балльной шкале в диапазоне от «категорически не согласен» до «полностью согласен» [1].

Статистический анализ данных осуществлялся с помощью пакета программ SPSS. Для оценки связи между параметрами были применены методы корреляционного анализа.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования телесного опыта, связанного с ощущением владения собственным телом, ощущением агентности и непрерывности собственного «Я» показали статистически значимый рост данных показателей (то есть нарастание их нарушений) при увеличении явлений деперсонализации, это касается как общей шкалы, так и подшкал. По результатам корреляционного анализа были выявлены значимые статистические взаимосвязи между выраженностью деперсонализации и нарушениями чувства обладания телом ($r=0,619$, $p<0,01$), чувством агентности по отношению к своему телу ($r=0,503$, $p<0,01$), а также нарративной идентичности ($r=0,581$, $p<0,01$). Полученные данные подтверждают выдвинутые теоретические воззрения о связи данных феноменов (например, [3, 9, 7, 6]). Выделенные M.Sierra и соавторами подфакторы Кембриджской шкалы деперсонализации [6] имеют значимую положительную взаимосвязь с параметрами телесного ощущения себя, которая варьируется от 0,396 до 0,589 (при $p<0,01$), за исключением фактора «Искажение восприятия». Данный подфактор имеет статистически значимую связь ($r=0,397$, $p<0,01$) лишь с параметром «Нарратив». Данный фактор отражает континуальность (т. е. временное расширение за счет автобиографической памяти) и единообразие идентичности [1]. M.Sierra и соавторы [7], рассматривали аномальные субъективные воспоминания, проявляющиеся, например в том, что события, происходившие с пациентами в прошлом, теряют личностную отнесенность и эмоциональную значимость, как один из главных компонентов данного расстройства. В связи с вышесказанным, данный результат также представляется последовательным.

Выводы

1. Была выявлена статистически значимая положительная взаимосвязь между общим показателем деперсонализационно-дереализационной симптоматики и параметрами телесного ощущения себя
2. Подфакторы Кембриджской шкалы деперсонализации «Отчуждение образа собственного тела», «Эмоциональное оцепенение» и «Отчуждение от окружающего мира» имеют статистически

значимую положительную взаимосвязь с параметрами телесного ощущения себя (Принадлежность, Субъектность, Нарратив)

3. Подфактор «Искажение восприятия» имеют статистически значимую положительную взаимосвязь с подшкалой «Нарратив» Шкалы Телесного Ощущения Себя.

Список литературы

1. **Asai T, Kanayama N, Imaizumi S, Koyama S, Kaganoi S.** Development of Embodied Sense of Self Scale (ESSS): Exploring Everyday Experiences Induced by Anomalous Self-Representation. *Front Psychol.* 2016 Jul 5;7:1005. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01005. PMID: 27458403; PMCID: PMC4932106.
2. **Asai, T.; Mao, Z.; Sugimori, E.; Tanno, Y.** Rubber hand illusion, empathy, and schizotypal experiences in terms of self-other representations. *Conscious. Cogn.* 2011, 20, 1744–1750
3. **Billon, Alexandre** (forthcoming). Depersonalization and the sense of bodily ownership. In Adrian Alsmith & Matthew Longo (eds.), *Routledge Handbook of body awareness*. Routledge.
4. **Gallagher, S.** (2000). Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science., 4(1), 0–21. doi:10.1016/s1364-6613(99)01417-5
5. **Madeira, L.; Bonoldi, I.; Rocchetti, M.; Samson, C.; Azis, M.; Queen, B.; Bossong, M.; Perez, J.; Stone, J.; Allen, P.; et al.** A initial investigation of abnormal bodily phenomena in subjects at ultra high risk for psychosis: Their prevalence and clinical implications. *Compr. Psychiatry* 2016, 66, 39–45.
6. **Sierra M., Baker D., Medford N., David A.** Unpacking the depersonalization syndrome: an exploratory factor analysis on the Cambridge Depersonalization Scale. *Psychol Med.* 2005 Oct;35(10):1523-32. doi: 10.1017/S0033291705005325. PMID: 16164776.
7. **Sierra, M. & David, A.S.** (2011) Depersonalization: A selective impairment of self-awareness, *Consciousness and Cognition*, 20, pp. 99–108.
8. **Sierra, M., & Berrios, G. E.** (2001). The phenomenological stability of depersonalization: Comparing the old with the new. *Journal of Nervous and Mental Diseases*, 189, 629–636.
9. **Tanaka, S.** (2018). What is it Like to Be Disconnected from the Body?: A Phenomenological Account of Disembodiment in Depersonalization/Derealization Disorder. *Journal of Consciousness Studies* 25 (5-6):239-262.
10. **Лебедев, С. В.** Адаптация и психометрический анализ методов психодиагностики деперсонализации: специальность 19.00.04 "Медицинская психология" : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Лебедев Сергей Вячеславович. – Москва, 2004. – 166 с. – EDN NMRNXV.

HEMODYNAMIC INDICATORS OF THE BRAIN AT REST AND PROFILE OF LATERAL ORGANIZATION OF FUNCTIONS

*The study was supported by the Russian Science Foundation grant 23-15-00018
Bychkova Alesya (M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),*

*Evgeniy Masherov (National Medical Research Center named after N.N. Burdenko, Moscow, Russia),
Elena Enikolopova (M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia) Alesbychkova@gmail.com*

FNIRS data were obtained from healthy participants during quiet wakefulness. The dependence of the relative concentration of deoxyhemoglobin in the left midfrontal gyrus on the profile of lateral asymmetries was established. The flow of associations is considered as the second factor influencing the hemodynamic parameters of the brain at rest.

Key words: *resting state, near-infrared spectrometry, fNIRS, interhemispheric interaction, profile of lateral organization of functions.*

Актуальность. Функциональная ближняя инфракрасная спектроскопия (fNIRS) вызвала большой интерес как неинвазивный метод изучения церебральной гемодинамики, связанной с активностью мозга. Метод позволяет с высоким временным и пространственным разрешением исследовать изменение уровня оксигенации крови в поверхностном слое мозговой ткани человека во время функциональных проб (Rahman, 2020, Huo et al., 2021, Ye, 2023). Имеются работы, показывающие относительную устойчивость пространственных карт функциональной связности в состоянии покоя по гемодинамическим показателям у здоровых испытуемых. Эти результаты закладывают идею о том, что топологические метрики с использованием NIRS-покоя могут быть использованы в клинической неврологии (Niu et al., 2013). Клинические исследования мозговых сетей в состоянии покоя показали ряд изменений, регистрируемых с помощью метода fNIRS при различных патологических процессах (Li et al., 2018). Однако эта область остаётся малоизученной. В частности, отсутствуют работы, в которых показатели fNIRS изучались бы в зависимости от профиля латеральных асимметрий испытуемого. Вместе с тем, описаны различия биоэлектрических показателей у правой и левой (Жаворонкова, 2006).

Целью исследования являлось изучение гемодинамических показателей мозга в условиях покоя в выборке из 20 здоровых испытуемых с разным профилем латеральной организации функций.

Выборка, методы и методики исследования. В исследовании участвовали 20 здоровых испытуемых (средний возраст 52 года), 16 женщин. Для составления профиля латеральной организации функций использовался опросник Аннет, данные о наличии левшества среди ближайших родственников, поздние пробы для рук, определение ведущего глаза. Каждый ответ испытуемого как правши оценивался в 0 баллов, ответ как амбидекстра («могу и левой, и правой») – 1 балл, ответ как левши – 2 балла. Таким образом, интегральный балл показывал «сдвиг» профиля в сторону левшества.

В исследовании был задействован 8-канальный аппарат fNIRS Octamon+ компании Artinis Medical Systems. Сигналы fNIRS регистрировались билатерально в лобно-височной области. Запись осуществлялась в состоянии покоя в течение 7 минут. Для направленного изменения параметров межполушарного взаимодействия испытуемым на пятой минуте помещали влажную салфетку на левую руку. Сразу после окончания записи испытуемый рассказывал о содержании мыслей, свободных ассоциаций и своём эмоциональном состоянии во время сеанса. Рассказ испытуемого записывался на диктофон и расшифровывался.

Для устранения помех нефизиологической природы, как правило, связанных с колебаниями температуры источников и приемников излучения, сигналы с устройства подвергались фильтрации в диапазоне 0.01Гц-0.2Гц в программе MATLAB. Были вычислены математические ожидания полученных показателей, а также их разность по каждому датчику. Для проведения корреляционного анализа данных использовалась программа IBM SPSS Statistics Ver.17.

Результаты. Интегральный показатель профиля моторных и сенсорных асимметрий в исследованной выборке образовал континуум величин с медианой 4 балла, дисперсией 40,2 балла, стандартным отклонением - 6,3 балла. Значения интегральных показателей профиля были прокоррелированы с динамикой значений относительной концентрации оксигемоглобина и дезоксигемоглобина крови по каждому датчику. Была выявлена значимая корреляция между интегральными показателями профиля и динамикой (до и после тактильного воздействия на левую руку) относительной концентрации дезоксигемоглобина в крови по датчику, расположенному в области средней лобной извилины левого полушария мозга ($R=0.65$ $p=0,021$). Гемодинамические показатели по остальным семи датчикам значимых связей с профилем не обнаружили (корреляции на уровне тенденций).

Обсуждение и заключение. Изменение относительной концентрации дезоксигемоглобина в крови среднелобной области (46 поле Бродмана) левого полушария в рамках нашей экспериментальной парадигмы проявило связь со значениями профиля латеральной организации функций. С одной стороны, это доказывает ведущую роль левого полушария в формировании моторных асимметрий человека (Хомская с соавт., 1997). С другой - наши данные показывают, что гемодинамические показатели мозга в состоянии покоя в очень незначительной степени определяются индивидуальными сенсорными и моторными асимметриями испытуемого. Существует, по крайней мере, ещё один фактор, влияющий на гемодинамические показатели мозга в покое. Этот фактор может складываться из характеристик ассоциативного потока, модальности воспоминаний и эмоциональных переживаний, преобладающих у

испытываемого во время данного сеанса покоя (Бычкова с соавт., 2021). Структурному описанию и формализации этой составляющей покоя будет посвящена заключительная часть сообщения.

Список литературы

1. **Rahman M. A.** et al. A narrative review on clinical applications of fNIRS // Journal of Digital Imaging. – 2020. – Т. 33. – С. 1167-1184.
2. **Huo C.** et al. A review on functional near-infrared spectroscopy and application in stroke rehabilitation // Medicine in Novel Technology and Devices. – 2021. – Т. 11. – С. 100064.
3. **Ye X.** et al. Hotspots and trends in fNIRS disease research: A bibliometric analysis // Frontiers in Neuroscience. – 2023. – Т. 17.
4. **Niu H.** et al. Test-retest reliability of graph metrics in functional brain networks: a resting-state fNIRS study // PLoS One. – 2013. – Т. 8. – №. 9. – С. e72425.
5. **Li X.** et al. Decreased resting-state brain signal complexity in patients with mild cognitive impairment and Alzheimer's disease: a multi-scale entropy analysis // Biomedical optics express. – 2018. – Т. 9. – №. 4. – С. 1916-1929.
6. **Жворонкова Л.А.** Правши – левши: межполушарная асимметрия электрической активности мозга человека. – М.: Наука, 2006. – 222С.
7. **Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В.** Нейропсихология индивидуальных различий. – М.: Рос. пед. агентство, 1997. – 282 с.
8. **Бычкова А.С., Каверина М.Ю., Ениколопова Е.В., Кроткова О.А.** Содержание спонтанного потока сознания в состоянии покоя при мягкой компрессии одного из полушарий мозга // Вопросы психологии – 2021– Т. 67 – № 3 – С. 162-170.

REFLEXIVITY OF FORCED MIGRANTS OF MATURE AGE WITH DIFFERENT TYPES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

*Buchek Albina (Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University», Belgorod, Russia)
buchekaa@apkpro.ru*

*Serebryanaya Maria (Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University», Belgorod, Russia)
serebryanayamv@yandex.ru*

The differences in the forms of reflexivity among forced displaced persons with different types of socio-psychological adaptation, between productive and unproductive types of adaptation are revealed. The authors conclude that there is a relationship between the conformal type of socio-psychological adaptation and the reflexivity of the individual in a situation of forced relocation. Reflexivity is considered as a resource for effective living in difficult life situations.

Keywords: *Reflexivity, socio-psychological adaptation, productive adaptation, forced displaced persons, mature age.*

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

*Бучек Альбина (НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия)
Серебряная Мария (НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия)*

Раскрываются различия в формах рефлексивности у вынужденных переселенцев с разными типами социально-психологической адаптации, между продуктивными) и непродуктивными типами

адаптации. Авторы приходят к выводу о наличии взаимосвязи между конформным типом социально-психологической адаптации и рефлексивностью личности в ситуации вынужденного переселения. Рефлексивность рассматривается авторами как личностный ресурс эффективного проживания сложных жизненных ситуаций.

Ключевые слова: рефлексивность, социально-психологическая адаптация, продуктивная адаптация, вынужденные переселенцы, зрелый возраст.

В современном мире наблюдается тенденция увеличения числа вынужденных переселенцев по всему миру, и психологическое сообщество не может оставить без внимания вопрос их социально-психологической адаптации. Люди, покинувшие свой дом, сталкиваются с множеством трудностей, преодоление которых требует от них значительных личностных и поведенческих изменений. Ведущая роль в определении основной стратегии включения переселенцев в новое общество отводится психологии, так как именно она позволяет определить личностные качества, которые выступают как внутренние факторы успешности социально-психологической адаптации. В числе таких факторов мы предлагаем рассмотреть рефлексивность, т.е. направленность на анализ собственной деятельности [1], и целью своего исследования ставим изучение рефлексивности у вынужденных переселенцев зрелого возраста с разными типами социально-психологической адаптации. Мы предполагаем, что для вынужденных переселенцев с разными типами социально-психологической адаптации будут характерны разные формы рефлексивности, а продуктивное течение адаптации будет сопряжено с высоким уровнем развития рефлексивности в целом.

Исследование было организовано на базе пункта временного размещения беженцев в Белгородской области. Выборку составили 51 человек в возрасте от 34 до 58 лет. Каждым из респондентов было принято решение закрепиться на новом месте жительства или навсегда переехать вглубь страны, что позволяет классифицировать их как вынужденных переселенцев. Нами были использованы следующие методики: 1) «Определение уровня рефлексивности» (В.В. Пономарева) для фиксации уровня рефлексивности и ее форм [2]; 2) «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л.В. Янковский) для определения типа адаптации к новой социокультурной среде [3].

В ходе исследования был проведен анализ различий по формам рефлексивности в зависимости от типа адаптации с помощью критерия Н-Крускалла-Уоллиса. Было установлено наличие различий по показателям рефлексии общения и взаимодействия с людьми ($H = 0,002$; $p \leq 0,01$), рефлексии настоящей деятельности ($H = 0,004$; $p \leq 0,01$) и общему уровню рефлексивности ($H = 0,040$; $p \leq 0,05$). Анализ средних значений показывает, что направленность на рефлексии в межличностном взаимодействии в наибольшей степени соответствует конформному типу включения в новую среду (ср. знач. = 29,4), т.е. склонные к осмыслению внутреннего мира других людей вынужденные переселенцы сильнее прочих ориентированы на принятие норм и ценностей новой группы. Рефлексия общения помогает им получать необходимое социальное одобрение и обеспечивает поддержание отношений с новым социумом. Рефлексия настоящей деятельности в большей степени характерна для интерактивного типа адаптации (ср. знач. = 29,4), исходя из чего мы понимаем, что погруженные в ситуацию настоящего переселенцы, уделяющие время анализу происходящего прямо сейчас, в процессе адаптации направлены на активное вхождение в новую среду. Осмысление текущей деятельности и соотнесение собственных действий с предметной ситуацией обеспечивает для таких переселенцев сотрудничество с другими и объясняет их готовность контролировать собственное поведение в соответствии с нормами, ценностями и установками нового общества. Высокие значения общего уровня рефлексивности характеризуют адаптивный тип включения в новую среду (ср. знач. = 131,4). Способные к глубокому осмыслению всего происходящего и произошедшего с ними вынужденные переселенцы в процессе адаптации демонстрируют большую личную удовлетворенность. Они положительно отзываются об окружающих и демонстрируют принадлежность к новому обществу, что, вероятно, обеспечивается направленностью на внутренний анализ своих действий и поступков других людей, причин своих действий в прошлом, настоящем и будущем.

Следующим этапом анализа стало установление характеристик рефлексивности в продуктивных (адаптивный, интерактивный, конформный) и непродуктивных (ностальгический, депрессивный, отчужденный) типах адаптации с помощью критерия U-Манна-Уитни по параметрам рефлексии общения

и взаимодействия с другими людьми ($H = 0,004$; $p \leq 0,01$) и общей рефлексивности ($H = 0,002$; $p \leq 0,01$). Средние значения показывают, что для продуктивных типов адаптации в большей степени характерна социальная рефлексия (ср. знач. = 29,9) и рефлексивность в целом (ср. знач. = 117). Вынужденные переселенцы, демонстрирующие готовность активно включаться в новое общество, характеризуются высокими значениями рефлексивности и уделяют особое внимание анализу собственных действий в контексте межличностных отношений.

Статистический анализ посредством критерия г-Спирмена позволил установить наличие взаимосвязей конформного типа адаптации с социальной рефлексивностью ($r = 0,479$; $p = 0,000$) и общей рефлексивностью ($r = 0,306$; $p = 0,029$). Получается, что чем сильнее у человека развита рефлексивность и чем больше внимания он уделяет анализу своего взаимодействия с другими людьми, тем в большей степени для него будет характерно конформное включение в новую среду. При этом, вынужденные переселенцы с конформным типом социально-психологической адаптации характеризуются высокой социальной рефлексивностью и в целом склонны обращаться к анализу своей действий и поступков других людей.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать заключение о том, что в зрелом возрасте продуктивное течение социально-психологической адаптации характеризуется развитой рефлексивностью личности, переживающей вынужденное переселение. В зависимости от адаптационного типа преобладает та или иная форма рефлексивности: конформный тип характеризуется социальной рефлексивностью, интерактивный – рефлексивностью настоящего, а адаптивный – общей рефлексивностью. Важно, что рефлексивность в том или ином виде характеризует каждый вариант продуктивного протекания адаптации, обеспечивая своевременную и адекватную перестройку поведенческих и личностных конструкторов вынужденного переселенца в соответствии с новой социокультурной средой, что указывает на ее значимость в структуре личности в контексте вынужденного переселения и позволяет рассматривать ее как возможный внутренний фактор успешности социально-психологической адаптации.

Список литературы

1. **Журавлев, А. Л.** Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 4. – С. 27-37.
2. **Пономарева, В. В.** Психодиагностика рефлексивности как метод социально-психологического исследования управленческой деятельности : Дисс. ... канд. психол. / В.В. Пономарева. – Ярославль, 2000. – 188 с.
3. **Сонин, В. А.** Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л.В. Янковского) / В.А. Сонин // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб, 2004. – С. 206-211.

USING A DIFFERENTIAL NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF REGULATORY FUNCTIONS

Budyka Elena (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Gladkikh Regina (A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Moscow, Russia)

ev-mgu@yandex.ru

It was revealed that different components of regulatory processes differ due to the lateral organization of motor and sensory functions. Indicators of inhibitory control, cognitive flexibility, phonetic and semantic verbal fluency are higher in individuals with right-sided signs of asymmetry in the manual and auditory-speech systems.

Keywords: *regulatory functions, functional interhemispheric asymmetry, lateral signs in the motor and sensory systems.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ РЕГУЛЯТОРНЫХ ФУНКЦИЙ

Будыка Елена (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Гладких Регина (Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова, Москва, Россия)

Выявлено, что разные компоненты регуляторных процессов различаются в связи с латеральной организацией моторных и сенсорных функций. Показатели тормозящего контроля, когнитивной гибкости, фонетической и семантической вербальной беглости выше у лиц с правосторонними признаками асимметрии в мануальной и слухоречевой системах.

Ключевые слова: регуляторные функции, функциональная асимметрия, латеральные сенсомоторные признаки.

Среди индивидуально-психологических различий, изучаемых дифференциальной нейропсихологией, большое внимание уделяется особенностям регуляторных процессов [1, 2]. К мозговым механизмам этих различий относят межполушарное взаимодействие и межполушарную асимметрию мозга, которые отражаются в признаках латеральной организации моторной и сенсорных систем [3]. Общепринятым подходом к изучению регуляторных функций является выделение и анализ их различных компонентов, в частности, тормозящего (тормозного) контроля, рабочей памяти, когнитивной гибкости [3, 4]. Тормозящий контроль рассматривается в качестве одного из центральных механизмов управления поведением. Широко используемой методикой его исследования считается словесно-цветовой интерференционный тест Струпа. Под когнитивной гибкостью подразумевается деятельностное приспособление к изменениям текущей ситуации, способность быстро адаптироваться к изменившимся требованиям или приоритетам [2]. Для оценки когнитивной гибкости используются задания на образную беглость, вербальную и категориальную (или семантическую) беглость [4]. Также оценить когнитивную гибкость позволяют различные модификации теста Струпа.

Актуальность продолжения изучения различных компонентов произвольной регуляции с позиций дифференциальной нейропсихологии обусловлена недостаточностью сведений относительно их вариабельности, связанной с межполушарной организацией моторных и сенсорных функций. Цель настоящего исследования заключалась в выявлении особенностей разных компонентов регуляторных функций в зависимости от признаков сенсомоторной асимметрии. Выдвигалась гипотеза о том, что разные компоненты регуляторных функций по-разному связаны с проявлениями моторной и сенсорной асимметрии.

Материалы и методы. Исследование включало несколько серий, в которых участвовали студенты вузов, 216 девушек и 253 юноши в возрасте 18-23 лет. Применяли две группы методик. Первая была представлена методиками оценки признаков моторной и сенсорной асимметрии по схеме Е.Д. Хомской, И.В. Ефимовой [5]. В соответствии с ней определяли моторную асимметрию в мануальной системе на основе субъективных (по опроснику Аннет) и объективных (по показателям динамометрии, теппинг-теста, Луриевских проб) данных, слухоречевую асимметрию по дихотическому тесту и зрительную (проба Розенбаха и прицеливание). Вторая группа включала модифицированный словесно-цветовой интерференционный тест Струпа и методику «Вербальная беглость» из системы оценки управляющих (регуляторных) функций Делис-Каплан (Delis-Kaplan Executive Functions Scale) [4]. Статистическую обработку данных проводили при помощи пакета SPSS Statistics 23 (сравнение независимых выборок по критерию U Манна-Уитни и корреляционный анализ по Спирмену).

Результаты и обсуждение. У испытуемых, участвовавших в исследовании, выявлена большая частота правосторонних признаков функциональной асимметрии, особенно в моторной мануальной системе (от 79% до 86% в разных сериях исследования). Также чаще отмечались правосторонние латеральные признаки в слухоречевой (50–64%) и зрительной сферах (у 46–60%).

Обобщение результатов разных серий исследования свидетельствовало о том, что показатели тормозящего контроля и когнитивной гибкости в модифицированном тесте Струпа (из D-KEFS) были связаны с особенностями межполушарной организации слухоречевых функций. В частности, одна из серий исследования продемонстрировала значимое преимущество по тормозящему контролю лиц с

правым ведущим ухом ($M \pm \sigma$: $37,36 \pm 5,63$ против $39,79 \pm 3,19$, $p=0,049$; меньшее значение является лучшим).

Фонетическая и семантическая вербальная беглость различаются у испытуемых в зависимости от латеральных признаков в моторной мануальной и слухоречевой системах: у испытуемых с правой ведущей рукой оба показателя значимо выше по сравнению с лицами с преобладанием левой руки (фонетическая беглость – $64,06 \pm 9,01$ у праворуких против $51,89 \pm 4,96$ у леворуких, $p=0,043$; семантическая беглость – $M \pm \sigma$: $50,75 \pm 6,73$ у испытуемых с правой ведущей рукой против $38,56 \pm 4,07$, $p=0,027$ у леворуких лиц). У испытуемых с правым ведущим ухом в слухоречевых функциях показатель фонетической вербальной беглости составляет $61,20 \pm 9,18$, что значимо выше, чем у студентов с левым ведущим ухом ($51,68 \pm 5,28$), $p=0,001$. Показатель семантической вербальной беглости также выше при правом ведущем ухе ($47,72 \pm 7,78$ против $38,95 \pm 5,08$, $p=0,001$). Различий изученных компонентов регуляторных функций в зависимости от латеральной организации зрительной системы у обследованных испытуемых не прослеживалось.

В целом материалы проведенных исследований свидетельствуют о том, что особенности латеральной организации моторной мануальной и слухоречевой систем преимущественно определяют различия ряда компонентов регуляторных функций.

Выводы. Выявлено, что разные компоненты регуляторных процессов различаются в связи с латеральной организацией моторных мануальных и слухоречевых функций. Показатели тормозящего контроля, когнитивной гибкости, фонетической и семантической вербальной беглости выше у лиц с правосторонними признаками в мануальной и слухоречевой системах.

Список литературы

1. **Мачинская И.Р.** Управляющие системы мозга // Журнал высшей нервной деятельности. – 2015. – Том. 65. – №1. – С. 33–60.
2. **Захарова М.Н., Агрис А.Р., Мачинская Р.И.** Управляющие функции мозга и готовность к систематическому обучению у старших дошкольников // Культурно-историческая психология. – 2022. – Том 18. – № 3. – с. 81-91.
3. **Добрин А.В.** Специфика сенсомоторной интеграции у студентов с различным типом профиля функциональной сенсомоторной асимметрии. // Вестник психофизиологии. – 2019. – с. 86 – 92.
4. **Delis D.C., Kaplan E., Kramer J.H.** Delis-Kaplan Executive Function System. – San Antonio: Psychological Corporation, 2001. – 141 p.
5. **Хомская Е.Д., Ефимова И.В., Будыка Е.В., Ениколопова Е.В.** Нейропсихология индивидуальных различий. – М.: ИЦ Академия, 2011. – 160 с.

INTEGRATION OF NON-STANDARD PSYCHOMETRIC INSTRUMENTS IN THE ASSESSMENT AND EXPERTISE

Chernov Yury (IHS Institute for Handwriting Sciences, Zurich, Switzerland)

yc@ihs-sgg.ch

In the practice of psychological assessment, there are many conditions when traditional self-report psychometric tests-questionnaires cannot be trusted. To increase the reliability of expertise they could be integrated with non-standard instruments like formalized handwriting psychology. The study presents the validation results of such integration of the Big Five personality model.

Keywords: *psychological assessment, forensic psychological expertise, handwriting psychology, Big Five, NEO-FFI.*

Relevance: psychological assessment in general and forensic expertise, in particular, require reliable and informative instruments. They must answer two principal requirements. The first is the procedural one [1] and includes a clear and controlled procedure, which is understandable for all involved persons and which is based

on scientifically validated methods. The second one is methodological and reflects the standard quality requirements of a psychometric instrument [2]: objectivity, reliability, and validity.

In the assessment practice psychometric instruments, in the form of a self-report questionnaire, is “the most common way of assessing personality traits” [3, p.127]. Among them are well-validated and popular instruments, for instance, NEO-FFI for the Big Five model, 16 PF, or EPI.

However, on the one side, the questionnaires have known problems, like the credibility of self-reports, fuzzy interpretability of questions, socially desirable responses, acquiescent responses, extreme responses, and others. On another side, in many practical cases, they cannot be applied or trusted. That is why assessment and expertise require additional instruments, which should make the psychological evaluation more reliable. To this category belongs, for instance, projective tests. However, they have very poor reliability and validation.

People’s handwriting can be a good source of objective information about personality since it is characterized by individuality and relative stability [4]. Graphology recognized these qualities. However, although having a long tradition of application, it lacks scientific validation. That lies mostly on the non-transparent and subjective process of graphological assessment. Last years, we have been intensively working on the development of formalized handwriting psychology (FHP) [5]. The proposed approach and its implementation in the computerized application HSDetect, answer the above-mentioned requirements. The procedure is objective and clear, and the model is supported by numerous validation studies [6, 7].

Purpose and hypothesis of the study: FHP can be applied, where other methods are not working. Especially effective use of FHP in combination with traditional psychometric tests [8]. The consolidated view from different points (self-assessment and external evaluation) ensures the higher reliability of the evaluation. The purpose of the study is the integration of FHP with the NEO-FFI test and its validation.

Description of the sample: The sample includes 58 subjects, which provided handwritten samples and performed the NEO-FFI test (the German version, NEO-FFI-R). Among them 34 women and 24 men, aged from 26 to 53 with an average of 39 years. The subjects performed the NEO-FFI test in the framework of psychological research and not in an assessment. That means that their answers should have low social desirability.

Research methods and techniques: All handwriting samples were evaluated by handwriting experts imported into the HSDetect database. HSDetect includes a regression model of the Big Five, in which independent variables are the evaluated levels of handwriting signs and dependent variables are the values of the Big Five factors. The model calculates both poles of every factor so, that the relation between the poles gives the final evaluation for the factor. The total number of involved handwriting signs in HSDetect is about 550. For each Big Five factor, several dozen handwriting signs, i.e. those for which regression coefficients > 0 , are relevant (52 on average). The regression models calculate normalized values, which show the relation to other persons. The basis for the normalization is the HSDetect database with hundreds of handwriting samples.

The values received from the handwriting model are compared to the results of NEO-FFI.

Results: The evaluation for NEO-FFI is done on a scale from 0 to 4, where 4 expresses the highest level of the positive pole, and 0 – the negative pole. FHP models the factors from -1 to 1. The comparison was done at the dichotomic level – whether the tendency is to a positive or a negative pole. The values around 2.0 by NEO-FFI and around 0 by FHP are considered to be the grey zone, where the clear definition is not reasonable. The comparison of FHP evaluations and NEO-FFI demonstrated statistically significant agreement by four factors (Agreeableness, Conscientiousness, Neuroticism, and Openness). Only for Extraversion, it was not the case. By 40 subjects, i.e. 69% of them, the agreement dominated. Out of 290 evaluations (58 subjects on 5 factors), 65% agreed, i.e. both FHP and NEO-FFI gave the same result. About 15% should be related to the grey zone, where the agreement/disagreement could not be reliably defined. Only 20% of evaluations were contradictory.

Discussion: The integration of FHP could be done straightforwardly: when both estimations agree with each other, we can speak about the high reliability of the evaluation. For the grey zone and contradictions, further research with additional instruments is required or the corresponding evaluation should be ignored in the assessment.

Conclusions: The presented results demonstrate that FHP could be a reliable supplementary instrument in psychological assessment. Especially in the areas like forensics, where traditional psychometric methods are not available or cannot be fully trusted. The presented study demonstrated this with the example of the Big Five personality model. Additional psychometric tests, for instance, 16PF or EQi 2.0 were as well already integrated

[7, 8]. Our further work is aimed at expanding our database with additional subjects and including new personality models and typologies.

References

1. ISO 10667-2:2020. Assessment service delivery – Procedures and methods to assess people in work and organizational settings. Part 2: Requirements for service providers.
2. **Kanning, U. P.** (2019). Standards der Personaldiagnostik (2nd ed.) [Standards of the personal diagnostics]. Göttingen: Hogrefe.
3. **Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A.** (2014). The Psychology of Personnel Selection (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
4. **Орлова, В. Ф.** (Ed.). (2006). Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы (2nd ed.) [Forensic handwriting examination. General part. Theoretical and methodological foundations]. Москва: Наука.
5. **Чернов, Ю. Г.** (2011). Психологический анализ почерка: Системный подход и компьютерная реализация в психологии, криминологии и судебной экспертизе [Psychological Analysis of Handwriting: System Approach and Computer Implementation in Psychology, Criminology and Forensic Examination]. Москва: Генезис.
6. **Чернов, Ю. Г.** (2021). Компьютерные методы анализа почерка [Computer Methods of Handwriting Analysis]. Zurich: IHS Books.
7. **Chernov, Y.** (2018). Formal Validation of Handwriting Analysis. In Handwriting Research. Validation & Quality (pp. 37–68). Berlin: Epubli.
8. **Chernov, Y., & Caspers, C.** (2020). Formalized Computer-Aided Handwriting Psychology: Validation and Integration into Psychological Assessment. MDPI. Behavioral Sciences, 10(1), 27.

RELATION BETWEEN ANXIETY AND SUBJECTIVE ASSESSMENT OF COGNITIVE FUNCTION AFTER COVID-19

*Enikolov Sergey, Boyko Olga, Medvedeva Tatyana, Vorontsova Oksana (Mental Health Research Center, Moscow, Russia)
enikolov@mail.ru*

The influence of anxiety on the subjective assessment of one's cognitive functioning after a coronavirus infection is analyzed. Internet survey data (N=1285), SCL-90-R questionnaire, self-assessment of the state of cognitive functions are used. The results showed that a high level of anxiety is accompanied by a deterioration in cognitive functions. The highest level of cognitive impairment is observed in people with high levels of anxiety who have had a COVID-19 infection.

Key words: *anxiety, cognitive functions, COVID-19, SCL-90-R, longcovid.*

СООТНОШЕНИЕ ТРЕВОГИ И СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНОГО СНИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕНЕСЕННОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Ениколопов Сергей, Бойко Ольга, Медведева Татьяна, Воронцова Оксана (ФГБНУ НЦПЗ, Москва, Россия)

Анализируется влияние тревоги на субъективную оценку своего когнитивного функционирования после перенесенной коронавирусной инфекции. Используются данные интернет-опроса (N=1285), опросник SCL-90-R, самооценка состояния когнитивных функций. Результаты показали, что высокий уровень тревоги сопровождается ухудшением когнитивных функций. Наиболее высокий уровень нарушения когнитивных функций отмечается у людей с высоким уровнем тревоги, перенесших COVID-19.

Ключевые слова: *тревога, когнитивные функции, COVID-19, SCL-90-R, постковид.*

Актуальность исследования определяется широким распространением longcovid, в рамках которого наблюдаются жалобы на астеническую симптоматику, снижение когнитивных функций, усиление или дебют аффективных расстройств [1]. Понимание соотношения тревоги с субъективной оценкой когнитивного функционирования способно помочь повысить качество лечения и таким образом, улучшить прогноз восстановления после перенесенного COVID-19. Целью исследования был анализ влияния тревоги на субъективную оценку своего когнитивного функционирования после перенесенной коронавирусной инфекции.

Материалы и методы. Материалом стали данные, полученные с использованием анонимного интернет-опроса (N=1285 человека, из них 1044 женщины). Все испытуемые ответили на вопросы о состоянии своей памяти, внимания, когнитивного функционирования, ответы по шкале Лайкерта (от 0 до 4). Для определения уровня тревоги шкала «тревоги» опросник SCL-90-R. Все испытуемые были разделены на 4 подгруппы в зависимости от того, болели ли они коронавирусом и насколько у них высок уровень тревоги (к группе высокого уровня тревоги были отнесены испытуемые, у которых уровень тревоги превышал средние значения, предложенные при адаптации методики SCL-90R (0,62) [2].

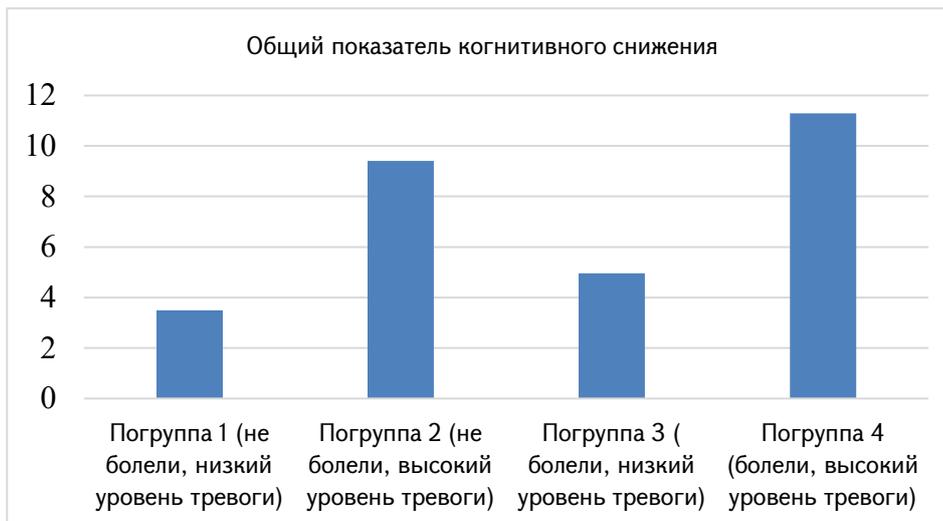
По основным социодемографическим показателям подгруппы статистически не различались. В подгруппе 3 (болели, низкий уровень тревоги) процент мужчин был выше, чем в среднем по выборке. Подгруппа 4 (болели, высокий уровень тревоги) статистически отличалась от остальных более молодым возрастом. Статистическая обработка данных проводилась в статпакете SPSS.

Результаты и обсуждение. Результаты анализа показали, что при высоком уровне тревоги наблюдаются более высокие показатели субъективных нарушений когнитивного функционирования, в особенности у людей, перенесших коронавирусную инфекцию. В таблице приведены результаты сравнения подгрупп с помощью критерия Краскала-Уоллеса. Парное сравнение проводилось с помощью метода Манна-Уитни для двух подгрупп людей, которые не болели; двух подгрупп, которые болели; двух подгрупп с низким уровнем тревоги; двух подгрупп с высоким уровнем тревоги. Для коррекции множественных сравнений использовался скорректированный уровень значимости, рассчитанный по формуле ($p = 1 - 0,9511/n$), который составил для 4 попарных сравнений $p=0,017$.

	Подгруппа 1 (не болели, низкий уровень тревоги) N=689	Подгруппа 2 (не болели, высокий уровень тревоги) N=364	Подгруппа 3 (болели, низкий уровень тревоги) N=102	Подгруппа 4 (болели, высокий уровень тревоги) N=130
Проблемы с памятью	0,50 (*2)	0,99 (*1,*4)	0,77 (*1,*4)	1,30 (*2,*3)
Упадок сил или заторможенность	0,74 (*2,*3)	1,77 (*1,*4)	1,23 (*1,*4)	2,34 (*2,*3)
Необходимость все делать медленно, чтобы не совершить ошибки	0,27 (*2)	0,88 (*1)	0,31 (*4)	1,00 (*3)
Трудности принятия решений	0,63 (*2)	1,63 (*1)	0,82 (*4)	1,67 (*3)
Легко теряете мысль	0,34 (*2,*3)	1,12 (*1)	0,64 (*1,*4)	1,36 (*3)
Трудности сосредоточиться	0,58 (*2)	1,55 (*1,*4)	0,72 (*4)	1,86 (*2,*3)
Все что делаете требует больших усилий	0,43 (*2)	1,47 (*1,*4)	0,56 (*4)	1,81 (*2,*3)

Примечание. Запись в скобках вида (*2) означает, что по данному параметру группа статистически значимо отличается от группы 2.

Сравнение подгрупп по суммарному общему показателю снижения когнитивного функционирования показало статистически значимые различия по этому показателю между всеми четырьмя подгруппами (см. рисунок).

Результаты показали, что наличие высокого уровня тревоги связано с более выраженным снижением когнитивного функционирования как в группе перенесших коронавирусную инфекцию, так и в группе не болевших. Возможным объяснением может быть дезорганизующее влияние тревоги на когнитивные функции. При сочетании с возможными органическими нарушениями, вызываемыми перенесенным заболеванием, наблюдаются наиболее выраженные показатели когнитивного снижения [1]. То есть тревога является самостоятельным фактором, обуславливающим наличие субъективного беспокойства о своем когнитивном состоянии, но также связана с утяжелением симптомов, обусловленных объективными постковидными физиологическими изменениями.

Выводы. Несмотря на связь постковидных нарушений с физиологическими повреждениями, вызываемыми перенесенной инфекцией, высокая тревога может оказаться фактором, который утяжеляет течение постковида, что указывает на необходимость диагностики уровня тревоги у людей с постковидом для привлечения к терапии, в случае необходимости, психологической и психиатрической помощи.

Литература

1. **Мосолов С.** Длительные психические нарушения после перенесенной острой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2. Современная терапия психических расстройств. 2021(3):2-23. doi: 10.21265/PSYPH.2021.31.25.001.
2. **Тарабрина Н.В.** Практикум по психологии посттравматического стресс. СПб: Питер, 2001.
3. **Varma P., Junge M., Meaklim H., Jackson M.L.** Younger people are more vulnerable to stress, anxiety and depression during COVID-19 pandemic: A global cross-sectional survey. Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry, Volume 109, 2021, 110236, <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2020.110236>.

EMPATHY UNDER STRESS

*Enikolopov Sergey, Medvedeva Tatyana Vorontsova Oksana, Boyko Olga
(Mental Health Research Center, Moscow, Russia)
enikolopov@mail.ru*

The results of an empirical study of the relationship between empathy and the level of experienced stress are presented. The study was conducted at the beginning of the Covid-19 pandemic and involved 157 people. It is shown that subjects with "high empathy" are characterized by a higher level of experienced stress, which may be associated with a reduced ability to emotional coping.

Keywords: *empathy, stress, emotional coping, coping strategies.*

ЭМПАТИЯ В УСЛОВИЯХ СТРЕССА

Ениколопов Сергей, Медведева Татьяна, Воронцова Оксана, Бойко Ольга (ФГБНУ НЦПЗ, Москва, Россия)

Приведены результаты эмпирического исследования связи эмпатии и уровня переживаемого стресса. Исследование проводилось в начале пандемии Ковид-19, приняли участие 157 человек. Показано, что испытуемые с «высокой эмпатией» отличаются более высоким уровнем переживаемого стресса, который может быть связан со сниженной способностью к эмоциональному совладанию.

Ключевые слова: *эмпатия, стресс, эмоциональное совладание, копинги*

Эмпатия является фундаментальным компонентом социально-эмоционального опыта. Существует общее мнение, что эмпатию следует рассматривать не как единый процесс, а, напротив, как конструкт, состоящий как минимум из двух отдельных аспектов, а именно эмоциональной и когнитивной эмпатии. Иногда предлагается рассматривать третью составляющую - действенный компонент. Эмоциональная эмпатия описывает эмоциональную реакцию наблюдателя на эмоциональное состояние другого человека - «эмоциональное заражение». Существует множество свидетельств «заражения стрессом» - «распространения» стресса от находящегося в состоянии стресса человека к изначально не находящемуся в состоянии стресса воспринимающему. И люди с высокой эмпатией могут оказаться объектами «эмоционального заражения» в стрессовой ситуации.

За последнее десятилетие возрос интерес к пониманию взаимовлияния стресса и эмпатии. Актуальность исследований в этой области обусловлена тем, что существуют профессии, в которых очень важно наличие эмпатии и одновременно высокая стрессоустойчивость: пожарники, спасатели, медики, психологи, социальные работники. При высокой эмпатии и низкой стрессоустойчивости повышается риск профессионального выгорания.

Результаты эмпирических исследований показывают противоречивые результаты [1]. В части исследований показано усиление эмпатического просоциального поведения после воздействия стресса [2, 3]. В других исследованиях стресс связывают с усилением антисоциального поведения, таким как агрессия или насилие [4].

Целью исследования было оценить взаимовлияние стресса и эмоциональных аспектов эмпатии.

Материалы и методы. Исследование проводилось с помощью интернет-опроса в первые недели пандемии Ковид-19. В исследовании приняли участие 157 человек (139 женщин и 18 мужчин), средний возраст $41,12 \pm 12,07$. Для анализа результатов все испытуемые были разделены на подгруппы «низкой» ($N=86$) и «высокой эмпатии» ($N=71$). Критерием отнесения к подгруппе были медианный показатель шкалы «Эмпатии». Подгруппы статистически не различались по социодемографическим показателям. Использовались следующие методики: Уровень эмпатии оценивался с помощью шкалы «эмпатия» опросника «Импulsивность 7» (I7), 7-я версия опросника А. Айзенк, С. Айзенк (адаптация Кониловой); уровень стресса оценивался с помощью *Симптоматического опросника SCL-90-R*; опросник копинг-стратегий *COPE* в адаптации Рассказовой Е.И.; *Опросник критического мышления* (Constructive Thinking Inventory) [5] русскоязычная адаптация опросника Лебедева, Ениколопова.

Результаты и обсуждение. Результаты сравнения подгрупп приведены в таблице.

	Низкая эмпатия (N=86)	Высокая эмпатия (N=71)	Значимость различий
SCL-90R			
GSI Общий индекс тяжести состояния	0,46±0,39	0,67±0,53	,004
PDSI Индекс тяжести наличного дистресса	1,38±0,45	1,53±0,53	,058
PSI Число беспокоящих симптомов	26,34±16,29	35,49±18,06	,001
Навязчивости	0,53±0,47	0,95±0,78	,000
Межличностная сенситивность	0,53±0,58	0,79±0,73	,015

Депрессия	0,66±0,67	0,95±0,87	,020
Тревожность	0,45±0,54	0,68±0,66	,016
Паранойальность	0,35±0,37	0,54±0,59	,018
Психотизм	0,23±0,28	0,40±0,56	,013
Опросник Конструктивного мышления			
Общая шкала конструктивного мышления	98,76±13,84	92,83±12,88	,009
Эмоциональное совладание	91,32±23,02	82,75±20,79	,022
Поведенческое совладание	39,51±6,66	41,58±5,33	,044
Наивный оптимизм	32,61±7,40	34,89±5,78	,044
Личностно-суеверное мышление	10,24±3,70	11,75±3,61	,015
опросник COPE			
Мысленный уход	8,55±2,26	9,65±2,17	,002
Концентрация на эмоциях	9,38±3,04	10,80±2,72	,003
Использование инстр. соц. поддержки	10,00±2,82	10,96±2,95	,040
Отрицание	7,06±2,03	7,70±2,05	,049
Эмоциональная соц поддержка	9,56±3,37	10,70±3,24	,032
Использование успокоительных	6,13±2,70	7,15±3,39	,036

Дисперсионный анализ показал, что испытуемые из подгруппы «высокой эмпатии» отличаются более высоким уровнем переживаемого стресса, в том числе у них выше тревога, депрессивная симптоматика, межличностная сенситивность. Таким образом наши результаты подтверждают данные о том, что при более высоких показателях переживаемого стресса выше показатели эмоциональной эмпатии. Противоречивость данных, полученных в других исследованиях, может объясняться тем, что в них исследуются различные аспекты стресса. Так, например «острый стресс», вызываемый в лабораторных исследованиях, отличается от «социального стресса», в ситуации которого оказались наши испытуемые в начале пандемии Ковид-19.

Различия в копинг-стратегиях и особенностях мышления подчеркивают личностные особенности людей с высокой эмпатией, которые оказывают влияние на снижение стрессоустойчивости. Сочетание концентрации на собственных эмоциях и снижения эмоционального совладания не позволяет регулировать свое эмоциональное состояние в условиях стресса. При этом можно отметить наличие конструктивных копингов – поиск различных видов социальной поддержки. Психологическая помощь людям с высокой эмпатией в стрессовой ситуации может быть сосредоточена на методах эмоциональной регуляции, избегании неконструктивных копингов, таких как отрицание или прием успокоительных.

Выводы: испытуемые с «высокой эмпатией» отличаются более высоким уровнем переживаемого стресса, который может быть связан со сниженной способностью к эмоциональному совладанию.

Список литературы

1. **Nitschke J.P., Bartz J.A.** The association between acute stress & empathy: A systematic literature review. *Neurosci Biobehav Rev.* Jan 2023;144:105003. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.105003>
2. **Wolf O.T., Schulte J.M., Drimalla H., Hamacher-Dang T.C., Knoch D., Dziobek I.** Enhanced emotional empathy after psychosocial stress in young healthy men. *Stress.* 2015;18(6):631-7. <https://doi.org/10.3109/10253890.2015.1078787>
3. **Gonzalez-Liencre C., Breidenstein A., Wolf O.T., Brune M.** Sex-dependent effects of stress on brain correlates to empathy for pain. *Int J Psychophysiol.* Jul 2016;105:47-56. <https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2016.04.011>
4. **Tomova L., Majdandzic J., Hummer A., Windischberger C., Heinrichs M., Lamm C.** Increased neural responses to empathy for pain might explain how acute stress increases prosociality. *Soc Cogn Affect Neurosci.* Mar 1 2017;12(3):401-408. <https://doi.org/10.1093/scan/nsw146>

5. **Epstein S.** CTI : Constructive Thinking Inventory : professional manual. Lutz, FL: Psychological Assessment Resources; 2001.

RELATIONSHIPS OF STUDENTS'S GROWTH MINDSET WITH MENTAL HEALTH DURING THE PERIOD OF EMERGING ADULTHOOD

Yerofeyeva Victoria (HSE, Russia, Moscow)

Bardadymov Vasily (Charitable Foundation, "Schools of the World", Moscow Russia)

Grigoryan Ani, Serobyas Astghik, (YSU, Armenia, Erevan)

Hachaturova Milana (HSE, Russia, Moscow)

verofeeva@hse.ru

The presented studies are devoted to research the relationship between the growth mindset and indicators of mental health in student youth. Growth mindset has been found to be negatively associated with measures of emotional instability and have a positive effect on maintaining well-being. At the same time, the specifics of the application environment should be taken into account, when adjusting interventions aimed at developing a growth mindset.

Keywords: *growth mindset, depression, anxiety, stress, well-being, emerging adulthood.*

СВЯЗИ ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННОГО НА РОСТ, С ПОКАЗАТЕЛЯМИ МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ У СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД СТАНОВЯЩЕЙСЯ ВЗРОСЛОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта 20-513-05014

Ерофеева Виктория (НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Бардадымов Василий (Благотворительный фонд «Школы мира», Россия, Москва)

Григорян Ани, Серобян Астхик (ЕГУ, Армения, Ереван)

(ЕГУ, Армения, Ереван)

Хачатурова Милана Радионовна (НИУ ВШЭ, Россия, Москва)

Представленные исследования посвящены изучению связей между образом мышления, направленным на рост, и показателями ментального здоровья у учащейся молодёжи. Обнаружено, что образ мышления, направленный на рост, отрицательно связан с показателями эмоциональной нестабильности и имеет положительный эффект для поддержания благополучия. В то же время следует учитывать специфику среды применения при разработке интервенций, направленных на развитие образа мышления, направленного на рост.

Ключевые слова: *образ мышления, направленный на рост, депрессия, тревожность, стресс, благополучие, становящаяся взрослость*

В условиях непрерывного обучения получение высшего образования от 20 до 30 лет считается необходимым условием для успешной реализации в профессии. Вместе с тем удлинение времени обучения может быть связано с рисками для ментального здоровья молодёжи (Auerbach et al., 2018). Период жизни от 18 до 29 лет называется становящейся взрослостью – временем, когда юноши и девушки ещё не чувствуют себя взрослыми, но уже и не могут назвать себя детьми. Молодые люди уверены, что жизнь сложится в соответствии с их ожиданиями, а также стремятся раскрыть свой потенциал в выбранной деятельности. Пробы в разных сферах могут переживаться как нестабильность, особенно когда они не приводят к желаемому результату (Arnett, 2000). Поэтому исследователям важно сосредоточить своё внимание на поиске факторов, которые можно развить, чтобы облегчить переход во взрослую жизнь.

Одним из таких факторов считается образ мышления, направленный на рост, который позволяет эффективно переживать опыт неудач во время обучения. Студенты с таким образом мышления не воспринимают свои ошибки фатально и прислушиваются к обратной связи от других, чтобы улучшить свои навыки, и вместе с тем чувствуют себя более благополучными (Dweck et al., 2019). Интервенции по формированию такого образа мышления показали свою эффективность в образовательных организациях (Yeager et al., 2019).

Мы с коллегами провели два исследования, посвящённых анализу связей образа мышления, направленного на рост, с показателями ментального здоровья у студентов. Конструкт ментального здоровья раскрывается, с одной стороны, как отсутствие расстройств, и, с другой стороны, как благополучие (Wu et al., 2020). В первом исследовании мы изучали связи между образом мышления, направленным на рост, и показателями эмоциональной нестабильности – депрессией, тревожностью и стрессом. Мы использовали модель С. и П. Ловибондов, в которой под депрессией понимаются дисфория, апатия, безнадежность и ангедония; под тревожностью – физическое и психическое возбуждение, беспокойство о возможных угрозах; под стрессом – невозможность расслабиться, возбуждение и раздражительность (Lovibond et al., 1995). Благополучие мы определили в рамках четырёх подходов: гедонистическое как максимизация удовольствия и минимизация страданий; экзистенциальное как чувство осмысленности жизни и психологического роста; смешанное как позитивное функционирование; качество жизни как удовлетворённость жизнью (Леонтьев, 2020).

В исследовании, проведённом совместно с коллегами из Еревана, мы сформулировали следующую гипотезу: между образом мышления, направленным на рост, и депрессией, тревожностью и стрессом существует отрицательная связь. Также мы поставили исследовательские вопросы, касающиеся культурных и гендерных различий в выраженности всех названных показателей. В нашем исследовании приняли участие студенты ведущих вузов Еревана ($N = 100$, $M=43$) и Москвы ($N=103$, $M=37$) в возрасте от 18 до 27 лет ($M=21,4$, $SD = 2,44$), что позволяет говорить о сопоставимости выборок. Респонденты заполняли шкалу образа мышления К. Двек (2007) и шкалу депрессии, тревожности и стресса С. и П. Ловибондов (Lovibond et al., 1995).

Результаты корреляционного анализа методом Пирсона показывают, что поставленная гипотеза подтвердилась частично: образ мышления, направленный на рост, у армянских студентов негативно связан с депрессией ($r = -0,295^{**}$, $p < 0,0001$), тревожностью ($r = -0,224^{**}$, $p = 0,007$) и стрессом, а у российских – с депрессией ($r = -0,28^{**}$, $p = 0,001$) и тревожностью ($r = -0,187^*$, $p = 0,027$). Средние значения по показателю образа мышления у армянских и российских студентов статистически значимо не различаются ($37,6$, $SD = 4,8$ у армянских, $M = 37,2$, $SD = 5,0$ у российских). Результаты дисперсионного анализа с применением поправки Бонферрони на множественные сравнения ($F(3,279) = 6,739$, $p1 < 0,001$; $F2(3,279) = 3,235$, $p2 = 0,023$; $F3(3,279) = 10,096$, $p3 < 0,001$; $F3(3,279) = 3,235$, $p2 = 0,023$; $F3(3,279) = 10,096$, $p3 < 0,001$) показывают, что культурные различия в выраженности исследуемых показателей обнаружены только между армянскими и российскими студентками ($p1 = 0,003$, $p2 < 0,001$); у армянских студенток и студентов различия в паттернах дистресса не обнаружены, в то время как у российских студенток показатели по шкалам тревожности и стресса выше, чем у студентов ($p1 = 0,025$, $p2 = 0,01$).

В исследовании, проведённом с российскими коллегами, мы изучали, как связаны образ мышления, направленный на рост, и разные виды благополучия. Мы поставили две гипотезы: 1). образ мышления, направленный на рост, связан с высокими уровнями всех видов благополучия; 2). уровни благополучия различаются в зависимости от ступени обучения. Респондентами нашего исследования стали 317 ($N=232$, $M=85$) студентов ведущего московского вуза (бакалавры – 43, магистры – 126, аспиранты – 66) и международного колледжа (82) в возрасте от 16 до 30 лет ($M=22,6$, $SD=4,97$), обучающихся на разных ступенях – колледж, бакалавриат, магистратура, аспирантура. Хотя учащиеся колледжа по формальному критерию ещё не относятся к периоду становящейся взрослости, им присущи характеристики этого периода. Респонденты заполняли следующие опросники: «Образ мышления» Двек, «Шкала удовлетворенности жизнью» Динера (SWLS), «Спектр психического здоровья» Киза (MHC), «Индекс личного благополучия взрослых» (PWI), «Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург» (WEMWBS).

Результаты корреляционного анализа методом Спирмена показывают, что фиксированный образ мышления отрицательно связан со всеми показателями психологического благополучия, самые сильные с шкалами психического здоровья и индексом личного благополучия: r SWLS = $-0,196^*$, r MHC = $-0,341^*$, $-0,31^*$, $-0,306^*$, $-0,305^*$, r PWI = $-0,278^*$, r WEMWBS = $-0,267^*$ (* - $p < 0,05$), а высокие показатели благополучия связаны с более развитым образом мышления, направленным на рост.

При проведении межгруппового сравнения использовался критерий Краскела-Уоллиса. Оказалось, что фиксированное мышление наиболее типично для студентов колледжа, а бакалавры, магистры и аспиранты имеют в большей степени установки на развитие: H -критерий Краскела-Уоллиса = $18,59^*$, p

<0,05. Любопытно, что в то же время показатели психологического благополучия самые высокие у студентов колледжа, а самые низкие у бакалавров: Н-критерий Краскела-Уоллиса SWLS = 28,952*, МНС = 29,612*, 25,449*, 20,311*, 28,427*, PWI = 27,556*, r WEMWBS = 12,499* (* - p<0,05).

Таким образом, результаты наших исследований показывают, что образ мышления, направленный на рост, может рассматриваться в качестве защитного фактора в период обучения. Тем не менее при разработке интервенций, направленных на развитие такого образа мышления, должна учитываться гендерные, культурные различия и ступень обучения. Мы обнаружили более сильный вклад такого образа мышления для армянских студентов и студенток, а российские студентки оказались самой уязвимой группой. Любопытно, что студенты колледжа оказались самой благополучной группой, но им в большей степени присуще фиксированное мышление. Эти результаты требуют дальнейшей проверки и адаптации концепции с учётом условий среды её применения.

Список литературы

1. **Auerbach, R. P., Mortier, P., Bruffaerts, R., Alonso, J., Benjet, C., Cuijpers, P., Demyttenaere, K., Ebert, D. D., Green, J. G., Hasking, P., Murray, E., Nock, M. K., Pinder-Amaker, S., Sampson, N. A., Stein, D. J., Vilagut, G., Zaslavsky, A. M., Kessler, R. C., & WHO WMH-ICS Collaborators.** (2018). WHO World Mental Health Surveys International College Student Project: Prevalence and distribution of mental disorders. *Journal of Abnormal Psychology*, 127(7), 623–638.
2. **Arnett, J. J.** (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American psychologist*, 55(5), 469–480.
3. **Dweck, C. S., & Yeager, D. S.** (2019). Mindsets: A view from two eras. *Perspectives on Psychological science*, 14(3), 481–496.
4. **Yeager, D.S., Hanselman, P., Walton, G.M., Murray, J. S., Crosnoe, R., Muller, C., Tipton, E., Schneider, B., Hulleman, C. S., Hinojosa, C. P., Paunesku, D., Romero, C., Flint, K., Roberts, A., Trott, J., Iachan, R., Buontempo, J., Yang, S. M., Carvalho, C. M., Hahn, P. R., Gopalan, M., Mhatre, P., Ferguson, R., Duckworth, A. L., Dweck, C. S.** (2019). A national experiment reveals where a growth mindset improves achievement. *Nature*, 573, 364–369
5. **Wu, Y., Sang, Z. Q., Zhang, X. C., & Margraf, J.** (2020). The relationship between resilience and mental health in Chinese college students: a longitudinal cross-lagged analysis. *Frontiers in psychology*, 11, 108.
6. **Lovibond S.H., Lovibond P.F.** Manual for the Depression Anxiety and Stress Scales. (2nd Ed.). Sydney: Psychology Foundation, 1995.
7. **Леонтьев Д. А.** (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 1, 14–37.

FEATURES OF SEXUAL BEHAVIOR IN WOMEN WITH REPRODUCTIVE DISORDERS IN THE PROGRAM OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES FOR AFFECTIVE DISORDERS

Gardanova Zhanna (Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation)

zanna7777@inbox.ru

Sedova Ekaterina (Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation)

eosedova@mail.ru

Lipskaya Alena (Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation)

The study is aimed at identifying the features of sexual behavior in women in the program of assisted reproductive technologies. It is shown that satisfaction with is associated with satisfaction in sexual behavior depends on the emotional state of women with infertility. Differences in the degree of satisfaction in sexual behavior among women in the ART program were revealed.

Keywords: *assisted reproductive technologies ART, sexual behavior, life satisfaction, emotional response, emotions, in vitro fertilization IVF, infertility, anxiety, marital relations, stress, anxiety.*

ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН С НАРУШЕНИЯМИ РЕПРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ПРОГРАММЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ АФФЕКТИВНЫХ НАРУШЕНИЯХ

Гарданова Жанна, Седова Екатерина, Липская Алена (РНИМУ им. Н.И.Пирогова, Москва, Россия)

Исследование направлено на выявление особенностей сексуального поведения у женщин в программе вспомогательных репродуктивных технологий. Показано, что удовлетворенность с связана с удовлетворенность в сексуальном поведении зависит от эмоционального состояния женщин с бесплодием. Выявлены различия в степени удовлетворенности в сексуальном поведении у женщин в программе ВРТ.

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии ВРТ, сексуальное поведение, удовлетворённость жизнью, эмоциональное реагирование, эмоции, экстракорпоральное оплодотворение ЭКО, бесплодие, тревога, супружеские отношения, стресс, тревожность.*

В настоящее время лечение бесплодия методами вспомогательных репродуктивных технологий является актуальным. Развитие высокого уровня тревожности в процессе многолетнего лечения бесплодия в программах экстракорпорального оплодотворения приводит к нарушениям сексуального поведения и нарушениям семейных отношений в паре [1]. Длительность лечения бесплодия приводит к повышению уровня переживания стресса, усилению сексуальной дисфункции. [2].

Женщина с бесплодием осознает, что половой акт не приводит к беременности, и может потерять мотивацию и желание заниматься сексом. Более того, половой акт с целью продолжения рода, а не ради удовольствия, также может препятствовать возникновению полового влечения [3].:

Женщины, после неудачных попыток лечения бесплодия, проявляют высокий уровень тревоги и депрессии. Большинство эмпирических исследований показывают, что лечение вспомогательными репродуктивными методами приводит к повышенному уровню тревоги, особенно в случаях многократных неудачных попыток лечения методами ВРТ [1].

Целью исследования является определить взаимосвязь между особенностями сексуального поведения и уровнем тревоги и депрессии у женщин с бесплодием в программе экстракорпорального оплодотворения.

Материал и методы исследования:

Теоретическое исследование проводилось с помощью методов: библиометрическое картирование, проблемологический анализ, понятийно-категориальный анализ. Эмпирическое исследование проводилось с помощью следующих психодиагностических методик: Госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS (Зигмонд А. М., Снайт З. П., 1983); Опросник установки к сексу (Г. Айзенк, 1989); Опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко, 1984).

Также в ходе проведения работы были использованы: метод классификации и систематизации, эмпирические методы психологического исследования.

Выборка исследования состоит из 60 женщин, из них 30 участвуют в программе экстракорпорального оплодотворения, 30 женщин репродуктивно здоровы и имеют детей. Критерием включения является участие женщины в программе экстракорпорального оплодотворения, критерием исключения – отсутствие у женщины нарушений репродуктивной функции, наличие соматической патологии в стадии обострения, наличие психических расстройств.

База исследования: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В.И. Кулакова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, методы статистического анализа полученных данных (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты: Исследование показателей тревожности и депрессии. Методика шкала HADS. Показатели уровня Тревоги составляют 6,2 в группе ЭКО и 4,1 в группе репродуктивно здоровых женщин (HADS). Показатели Депрессии (HADS) составляли 4,3 / 4,1 соответственно. Достоверные различия выявлены по повышению уровня тревоги у женщин в программе ЭКО ($p=,041$). По результатам сравнительного анализа были выявлены различия по показателю : повешение уровня тревоги (HADS) у женщин с бесплодием. Уровень депрессии не был повышен у женщин как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Результаты теста Г. Айзенка на выявление сексуальных установок : Сравнительный анализ установок к сексу. Опираясь на интерпретацию теста был проведен анализ результатов по всем шкалам. Далее по тексту по каждой шкале приводятся значения первая цифра в группе женщин с бесплодием в программе ЭКО и вторая цифра у репродуктивно здоровых женщин соответственно. Шкала Дозволенность. 7,8/8,2 баллов У обеих групп по данному фактору (шкале) низкие показатели, что говорит о том, испытуемые относятся к половым связям серьезно, они уважает брачные узы и не поддерживают «аморальность» ни в каком виде. Шкала Реализованность, удовлетворённость. 9,4/8,8 баллов. Высокие показатели, говорят о высоком уровне реализованности, удовлетворенности в обеих группах. Шкала агрессивный секс 1,5/1,3 баллов. По данной шкале отмечаются низкие показатели, что говорит о том, что испытуемые не склонны к агрессивному поведению в сексе. Результаты теста «удовлетворенности браком» (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко) Согласно интерпретации результатов опроса был высокий балл 38,5/39 ,0 баллов соответственно в обеих группах, что говорит об удовлетворенности браком. Женщины в обеих группах считают свой брак благополучным.

Для выявления различий между группами по удовлетворённости браком был применен непараметрический критерий Манна-Уитни. По результатам расчетов статистически значимых различий по уровню удовлетворённости браком выявлено не было.

В результате исследования были получены следующие выводы:

Результаты корреляционного анализа тревожности и депрессии с установками к сексу у женщин, с бесплодием в программе ЭКО позволили сделать вывод о том, что личностная тревожность имеет прямую взаимосвязь со следующими установками к сексу - «Сексуальная невротичность», «Агрессивный секс», «Сексуальная застенчивость

Депрессия имеет прямую взаимосвязь с сексуальной невротичностью и обратную связь со «Сексуальная удовлетворенность», что является логичным проявление состояния депрессии и показывает ресурсное значение сексуального удовлетворения.

Результаты корреляционного анализа сопоставимы с данными литературы тревожности и депрессии с установками к сексу у здоровых женщин показали, что личностная тревожность имеет обратную взаимосвязь с показателем реализованности и прямую взаимосвязь с показателем «Обезличенный секс» [13,14]. Данный результат показывает влияние реализованности на аффективную сферу женщин и потребность во взаимосвязи физической и эмоциональной близости с партнером.

Список литературы

1. **Gardanova Zh.R., Hritinin D.F., Voronina T.I., Lapina V.S.** Features of intra-family relations in infertile marriage in the in vitro fertilization program// Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery. 2021. No. 12. pp. 900-909.
2. **Agustus P., Munivenkatappa M., Prasad P.** Sexual functioning, beliefs about sexual functioning and quality of life of women with infertility problems // J Hum Reprod Sci. — 2017. — № 10(3)., pp. 213-220.
3. **Kiełek-Rataj E., Wendołowska A., Kalus A., Czyżowska D.** Openness and Communication Effects on Relationship Satisfaction in Women Experiencing Infertility or Miscarriage: A Dyadic Approach // Int J Environ Res Public Health. — 2020. — № 17(16). —pp. 57-61.

BRAIN ACTIVITY AND ULTRASOUND COMMUNICATION IN RATS DURING INSTRUMENTAL FOOD-ACQUISITION BEHAVIOR PERFORMED INDIVIDUALLY OR IN PRESENCE OF CONSPECIFIC (OBSERVATION, COOPERATION AND ALTRUISM)

The study is a part of state assignment No. 0138-2023-0002

“Multilevel analysis of the mechanisms of formation and implementation of the experience of achieving the results of individual and joint interaction with the environment “

*Gavrilov Vladimir (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
nvgav@mail.ru*

The aim of this study was to discover the peculiarities of brain activity organization while animal behave in presence of conspecific. We compared slow brain potentials in rats performed the same food-acquisition behavior individually, as well as during observation, cooperation and impact of electrical shock to the other rat. The obtained results show both similar organization of brain activity in various cortical areas related to behavioral acts, and some variations in amplitudes and latencies of EEG-components in all studied behavioral conditions. The rats used ultrasonic vocalization in presence of conspecific, but not in the individual behavior, and there are some arguments that rats use ultrasounds for more complex communication than just information about their condition.

Keywords: *observation, cooperation, altruism, empathy, EEG, ultrasound vocalization, food-acquisition behavior, social brain.*

Одной из актуальных проблем в психофизиологии является проблема так называемого «социального мозга» (1), т.е. активности мозга в социальном поведении. Следуя традициям структурно-функционального подхода, многие исследователи пытаются отыскать структуры мозга, обеспечивающие социальное поведение. Среди таких структур называют вентромедиальную префронтальную кору, миндалевидное тело, правую соматосенсорную кору, островок, прилежащее ядро. Следует, однако, заметить, что активность этих структур не менее важна и при реализации индивидуального поведения и нельзя «привязать» ту или иную функцию к определенной структуре или группе структур.

В нашем исследовании мы пытались выяснить, как в активности мозга проявляются различия при реализации субъектом одного и того же поведения, когда он совершает его в одиночку или же в присутствии конспецифика. Для этого были использованы три модели: наблюдение за поведением конспецифика, совместное достижение результата двумя крысами, проявление альтруизма.

В многочисленных работах показано, что крысы издают ультразвуки (УЗ) в разных видах поведения, которые обычно описываются как «happy» и «unhappy» звуки, типология которых представлена в ряде работ (2, 3, и др.). Мы предположили, что в совместном поведении крысы будут использовать УЗ для коммуникации и можно будет выяснить особенности УЗ-коммуникации в вышеназванных видах поведения.

Методика. В нашем исследовании крысы должны были нажимать на педаль для получения порции пищи в кормушке. Это поведение реализовывалось индивидуально, либо в присутствии конспецифика в трех видах поведения: при наблюдении за поведением другой крысы, реализующей это поведение; при кооперации и в тесте на альтруизм. Экспериментальная клетка была поделена на половины прозрачной перегородкой. В углах клетки находились две кормушки и две педали. При исследовании наблюдения за поведением конспецифика наивные и обученные пищедобывательному поведению крысы мягко фиксировались в гамаке, который помещался в одной половине клетки, а в другой находился активный субъект, за поведением которого наблюдала крыса в гамаке. При исследовании кооперации обученные крысы для получения порции пищи должны были одновременно нажимать на педали в своей половине экспериментальной клетки. При исследовании эмпатии и альтруизма крыса имела возможность нажимать на ближнюю или на дальнюю педаль по удаленности от кормушки для получения пищи, но только нажатие на дальнюю педаль не сопровождалось электростимуляцией конспецифика-жертвы, также мягко фиксированного в гамаке в другой половине клетки. Суммарную электрическую активность мозга (ЭЭГ) и ультразвуковую вокализацию (УЗ) регистрировали в течение 30-минутных сессий и индивидуального,

и совместного поведения. ЭЭГ регистрировали над моторной, зрительной и лимбической областями коры мозга.

Результаты и обсуждение

В исследовании участвовали 60 крыс Long Evans. У всех регистрировали ЭЭГ. УЗ зарегистрировали у 25 крыс в индивидуальном поведении, у 16 – в кооперативном и у 9 – при исследовании альтруизма; при наблюдении УЗ не регистрировали.

В индивидуальном поведении (в одиночестве) крысы обычно «молчат»: не издают ни слышимые людьми звуки, ни УЗ. В усредненных от отметок нажатия на педаль и опускания головы в кормушку потенциалах ЭЭГ выделяются негативные колебания, соответствующие реализации актов подхода к педали и подхода к кормушке, а сменам актов соответствуют позитивные колебания. Такая конфигурация потенциалов наблюдалась у всех животных и была сходной во всех отведениях ЭЭГ, что означает единую системную организацию активности мозга в поведении, а не реализацию разнообразных функций в разных областях мозга. Такие же результаты были получены нами ранее в сходном поведении у кроликов (4, 5).

При наблюдении у наивных крыс в усредненных от поведенческих отметок потенциалах никаких колебаний не обнаруживается, в то время, как у опытных животных, выявляется такая же конфигурация потенциалов, как и при их собственном поведении, однако колебания имеют меньшую амплитуду, а латенции пиков сдвинуты «влево», что может означать, что в голове опытных наблюдателей «проигрывается» наблюдаемое поведение и они «предвидят» реализацию следующих актов.

При кооперации все крысы использовали УЗ-вокализацию, хотя и в разной степени. Крысы издавали УЗ преимущественно в начале экспериментальной сессии, при этом УЗ в основном наблюдались в актах подхода к педали и при нажатии на педаль. В этом поведении наблюдались как «happy», так и «unhappy» УЗ, которые не были связаны с успешностью совместного поведения. В связанных с поведением потенциалах мозга при совместной реализации поведения выявлялись дополнительные компоненты на значимых для эффективного завершения поведения этапах, что может свидетельствовать об особенностях организации активности мозга на этих этапах, связанных с формированием дополнительных элементов опыта и/или изменениями в отношениях между имеющимися элементами опыта.

При тестировании на альтруизм УЗ-вокализацию использовали и крысы-жертвы, и крысы, которых испытывали на альтруизм и эмпатию, хотя жертвы издавали УЗ чаще и у них преобладали «unhappy sounds». Иногда у жертв наблюдались и «happy sounds». У испытуемых также наблюдались «unhappy sounds» типичные для жертв. Следует отметить, что УЗ-вокализация была не у всех крыс и не во всех сессиях. УЗ-вокализация могла быть на протяжении всей сессии или только на определенных этапах сессии (в начале или конце). В связанных с поведением колебаниях ЭЭГ, несмотря на схожесть общей ранее описанной для индивидуального поведения конфигурации, выявлены различия в разных отведениях на разных этапах поведения.

Заключение

1. Колебания суммарной электрической активности мозга отражают динамику отношений между элементами индивидуального опыта в поведении. При реализации одного и того же поведения индивидуально или в присутствии конспецифика общая конфигурация потенциалов мозга остается сходной, что свидетельствует о сходстве мозговых процессов во всех этих условиях, а выявленные различия связаны с формированием новых элементов опыта и особенностями отношений между уже имеющимися элементами опыта в сравниваемых условиях реализации поведения.

2. Крысы используют УЗ-вокализацию в совместном поведении. УЗ-звуки различаются частотой, формой, длительностью, количеством в пачке. При этом, описанные в литературе «happy» и «unhappy», по-видимому, не вполне соответствуют своим названиям. Кроме того, иногда крысы из пары издавали УЗ поочередно с короткими интервалами, что позволяет предположить наличие у них «диалога». Также выявлены индивидуальные особенности УЗ-вокализации у разных крыс. Возможно, УЗ разных диапазонов имеют разное значение, однако в ситуациях и удовольствия и неудовольствия наблюдаются как «happy», так и «unhappy» УЗ. Можно предположить, что УЗ-вокализация у крыс – относительно развитая система коммуникации, больше, чем просто оповещение конспецифика о своем эмоциональном состоянии.

Список литературы

1. **Adolphs K.** The neurobiology of social cognition // *Current Opinion in Neurobiology*. 2001. V. 11. P. 231–239.
2. **Brudzynski S.M.** Ethotransmission: communication of emotional states through ultrasonic vocalization in rats // *Current Opinion in Neurobiology*. 2013. V. 23. № 3. P. 310–317. <https://doi.org/10.1016/j.conb.2013.01.014>
3. **Brudzynski, S.M. and Burgdorf, J.S.** Recent Studies of Rat Ultrasonic Vocalizations—Editorial // *Brain Sci*. 2021. № 11. P. 1390. <https://doi.org/10.3390/brainsci11111390>
4. **Гаврилов В.В.** Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Под ред. В.Б.Швыркова, В.М.Русалова, Д.Г.Шевченко / ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С.33–44.
5. **Швырков В.Б.** Что такое нейрональная активность и ЭЭГ с позиций системно-эволюционного подхода // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Под ред. В.Б.Швыркова, В.М.Русалова, Д.Г.Шевченко / ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 3 – 33.

ACTUAL MENTAL STATES OF STUDENTS DURING THE EXAMINATION SESSION

Gavrilova Victoria, Ivashko Svetlana (Belarusian State University of Physical Culture, Belarus, Minsk, Republic)

Svetlanaiv05@mail.ru; vika-gavrilova-2014@mail.ru

The article is devoted to the mental states of student-athletes in the period of examination session and the ways of regulation of negative mental states, caused by the specifics of this period. To correct the mental states of students, a group protocol of desensitization and processing by eye movement was used.

Key words: *mental states, emotional states, learning activities, examination period, students.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СЕССИИ

Гаврилова Виктория, Ивашко Светлана (БГУФК, Минск, Республика Беларусь)

Статья посвящена вопросам психических состояний студентов в период экзаменационной сессии и способам регуляции негативных психических состояний, обусловленных спецификой этого периода. Для коррекции психических состояний студентов использовался групповой протокол десенсибилизации и переработки движением глаз.

Ключевые слова: *психические состояния, эмоциональные состояния, учебная деятельность, экзаменационный период, студенты.*

Актуальность. Проблема актуального психического состояния студентов-спортсменов в период сдачи экзаменов в ВУЗах разработана незначительно. Изучение и учет психических состояний студентов-спортсменов позволит улучшить их текущие академические показатели и будет способствовать формированию навыков саморегуляции и стрессоустойчивости.

Научное исследование психических состояний в психологии началось с работ У. Джеймса, который ввёл понятие «состояния сознания» и утверждал, что эти состояния должны быть основным и ведущим предметом психологической науки. Последующее изучение психических состояний в психологии связано с именами отечественных психологов.

В.А. Ганзен, Н.Д. Левитов, А.Ц. Пуни считают, что психическое состояние - это интегральная характеристика психики в конкретный момент времени [1].

В.Ф. Сопов рассматривает психическое состояние как специфическое, характерное для определенного актуального отрезка деятельности соотношение и взаимодействие компонентов психики,

выступающее как временно возникшая функциональная система, направленная на достижение определенного результата [2].

В период экзаменационной сессии психическое актуальное психическое состояние студентов ухудшается. Напряженность подготовительной деятельности обусловлена изменением учебного режима, высокой концентрацией памяти и внимания на изучении большого количества информации в сжатые сроки, переключением с одного предмета на другой. Также, груз ответственности перед собой, родителями и преподавателями, стремление получить наивысший балл, активные спортивные тренировки во время сдачи экзаменов - сказываются на самочувствии студента-спортсмена и оказывают влияние на спектр эмоций, которые контролирует и проявляет студент. Исходя из того, что одним из важных составляющих успеха учебной деятельности студентов-спортсменов является благоприятное психическое состояние в период экзаменационной сессии, - в нашем исследовании мы подробнее остановимся на его изучении в этот промежуток времени.

С целью выявления психического и эмоционального состояния спортсмена нами использовались методики: «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности», разработанная А. Леоновой, С. Величковской, «Шкала дифференциальных эмоций», разработанная К. Изардом, «Градусник», созданный Н.П.Фетискиным.

В исследовании принимали участие студенты первого года обучения (n=32) УО «Белорусский государственный университет физической культуры» в возрасте 17-18 лет.

Гипотеза исследования. Негативное эмоциональное состояние студентов в период экзаменационной сессии оказывает влияние на успешность сдачи экзаменов.

По результатам методики «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» наибольшее количество баллов испытуемые набрали по шкале «Индекс стресса» $30,72 \pm 0,48$ и «Индекс пресыщения» $29,06 \pm 0,63$. Величина показателей соответствует выраженной степени выраженности состояния.

По методике «Шкала дифференциальных эмоций» К. Изарда испытуемые набрали наибольшее количество баллов по шкалам «Индекс острых негативных эмоций» $45,84 \pm 1,94$ и «Индекс тревожно-депрессивных эмоций» $28,06 \pm 1,58$, что соответствует сильной и выраженной степени эмоциональных переживаний.

Результаты методики «Градусник» свидетельствуют о том, что испытуемые склонны пребывать в состоянии раздражения $38,13 \pm 0,16$, неудовлетворенности $38,11 \pm 0,15$ и пресыщения $38,08 \pm 0,13$, об этом свидетельствует высокий уровень показателей.

Выводы. Таким образом показатели методик указывают на состояние сниженной работоспособности большинства студентов, они испытывают состояние негативного эмоционального отношения к существующей ситуации.

Для коррекции психического состояния со студентами был организован комплекс мероприятий с применением группового протокола десенсибилизации и переработки движением глаз (ДПДГ). ДПДГ – направление в психотерапии, которое разработано американским психологом Ф. Шапиро, с целью снижению интенсивности негативных эмоций, переживаний и переработки травмирующего опыта, негативных состояний, искаженных убеждений, тревожных воспоминаний, снятия напряжений в теле, повышения уровня энергии и уверенности в себе [3].

Эффективность ДПДГ подтверждена многочисленными научными исследованиями; в 2013 году Всемирная организация здравоохранения официально рекомендовала ДПДГ как наиболее эффективный метод в работе со стрессом.

Список литературы

1. **Ловягина, А.Е.** Психические состояния человека: учеб. пособие / А.Е. Ловягина. – СПб: СПбГУ, 2014. – 120 с.
2. **Сопов, В.Ф.** Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности: учеб. пособие для студентов вузов физкультур. профиля / В.Ф. Сопов – М.: Трикта: Акад. Проект, 2005. – 126 с.

3. **Шапиро Ф.** Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз: Основные принципы, протоколы и процедуры / Ф. Шапиро. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 496 с.

POSITIVE AND NEGATIVE PRIMING EFFECTS OF AMBIGUOUS METAGRAM SOLUTIONS

The research supported by RSF grant No 23-18-00-407

Gershkovich Valeria, Moroshkina Nadezhda, Zamkovaya Maria Elena, Allahverdov Victor, Kireev Maksim (N.P. Bechtereva Institute of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)
valeria.gershkovich@gmail.com

The paper presents the results of a study devoted to investigation of the aftereffects of conflict resolution between representations in multiply solution word fragments (metagram) completion task. The ambiguity disadvantage effect was discovered, which stands for the process of meaning selection. Neither positive nor negative aftereffects of conflict resolution were discovered.

Key words: *Word fragment completion task, ambiguity, metagram, representation conflict, ambiguity disadvantage.*

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПРАЙМИНГ-ЭФФЕКТЫ ПРИ РАСПОЗНАВАНИИ МНОГОЗНАЧНЫХ МЕТАГРАММ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ No 23-18-00-407

Гершкович Валерия, Морошкина Надежда, Замковая Мария Елена Аллахвердов Виктор, Киреев Максим (Институт мозга человека, РАН, Санкт-Петербург, Россия)

В работе представлены результаты исследования последствия разрешения конфликта между репрезентациями при достройке многозначных метаграмм до осмысленных слов. В исследовании обнаружен эффект «цены многозначности», свидетельствующий о процессе селекции значений. Однако позитивных и негативных эффектов разрешения конфликта обнаружить не удалось.

Ключевые слова: *достройка фрагментированных слов, многозначность, метаграммы, конфликт репрезентаций, цена многозначности.*

Настоящее исследование посвящено изучению последствия разрешения конфликта при достройке многозначных фрагментов целого слова до единственного осмысленного варианта. Согласно ряду теорий при возникновении конфликта между репрезентациями включается высокоуровневый механизм селекции, подавляющий или препятствующий активации конкурирующих репрезентаций (Аллахвердов, 2000; Gernsbacher, 2001). По теории В.М. Аллахвердова, выбор репрезентации обладает последствием: негативным, проявляющимся в затруднении извлечения ранее не выбранных репрезентаций, и позитивным – устойчивостью выбранной репрезентации и ее конкретизацией.

Для исследования нами выбрана задача достройки фрагментированных метаграмм до целого. Метаграммы – это слова, отличающиеся друг от друга только одной буквой так, что пропуск этой буквы позволяет достроить фрагмент двумя альтернативными вариантами. Показано, что достройка подобных многоальтернативных фрагментов требует больше времени, чем достройка однозначных вариантов, и, как минимум частично, задействует высокоуровневые механизмы (Неуман et al., 2016). Этот эффект может быть соотнесен с феноменом «цены многозначности» – замедления выполнения задач, требующих семантической обработки, для многозначных стимулов по сравнению с однозначными (Piercey, Joordens, 2000). Так как задача достройки многозначного фрагмента требует продуцирования значения, а не просто его идентификации, можно ожидать задействование механизма селекции и его последующего последствия. Ранее на подобном материале нами был показан эффект цены многозначности, проявившийся как на поведенческом уровне (Черниговская и др., 2020), так и на нейрофизиологическом (Kireev et al., 2022). Также было показано, что при последующей задаче достройки двойственной метаграммы подходящим по контексту, но не выбранным при первичной селекции значением, происходит

замедление времени ответа, а также увеличение количества ошибок замены. Однако подобное замедление могло быть вызвано как негативным праймингом от ранее не выбранного значения, так и позитивным праймингом от ранее выбранного и попыткой осознанного контроля его торможения. Таким образом, цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы разделить позитивное и негативное влияние выбора репрезентации при достройке многозначных метаграмм на извлечение ранее выбранных и невыбранных вариантов достройки.

Был разработан дизайн исследования, в котором на первом этапе участники должны были достраивать словосочетания, состоявшие из фрагментированного прилагательного и существительного. Существительные были метаграммами (то есть позволяли два варианта достройки, например, ба-он (батон/барон), или их однозначными вариантами (бат-н/бар-н). Прилагательное всегда задавало контекст для распознавания существительного (тепл-й ба-он/б-гатый ба-он). На втором этапе участникам требовалось достроить только словосочетания с однозначными вариантами существительных. На этом этапе значение существительного могло сохраняться, сопровождаясь другим контекстным прилагательным (например, б-гатый ба-он/знатн-ый бар-н) или меняться на альтернативное (не выбранное на первом этапе, например, б-гатый ба-он/теплый бат-н). Исследование проходило по межгрупповому плану (варьировались: однозначность/многозначность метаграммы на первом этапе; сохранение/смена значения метаграммы на втором этапе). Для контроля влияния повтора пропуска буквы на скорость достройки однозначных метаграмм, в новых словосочетаниях в условии однозначной достройки менялось также место пропуска буквы в существительном на втором этапе. В каждом прилагательном также пропущена буква, что обеспечивало снижение контекстной предсказуемости и создавало условия для возникновения необходимости выбора в ситуации предъявления метаграмм.

В эксперименте проверялись следующие гипотезы:

Будет наблюдаться эффект цены многозначности, который проявится в увеличении количества ошибок и времени достройки многозначных метаграмм по сравнению с однозначными;

Мы предполагали, что разрешение многозначности проявится в негативном и позитивном последствии, а именно:

- будет наблюдаться негативный прайминг-эффект невыбранного значения достройки многозначных метаграмм: на втором этапе однозначные метаграммы, значение которых не совпадает со значением, распознанным на первом этапе в многозначном условии, будут распознаваться медленнее по сравнению со стимулами, предъявленными после однозначного варианта предъявления;

- будет наблюдаться позитивный прайминг-эффект выбранного значения достройки многозначных метаграмм: при повторе значения стимула на втором этапе фрагменты, которые на первом этапе предъявлялись в многозначном варианте, будут распознаваться быстрее по сравнению с метаграммами, предъявленными после однозначного варианта.

Выборка. В исследовании принял участие 161 человек от 18 до 53 лет ($M=25$, $SD=6.8$), 94 женщины; в итоговый анализ вошли данные 159 участников.

Стимульный материал. Для исследования на основе предыдущих исследований (Kireev et al., 2022) было отобрано 38 метаграмм (4-6 букв, частотность обоих значений в диапазоне от 3 до 1058 ipm). Таким образом было создано 152 словосочетания (76 словосочетаний с многозначными фрагментами существительных по два прилагательных на каждое значение, 76 аналогичных словосочетаний с однозначными вариантами фрагментов). Также подобрано 31 дополнительное словосочетание только с однозначными пропусками, которые выступали в качестве филлеров.

Дизайн и процедура. Было сформировано 4 экспериментальные группы (план 2x2). Участники были распределены по 16 экспериментальным листам. В эксперименте фиксировалось время ответов, количество и тип ошибок.

На первом этапе участникам последовательно в случайном порядке предъявлялось 69 словосочетаний (38 экспериментальных, 31 – филлеры) с инструкцией как можно быстрее достроить словосочетание до осмысленного варианта. Как только участники догадывались о значении, они нажимали клавишу «пробел», после чего произносили ответ вслух, и снова нажимали «пробел» для перехода к следующему стимулу. Перед появлением каждого стимула предъявлялся фиксационный крест на 1 или 2 с в случайном порядке. Время предъявления словосочетания и время произнесения ответа было ограничено 5 с. По окончании первого этапа участник мог сделать перерыв, время которого не

превышало 2х минут, после чего переходил ко второму этапу, процедура которого полностью соответствовала первому.

Результаты. Перед проведением основного анализа из данных были исключены словосочетания, эффективность достройки которых составила менее 50%. Для соблюдения эквивалентности условий также отсеивались парные к ним стимулы. В итоговый анализ вошли данные по 19 парам словосочетаний (76 уравненных по значению и пропущенной букве словосочетаний, распределенных по четырем спискам слов).

Далее был проведен анализ времени достройки и количества ошибок при распознавании многозначных и однозначных словосочетаний на первом этапе. Показано, что в стимулах, предъявляемых в многозначном условии достройки, испытуемые чаще совершали ошибки ($M = 0,88$, $SD = 0,14$) по сравнению с теми же стимулами, предъявляемыми в однозначном варианте ($M = 0,95$, $SD = 0,08$) достройки ($t = 5.7$, $df = 151$, $p < 0.001$, $d = 0.58$). Время достройки многозначных стимулов ($M = 1,79$, $SD = 0,42$) значимо дольше, чем время достройки однозначных ($M = 1,67$, $SD = 0,45$) ($t = -2.81$, $df = 151$, $p = .006$, $d = 0.28$). Таким образом, как по количеству ошибок, так и по времени ответа был обнаружен эффект «цены многозначности».

При анализе времени выполнения задания на втором этапе было показано, что время ответа при сохранении значения ($M = 1.49$, $SD = 0,35$) значимо быстрее, чем при его изменении ($M = 1.65$, $SD = 0,42$) (ANOVA, $F(1, 303) = 13.013$, $p < 0.001$). В условии повторного извлечения значения время ответа на стимул ускорялось. Однако мы не обнаружили значимого взаимодействия фактора многозначности достройки на первом этапе эксперимента с фактором изменения скорости достройки словосочетаний на втором этапе (ANOVA RM, $F(1, 300) = .868$, $p = .352$, $\eta = .003$). Влияния взаимодействия факторов многозначности, смены значения и этапа также обнаружено не было (ANOVA RM, $F(1, 300) = .000$, $p = .999$, $\eta = .000$). Таким образом, нам не удалось обнаружить ни позитивного, ни негативного последствия разрешения многозначности.

Обсуждение и выводы. В настоящем исследовании на материале дополнения многозначных фрагментированных слов до целого был обнаружен эффект «цены многозначности», проявившейся в замедлении времени достройки словосочетаний с многозначными фрагментами до целого, а также в увеличении количества ошибок. Эти результаты согласуются с полученными ранее на аналогичном стимульном материале результатами (Черниговская и др, 2020), а также с нейрофизиологическими данными (Kireev et al., 2022) и свидетельствуют о задействовании механизмов селекции при распознавании многозначных фрагментов. Нами также был обнаружен позитивный прайминг-эффект, заключающийся в ускорении реакции на повторное предъявление ранее осознанных значений. Однако эффектов негативного и позитивного прайминга в результате разрешения многозначности обнаружить не удалось. Возможно, что задача достройки однозначных фрагментов требует только обработки снизу-вверх, что не позволяет обнаружить искомые эффекты. В дальнейших исследованиях планируется сопоставить выполнение автоматических и более сознательно контролируемых задач после разрешения многозначности.

Список литературы

1. **Аллахвердов, В. М.** (2000). Сознание как парадокс. СПб.: Издательство ДНК
2. **Gernsbacher, M. A., Keysar, B., Robertson, R. R., & Werner, N. K.** (2001). The role of suppression and enhancement in understanding metaphors. *Journal of Memory and Language*, 45(3), 433–450
3. **Heyman, T., Van Akeren, L., Hutchison, K.A.** et al. (2016) Filling the gaps: A speeded word fragment completion megastudy. *Behav Res*, 48, 1508–1527
4. **Piercey, C.D., Joordens, S.** (2000). Turning an advantage into a disadvantage: Ambiguity effects in lexical decision versus reading tasks. *Memory and Cognition*. 28, 657–666
5. **Черниговская Т.В., Аллахвердов В.М., Коротков А.Д., Гершкович В.А., Киреев М.В., Прокопеня В.К.** (2020). Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 4. С. 675-686

6. Kireev M., Gershkovich V., Moroshkina N., Slioussar N., Allakhverdov V., Chernigovskaya T., Korotkov A., Masharipov R., Zheltyakova M., Cherednichenko D. (2022). Suppression of non-selected solutions as a possible brain mechanism for ambiguity resolution in the word fragment completion task. *Scientific Reports*. 2022. T. 12. № 1.

INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL SELF-REGULATION METHODS IN THE DEVELOPMENT PROCESS OF CREATIVITY (EXAMPLE OF TEACHERS)

*Gevorgyan Astghik (Public Administration Academy of RA, Yerevan, Armenia)
astgh.gevorgyan@gmail.com*

The article discusses the issue of the impact of mindfulness meditation on the development of teachers' creativity. Various approaches to creativity, the factors of mindfulness meditation, as well as their psychological and psychophysiological connections are presented in the article. You can read about the results of the experimental research conducted among teachers, including the research results of the personal creativity qualities and creative thinking of teachers, results of the mindfulness and its factors, as well as the correlations between them, the influence of mindfulness meditation on the development of creativity as a result of the scientific experiment conducted among teachers.

Keywords: *Creative thinking, creativity, mindfulness meditation, teachers, teaching creatively.*

Introduction: In the conditions of uncertainty and constant changes typical for today's society, the creativity of a person helps to find new ways and to be flexible to quickly respond to changes. The educational system is one of those systems where the response to changes is especially slow. As a result, teachers and students are limited to traditional education, which does not provide students with the creativity skills to solve problems, make decisions, orient themselves in life and be productive. Here, the role of the teacher as a model of a creative person for students is great. The implication of teachers' creativity contributes to the increase of teachers' work efficiency on the one hand, and on the other hand it contributes to the development of students' creativity.

It should be noted that today in Armenia, at the legislative level, an important place is given to the manifestation of creativity and creative thinking of teachers and students. With the amendments of the decision of the Government of the Republic of Armenia, creative thinking was also included as an important standard and competence for students in the general education state standards.[1]

And in the RA Law on Public Education, creative thinking and work are emphasized at different levels: state-director-teacher. [2]

Creativity researchers argue that even if a person is not creative, it is possible to develop creative thinking and the personal qualities necessary for creativity. They can be developed using various methods, including psychological self-regulation methods, particularly mindfulness meditation.

The goal is to study the influence of psychological self-regulation methods on the development of teachers' creativity.

Based on the goal, we put forward the hypothesis of the research: mindfulness meditation as a self-regulation method, affecting the incubation and insight stages of the creative process, contributes to the development of originality, observation, creative thinking, as well as the qualities characteristic of a creative person, including curiosity, complex problem solving and risk-taking abilities.

The research sample. 102 teachers were included in the research sample. For conducting the research, we ensured the territorial, sex-age distribution.

Methodology: Survey, correlational and experimental research was done using the research methods of testing and experiment. The methods of diagnostics are the tests by F. Williams for creativity assessment and Five Facet Mindfulness Questionnaire (FFMQ) by Ruth Baer.[3] The participants read the "Information and Consent Form" to participate in the research and signed their consent to participate in the research.

Results: The theoretical analysis made it possible to reveal that for the development of creativity through mindfulness meditation, it is appropriate to rely on a 4-stage approach to the creative process. The creative process includes preparation, incubation, insight and verification/evaluation. [7]

It is necessary to maintain a weak concentration during incubation, so that distant associations, which are more creative, are formed. [4] Meditation is the best way to achieve such a weak concentration. [5]

During the insight stage, the solution of the problem, which is unconscious before the insight, becomes conscious. Mindfulness meditation helps this process by increasing awareness. Awareness contributes to the process of insight, at the same time helps a person to notice his daily automatic actions and the process of decision-making, evaluate their effectiveness and, if necessary, change the thinking process, which is old and no longer effective. Mindfulness meditation also contributes to the development of divergent thinking.[6]

Referring to the results of the research, we should note that the creative thinking of teachers is at an above average level ($M=75$). Although the teachers have fast ($M=11$) and original ($M=25$) thinking, the indicators of the observation of ideas ($M=12$) and the creative use of speech ($M=19$) are low.

Among the characteristics of a creative person, curiosity ($M=14$) and risk-taking ($M=15$) are the most developed among teachers, which means that they tend to explore new thoughts and ideas, disobey others' opinions, set goals and strive to achieve them. The other two features, complexity ($M=13$) and imagination ($M=9$), are less developed and are at a below average level. The indicator of the imagination of teachers is especially low.

The mindfulness level of teachers is at an average level ($M=134$). Accordingly, it is relatively easy for them to be involved in the present, not to act automatically ($M=31$), to notice and follow their external and internal experience, such as feelings, emotions, thoughts, feelings, ($M=27$) to point them out and describe them in words ($M=30$). For teachers, it is more difficult to accept inner experience without criticizing or suppressing it ($M=25$), and it is also difficult to stay focused and not to cling to thoughts ($M=21$).

As a result of the correlation analysis, it was found that there are correlations between different factors of mindfulness and different criteria of creative thinking, as well as between the characteristics of a creative person. In the case of observation, acceptance of inner experience without criticism, conscious action, description of experience, general awareness, teachers can offer original, non-standard ideas, observe and develop them, orient themselves in difficult situations, look for alternatives, take risks if necessary.

The conducted experiment, the training, mainly confirmed the correlations obtained between mindfulness and its factors on the one hand, creative thinking and its criteria on the other hand. As a result of the training, the participants' abilities of thinking speed, originality, observation, and creative thinking were developed. As a result of correlation analysis, correlations were found between observing on the one hand, originality ($p<0.01$, $r=0.228$), speed ($p<0.01$, $r=0.253$) and creative thinking ($p<0.01$, $r=0.212$) on the other hand. As a result of the training, the indicator of observing increased, which also contributed to the increase of the indicators of originality, speed and creative thinking among the participants. As a result of the training the increased indicator of non- judging of inner experience contributed to the increase of the indicator of elaboration, in accordance with previously discovered correlations.

Conclusion: Summarizing the results of the theoretical and experimental research, we came to the following conclusion that the hypothesis proposed by us was confirmed. The use of meditation in the stages of incubation and insight of the creative process contributes to the development of a person's creative thinking, the emergence of creative insight, and a creative solution. Meditation increases the level of originality, speed, observation, flexibility of thinking, creative thinking, as well as curiosity, complex problem-solving and risk-taking abilities.

In the case of observation, acceptance of internal experience without criticism, conscious action, description of experience, non-reactivity, mindfulness, teachers can offer unique, non-standard ideas, observe and develop them, approach problems with curiosity, orient themselves in difficult situations, look for alternatives, take risks if necessary.

References

1. Decision of the RA Government N 439-Ն, available at <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=149792>, [08.04.2010].
2. RA Law on General Education, <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=173821>:

3. **Baer R. A.**, Five Facet Mindfulness Questionnaire (FFMQ), University of Kentucky, available at <http://ruthbaer.com/academics/FFMQ.pdf>, [03.19.2020]:
4. **Beeman J.M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S., Greenblatt R., Reber P. J., Kounios J.**, Neural Activity When People Solve: Verbal Problems with Insight, *PLoS Biology*, April 2004, Volume 2, Issue 4, <https://doi.org/10.1371/journal.pbio.0020097>.
5. **Kabat-Zinn J.**, *Wherever You Go, There You are: Mindfulness Meditation in Everyday Life*, Hyperion, N.Y., p. 278.
6. **Penman D.**, *Mindfulness for Creativity: Adapt, create and thrive in a frantic world*, Piatkus, London, 2015, p. 224.
7. **Wallas G.**, *The Art of Thoughts*, Solis press, Kent, 2014, 392 p.

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN THE PERCEPTION OF ORGANIZATIONAL CRISIS BY EMPLOYEES (ON THE EXAMPLE OF RA LABOR MARKET)

*Gevorgyan Anahit (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
anahit.gevorgyan@ysu.am*

The research is aimed to study the impact of psychological safety in the workplace on employees' perception of organizational crisis and their willingness to support in the process of overcoming crises. Applying this knowledge will allow human resources (henceforth: HR) and management of the organization to develop effective approaches for managing personnel during the crisis situations.

Keywords: *Psychological safety, organizational crisis, employee engagement, human resources, personnel management.*

Relevance. In recent years various types of crises have become an integral part of organizational life. Economic fluctuations the covid pandemic and several other crisis events impact on management process of organization, causing the need to develop new managerial approaches. In a crisis situation the process of managing an organization faces new problems of maintaining the existence and work effectiveness of the organization. The level of employee engagement, their performance, readiness to provide support and their attitude towards the company depend on the different aspects of management in crisis situations, which directly affects the ability of the organization in overcoming the crisis. The study of the influence of psychological safety on the attitude of employees to organizational crisis will make it possible to understand the connection between these two concepts and will guide the management and HR of the organization to invest necessary resources, if needed, to create a psychological safe environment in the organization.

Purpose. The purpose of the research is to investigate the characteristics of psychological safety in the organization and teams through a theoretical study, as well as to reveal it's impact on the perception of the organizational crisis by employees through the research work.

Hypothesis. It is assumed that in organizations and groups with a high sense of psychological safety employees have more open and positive attitude to organizational crises and are more willing to follow the organizations' strategy and support in the process of overcoming the crisis.

Theoretical research: The problem of psychological safety in work activities has been studied since the 1960s, but recently attention to it has increased significantly due to modern personality-oriented approaches in human resources management, as well as new approaches about employee engagement and productivity. Researcher, professor of leadership and management Amy Edmondson describes psychological safety in the work environment as a favorable climate where people can take interpersonal risks, freely express their thoughts, concerns and mistakes without fear of humiliation or punishment. In a psychologically safe environment managers, employees and colleagues are sincere, they trust and respect each other. A number of studies show that a psychologically safe environment has a positive impact on employee learning, acquiring new knowledge and developing creative thinking, since in such environment employees' initiatives are valued and there is no fear of making a mistake or being accused. [2, էջ 1-15, 1, էջ 59-62]: ...

Description of the sample. The research sample consists of persons aged 18-63 working in Republic of Armenia.

Research methods and techniques. The research was conducted by using the survey method. The questionnaire which is aimed to find out the level of psychological safety in the team and the attitude of employees to organizational crisis, consists of 3 main parts:

- Demographic questions,
- Questionnaire developed by Amy Edmondson for measuring psychological safety in teams and organization [3],
- Questions aimed to reveal the employees' attitude towards the organizational crisis.

References

1. Աղուզումցյան, Ռ. Վ., Պապոյան, Վ. Ռ., Գալստյան, Ա. Ս., Մուրադյան, Ե. Բ., Սարգսյան, Դ. Յ., Ամիրյան, Ծ. Ս. (2015). Անձի կենսագործունեության հոգեբանական անվտանգություն // Կոլեկտիվ մենագրություն, 142, Երևան, ԵՊՀ հրատ.
2. Edmondson, A. (2019). *The Fearless Organization: Creating Psychological Safety in the Workplace for Learning, Innovation, and Growth*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc.
3. Edmondson, A. (1999). Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams. *Administrative Science Quarterly*, 44(2), 350-383.

PERSONAL TRAUMATIZATION AND ANXIETY AS A FACTOR IN THE STIGMATIZATION OF MENTAL DISORDERS

*Ghazaryan Izabella, Nazlukhanyan Lilia (YSU, Yerevan, Armenia)
izabella.ghazaryan@ysu.am, lilianazlukhanyan@gmail.com*

The thesis is dedicated to the one of main problems of mental health care – stigmatization of people with mental illnesses. The authors' hypothesis is that the stigmatization isn't only the issue of lack of awareness and education, but also the stigmatization is based on how traumatized are people in society and how anxious the are. The research results confirm the hypothesis.

Keywords: *stigmatization, mental health, trauma, anxiety.*

Actuality of research. In recent decades, awareness that stigmatization is a major problem for people with mental disorders has grown significantly. Dealing with the manifestations of stigma—prejudice, scorn, accusations, and scorn—sometimes causes as much difficulty as a mental disorder, turning into a "second illness." [1] Over the years, the understanding of mental disorders has continuously improved, many new methods of treatment have been developed, and public awareness campaigns have been implemented, however, the stigmatization of mental disorders continues to be one of the main barriers to the development of mental health services. [2,3] Society's negative attitude toward people with mental disorders is an indication that the problem has deeper causes than just a lack of awareness. Our study is based on the idea that trauma and anxiety are directly related to the emotional centers of the brain and have a great impact on the emotional regulation of a person, as well as cognitive functions. The purpose of our research is to examine the correlation of stigmatization of mental disorders with traumatization and anxiety. We put forward a hypothesis according to which the stigmatization of mental disorders is related to traumatization and anxiety, namely, the higher the level of traumatization and anxiety, the greater the tendency of a person to stigmatize mental disorders. The following methods were used during the research:

1. Attributions Questionnaire measuring stigmatization of mental disorders (Attributions Questionnaire - Corrigan P, et al)
2. Questionnaire measuring situational and personal anxiety (State-Trait Anxiety Inventory - Spelberg CD, et al)
3. Global Psychotrauma Screening Questionnaire measuring traumatization (Global Psychotrauma Screen).

The group of initial participants of the study included 118 people, 102 of whom stated that they had ever had a traumatic experience, and the latter formed the main sample of the study.

Conclusions

1. According to our results, the following factors have a significant influence on the level of mental disorders in the research sample: age, educational level, profession and relationship with mental disorders of the participants.
2. As a result of the analysis of stigmatization of mental disorders and the correlation between traumatization and anxiety, the hypothesis put forward by us was confirmed. The higher the level of traumatization and anxiety, the greater a person's tendency to stigmatize mental disorders.

References

1. **Angermeyer, M. C., & Matschinger, H.** (2005). Causal beliefs and attitudes to people with schizophrenia. *British Journal of Psychiatry*, 186(4), 331–334. doi:10.1192/bjp.186.4.331
2. **Angermeyer, M. C., & Schulze, B.** (2001). Reinforcing stereotypes: How the focus on forensic cases in news reporting may influence public attitudes towards the mentally ill. *International Journal of Law and Psychiatry*, 24(4-5), 469–486. doi:10.1016/s0160-2527(01)00079-6
3. **Corrigan, P.** (2004). How stigma interferes with mental health care. *American Psychologist*, 59(7), 614–625. doi:10.1037/0003-066x.59.7.614

PROCESSING OF NON-STATIONARY TIME SERIES OF EEG DATA FOR STUDY OF ACQUISITION AND IMPROVEMENT OF THE SKILL

The research is supported by the Russian Science Foundation grant № 23-18-00473 (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences)

Gladilin Dmitry (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, State University of Psychology and Education)

dima.gladilin.psy@gmail.com

Apanovich Vladimir (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, State Academic University for the Humanities)

apanovitschvv@yandex.ru

Aramyan Eric (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences)

aramyan.eric@gmail.com

Yudakov Kostantin (State Academic University for the Humanities)

kost05062000@mail.ru

Alexandrov Yuri (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, State Academic University for the Humanities)

yuraalexandrov@yandex.ru

A methodology for comparing the situation of acquiring a new skill and improving an existing skill in dynamics has been designed and tested. A set of statistical methods for processing non-stationary time series was composed and modified. Approbation of covariance calculation was carried out with a sliding window on model data. This method allows analyzing the relationship between two time series in dynamics.

Keywords: *EEG, learning, covariance, sliding window, system-evolutionary approach.*

С позиций системно-эволюционного подхода (СЭП) ключевыми категориями для изучения структуры индивидуального опыта являются приобретение нового навыка (системогенез) и закономерностей, лежащих в основе совершенствования уже имеющегося навыка (изменение межсистемных отношений) (Александров, 2005; Безденежных, 2015). В данной работе представлен новый способ и результаты обработки нестационарных временных рядов амплитуд выделенных компонентов ЭЭГ и поведенческих данных, полученных в специально сконструированном психофизиологическом исследовании с использованием психофизической методики «Да-Нет». Представленный способ обработки в динамике

позволяет впервые в полной мере затронуть процессуальную составляющую приобретения и совершенствования навыка.

Психофизическая задача «Да-Нет» (Green, Swets, 1966) была нами подобрана для данного исследования по ряду причин: единые условия набора участников исследования для группы научившихся новому навыку и совершенствующих уже имеющих навык; одинаковые единицы измерения (время ответа, результативность, и т.д.) и условия проведения исследования для этих групп; наличие параметрического показателя результативности d' с настраиваемой частотой дискретизации (Забродин, 1984); возможность проведения ЭЭГ-исследования с минимальным наличием мышечных и глазодвигательных артефактов; возможность выбора экологически невалидного параметра оценивания, что эффективно для решения задачи фундаментальной науки (Пономарёв, 1976), в данном случае - изучения приобретения нового навыка «с нуля».

Для анализа электроэнцефалографии (ЭЭГ), после первичной обработки данных (режекции глазодвигательных артефактов и экспорта данных) проводилось усреднение связанных с событиями потенциалов (ССП) по методу скользящего окна по 50 проб с шагом в 1. Для подсчёта результативности показатель d' усреднялся так же, по методу скользящего окна по 50 проб с шагом в 1. Таким образом, каждому окну усреднения СПП соответствует своя точка результативности d' .

В отличие от классических методов обработки временных рядов, разработанных для анализа стационарных временных рядов, нам нужно было разработать метод обработки нестационарных временных рядов, т.к., показатель результативности, а также амплитуды и латенции ЭЭГ-данных стационарностью не обладают (Безденежных, 2015).

Для обработки нестационарных временных рядов мы использовали метод подсчёта ковариаций со скользящим окном по 50 точкам с шагом в одну пробу. Данный метод мы апробировали на модельных данных (Гладилин, 2022).

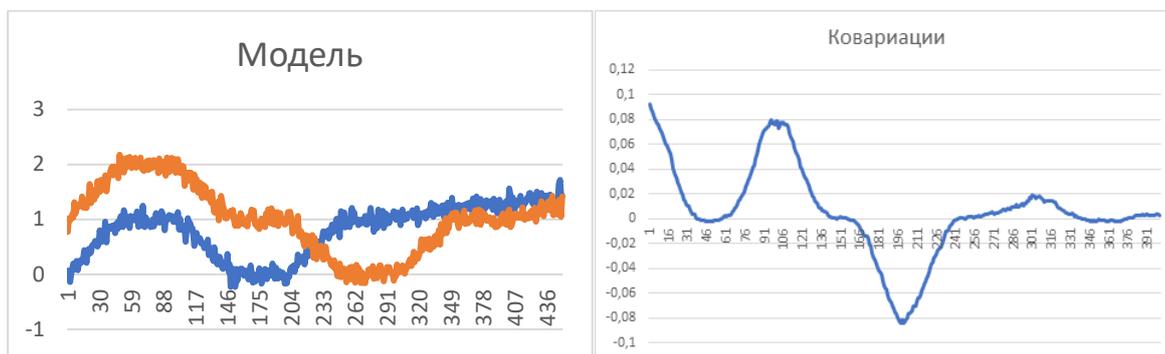

Рис. 1. Модельные данные ковариаций со скользящим окном подсчёта. Слева модельные данные, по оси X – скользящие окна, по оси Y – выраженность результативности и амплитуд компонентов. Справа ковариация модельных данных в динамике, по оси X – скользящие окна ковариаций, по оси Y – выраженность ковариации.

В модельные данные (рис. 1.) были заложены определенные связи на каждую из эпох: резкий однонаправленный рост с 1 по 50 пробу; отсутствие изменений в 2 графиках (плато) с 51 по 100, с 151 по 200, с 251 по 300 и с 351 по 400 пробу; резкое однонаправленное падение с 101 по 150 пробу; разнонаправленная динамика с 201 по 250 пробу; резкий рост по одному графику и плавный рост по другому - с 301 по 350 пробу; плавный однонаправленный рост с 401 по 450 пробу.

Взаимосвязи, заложенные на разные эпохи модели, на графике подсчёта ковариаций со скользящим окном отразились следующим образом: резкий однонаправленный рост отобразился высокими значениями ковариаций; отсутствие изменений в 2 графиках (плато) отобразилось околонулевыми показателями ковариаций; разнонаправленная связь отразилась отрицательными значениями ковариаций; резкий рост по одному графику и плавный рост по другому графику, также как и плавный однонаправленный рост, отразились низкими значениями ковариаций.

Этот метод позволил нам анализировать связь динамики результативности с динамикой амплитуд ЭЭГ-паттернов. Традиционно для проверки связи двух переменных используется коэффициент корреляции Пирсона, который ввиду отсутствия размерности не учитывает величину изменений, т.е. при

слабо выраженной взаимосвязи (медленный рост по одной шкале и резкий рост по другой шкале) отображает её в виде высоких показателей корреляции.

После подсчёта скользящих ковариаций мы подсчитываем разницу между z-координатами d' и амплитудами компонентов. Учёт несоответствий во временных рядах позволяет нам дополнительно контролировать, какие значения (низкие или высокие) были сопоставлены при подсчёте скользящих ковариаций. Этот метод дополняет подсчёт ковариаций со скользящим окном и даёт информацию о том, насколько отличались два временных ряда между собой в каждом окне анализа.

Изучение динамики научения позволяет подробнее изучить процессы приобретения и совершенствования навыка. Подготовлена и апробирована процедура изучения динамики нестационарных временных рядов поведенческих и физиологических показателей с использованием ковариаций со скользящим окном и оценкой несоответствия во временных рядах.

В настоящее время нами разрабатываются альтернативные способы обработки нестационарных временных рядов, такие как кластеризация ЭЭГ отведений в динамике и классификация окон и пиков ССП при помощи факторного анализа.

Список литературы

1. **Александров Ю.И.** Научение и память: традиционный и системный подходы. // Журн. высшей нервной деят. 2005. Т. 55. Вып. 62. С. 842–860.
2. **Безденежных Б. Н.** Системная эквивалентность мозговых потенциалов P300 и P600 в задачах сенсомоторного выбора и категоризации слов Психологический журнал. – 2015, том 36, № 5, с. 64–74 39.
3. **Green D. M., Swets J. A.** Signal detection theory and psychophysics. N.Y.: Wiley, 1966.
4. **Забродин Ю.М., Пахомов А. П., Шаповалов В. И.** Взаимосвязь эффективности обнаружения сигнала/ сборник Психофизика сенсорных и сенсомоторных процессов / ред. Ю.М. Забродин. – Москва: Наука, 1984.
5. **Пономарёв Я. А.** Психология творчества. // изд. «Наука», Москва, 1976
6. **Гладилин Д. Л.** Динамика системных процессов мозговой активности при приобретении навыка различения коротких интервалов времени Магистерская диссертация – 2022.

PSYCHOCORRECTION WORK WITH CHILDREN WITH BODY IMAGE FEATURES IN TYPE I DIABETES MELLITUS

*Gorbaneva Maria, Goryacheva Tatyana (Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow State University of Psychology & Education, School №1321 “Kovcheg”, Moscow, Russia)
mariapashenko@yandex.ru, goriatcheva tg@mail.ru*

As a result of studying the features of schoolchildren with type 1 diabetes, the following features of their attitude to their body and the perception of body image: increased anxiety, the presence of fears, a distorted perception of one's own body, ambivalent emotions and reactions to bodily sensations. These features are the result of a somatic disease and need correction work.

Keywords: *correction work, body image, emotional-personal sphere, diabetes mellitus 1 type, projective methods.*

ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С ДЕТЬМИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ОБРАЗА ТЕЛА ПРИ САХАРНОМ ДИАБЕТЕ I ТИПА

Горбанева Мария, Горячева Татьяна (ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, ФГБОУ ВО МГППУ, ГБОУ Школа №1321 “Ковчег”, Москва, Россия)

В результате исследования школьников с сахарным диабетом I типа были выявлены следующие особенности отношения к своему телу и восприятие его образа: повышенная тревожность, наличие страхов, искаженное восприятие собственного тела, амбивалентные эмоции и реакции на телесные

ощущения. Эти особенности являются следствием соматического заболевания и нуждаются в коррекции.

Ключевые слова: *коррекционная работа, образ тела, эмоционально-личностная сфера, сахарный диабет I типа, проективные методы.*

Актуальность. В настоящее время фиксируется постоянный рост заболеваемости различными болезнями, которые достаточно сильно влияют на образ жизни, восприятия себя и своего тела. Так, существуют данные с 2000 по 2018 год о росте заболеваемости детей сахарным диабетом I типа - увеличение динамики в 2 раза [1, 2].

Изменения жизни под влиянием симптомов и лечения могут негативно отражаться на дальнейшем развитии детей и подростков, что указывает на необходимость оказывать психокоррекционную помощь пациентам. Посещение медицинских учреждений, периодические госпитализации и изменения внешности отражаются на психоэмоциональном состоянии ребенка, меняют его отношение к себе, своему телу и восприятию себя и своей болезни.

Существуют исследования пациентов с сахарным диабетом I типа, их результаты показывают, что дети и подростки с данным заболеванием имеют менее позитивный образ тела, чем их здоровые ровесники, у респондентов наблюдается социальная гипернормативность, которая проявляется в учебной деятельности. Дети и подростки с сахарным диабетом I типа стремятся к эмоциональной близости с родными и сверстниками, а также нуждаются в ощущении поддержки [3].

Таким образом, все вышеизложенные данные подводят к необходимости изучить особенности образа тела у пациентов с сахарным диабетом I типа и сделать попытку разработать психокоррекционную программу, которая позволит повысить эмоциональный фон пациентов и сформировать адекватное восприятие своего тела.

Цель исследования. Изучение особенностей образа тела у пациентов с сахарным диабетом I типа с целью разработки эффективной психокоррекционной программы для работы в отделениях соматической клиники.

Гипотеза. Выявленные особенности образа тела у школьников с сахарным диабетом I типа являются основанием для организации индивидуальной или групповой психокоррекционной работы амбулаторно и при госпитализации.

Описание выборки. Исследование было проведено на базах РДКБ ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России и ГБОУ Школы 1321 «Ковчег». 30 человек - экспериментальная группа, школьники из отделения эндокринологии, которые проходили периодическое лечение, 30 человек - контрольная группа - подростки, у которых отсутствуют заболевания эндокринной системы.

Методы и методики исследования. В качестве методов исследования выступали: беседа, проведение диагностических методик и анализ литературы по теме исследования, а также методы математической статистической обработки данных (программа «SPSS Statistics»). Использовались следующие диагностические методики: «Волшебная страна чувств», «Рисунок человека», «Опросник образа собственного тела», «Рисунок несуществующего животного», «Рисунок болезни» и методика телесных промеров по М. Фельденкрайзу.

Результаты. В эмоциональной сфере школьников с сахарным диабетом I типа преобладают амбивалентные эмоции: удовольствие и страх, присутствует потребность в опоре и уверенности, стремление к творческой и спортивной жизни, самореализации. Исследование по методике Фельденкрайза показало, что представления подростков с сахарным диабетом I типа о теле значительно отличаются от реального размера. Также в эмоциональной сфере школьников с данным заболеванием присутствуют: тревожность, астения или напряженность, снижение настроения и самооценки, у половины испытуемых присутствуют страхи, также у небольшого числа школьников присутствует желание изменить себя и свое тело. Подростки не стесняются говорить о своей болезни, достаточно хорошо осведомлены о ней, необходимом лечении и причинах возникновения сахарного диабета.

Обсуждение. Обсуждая необходимость психокоррекционной работы в эндокринологическом отделении, хотелось бы отметить, что предложенные направления работы будут примерными вариантами проведения занятий с подростками, так как необходимо учитывать индивидуальные особенности пациентов и их эмоциональное состояние.

1. Одним из направлений работы может быть арт-терапия, которая будет включать в себя самоактуализацию и раскрытие через творческие приемы и техники, а также реализацию творческих потребностей. В данной деятельности важно принятие и одобрение всех продуктов деятельности пациентов, эмоциональные реакции и их обсуждение.

2. Еще одним направлением может являться телесно-ориентированная терапия. Психолог, сопровождающий пациентов, может предложить упражнения, направленные на осознание границ своего тела, ощущение его частей и целого. Упражнения на дыхание, рефлексии и медитацию могут помочь выровнять эмоциональный фон и служить помощью при стрессовых ситуациях.

3. Для работы с подростками также можно организовать тренинговую группу, в которой каждое занятие будет иметь собственную тему, а также различные упражнения для более глубокого понимания смысла занятия.

Выводы. Можно сделать вывод, что подростки с сахарным диабетом нуждаются в помощи клинических психологов во время периодических посещений лечебных учреждений для оказания психокоррекционной работы. Клинический психолог может осуществлять помощь школьникам по преодолению негативных эмоций и чувств по отношению к своей болезни, формированию адекватного отношения пациентов к себе и своему телу, коррекции представлений о своем теле с помощью отдельных направлений психотерапии, а также с помощью групповых занятий и интересных упражнений.

Список литературы

1. Бантьева М.Н., Маношкина Е.М., Соколовская Т.А., Матвеев Э.Н. Тенденции заболеваемости и динамика хронизации патологии у детей 0-14 лет в Российской Федерации, 2019.
2. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К., Железнякова А.В., Исаков М.А. Сахарный диабет в российской федерации: распространенность, заболеваемость, смертность, параметры углеводного обмена и структура сахароснижающей терапии по данным федерального регистра сахарного диабета, статус 2017 г., 2018.
3. Щукина Е.Г., Цветкова Е.С., Якоби Д.А. Личностное восприятие болезни подростками с сахарным диабетом первого типа, 2003. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnoe-voSPIriyatIE-bolezni-podrostkami-s-saharnym-diabetom-pervogo-tipa/viewer> (Дата обращения: 30.06.2023)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF ADOLESCENT STUDYING IN DIFFERENT OF SCHOOLS

Gorlova Elena (ANEO «LETOVO School», Moscow, Russia)

el_gorlova@mail.ru

Perelygina Irina (AMTS EAMET, Moscow, Russia)

iperelygina@yandex.ru

Strutinskaya Olga (Centre of intensive Technologies of Education, Moscow, Russia)

o.strutinskaya@cito.ru

Khovrina Gelena (Moscow City University, Moscow, Russia)

khovrinagb@mgpu.ru

This article discusses the conditions of the organization of training that influence the motivation of educational activities. Attention is focused on the fact that regardless of the form of organization of the educational process, self-determination is the leading motive for adolescents aged 12-15 years. The last place in the motivation for learning is occupied by the motivation associated with the learning process itself-internal (cognitive) motivation. The study of the causes of the deficit of internal (cognitive) motivation in the learning process is the subject of additional research

Keywords: *motivation of educational activity, teenagers, types of motivation, self-determination motivation.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПОДРОСТКОВ ИЗ РАЗНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Горлова Елена (ОАНО «Школа «ЛЕТОВО», Москва, Россия)

Перельгина Ирина. (АМТН ЕАМЭТ, Москва, Россия)

Струтинская Ольга (АНОО «ЦИТО», Москва, Россия)

Ховрина Гелена (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия)

В данной статье обсуждаются условия организации обучения, оказывающие влияние на учебную мотивацию. Результаты показывают, что независимо от формы образования, ведущим мотивом для подростков 12-15 лет является самоопределение. Последнее место занимает мотивация, связанная с процессом обучения - внутренняя (познавательная) мотивация. Причины дефицита внутренней (познавательной) мотивации в процессе обучения – предмет дополнительных исследований.

Ключевые слова: мотивация учебной деятельности, внутренняя (познавательная) мотивация, мотивация самоопределения, подростки, образовательный профиль.

Проблема исследования. В современном мире образование – одна из традиционных ценностей. С развитием цифровых технологий и интернета получить престижное и качественное образование может любой ребенок, подросток, взрослый человек в любой точке мира. Ресурсы безграничны. Однако, эти ресурсы для многих людей остаются недоступными, потому что они сами отказываются от них, у них теряется самое главное – желание учиться. Исследования показывают, что кризис учебной мотивации приходится на период подростничества. По данным авторов в 7-8 классах падает успеваемость и меняется мотивация. Например, в работе Ю.В. Клепач, Т.В. Рубцовой показано, что степень мотивации на приобретение знаний в целом по всем испытуемым подросткам (14-15 лет) ниже среднего уровня, что говорит о том, что подростки слабо заинтересованы в совершении действий, направленных на приобретение знаний (2019). Анализ работ современных авторов показывает, что учебная мотивация - это процесс, который запускает, направляет и поддерживает усилия, направленные на выполнение учебной деятельности. Это сложная, комплексная система, образуемая мотивами, целями, реакциями на неудачу, настойчивостью и установками ученика.

Исследования Т.О. Гордеевой показывают, что в классах, в которых ведущим мотивом учения становится познавательный мотив, формируется положительное отношение школьников к обучению в школе. Эта мотивация является внутренней, и ее базой является ситуация успеха и удовлетворение в процессе обучения потребности в независимости, компетентности и принятии. Эксперименты О.И. Ларионова показали, что гуманистические стандарты обучения (создание доверительного общения, доброжелательного отношения, обоснование значимости личного вклада, умений, навыков) способствуют повышению уровня мотивации подростков.

В настоящее время в образовании Российской Федерации предлагаются разнообразные образовательные форматы, отвечающие на запросы семьи и учащихся. Мы рассмотрим три формата обучения - «Гибрид» (сочетание очного и онлайн-форматов), вариант «Школы полного дня» и профильной подготовки в «Педагогическом предуниверсарии».

Цель исследования: выявить особенности мотивации у младших и старших подростков в разных формах получения образования.

Гипотеза: существуют сходства и различия учебной мотивации у подростков, обучающихся в разных образовательных форматах.

Выборка. В исследовании принимали участие учащиеся 6-9 классов школ с разными образовательными профилями. Образовательный профиль №1 – учащиеся обучаются два дня очно (практические занятия по отработке навыков) и два дня онлайн (освоение на вебинарах нового учебного материала) - 75 учащихся. Образовательный профиль №2 – обучение в школе полного дня, с выполнением домашних заданий в школе во вторую половину дня (30 учащихся). Образовательный профиль №3 – педагогический предуниверсарий (88 человек).

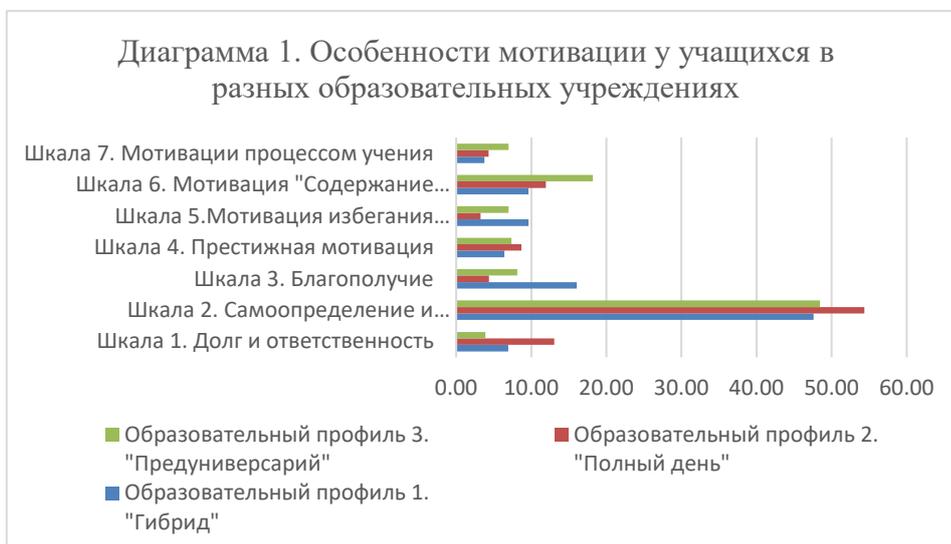
Методики исследования.

1. Диагностика уровней и типов учебной мотивации у подростков с помощью методики «Изучение мотивационной сферы учащихся» (М.В. Матюхина);

2. Анкетирование участников исследования (интересы, хобби и академическая успеваемость);

3. Сравнение показателей мотивации у учащихся в разных образовательных профилях.

Результаты исследования и их обсуждение. В диаграмме 1 представлены основные результаты. Общая тенденция у учащихся всех трех профилей – низкий процент выбора учащимися мотивации, связанной с процессом обучения. Наоборот, высокий процент у всех учащихся – выбор утверждений по шкале «Самоопределение/ самосовершенствование». Рассмотрим те шкалы, где есть тенденции к различиям между профилями образования. Мы видим, что учащиеся профиля «Гибрид» показывают

более высокий результат по сравнению с учащимися двух других профилей по шкале «Благополучие», таким образом, дети, сочетающие онлайн и очный форматы обучения заинтересованы в построении хороших отношений с ровесниками и педагогами. В профиле образования «Школа полного дня» выше уровень мотивация по шкале «Долг и ответственность». Профиль «Педагогический преуниверсарий» отличается более высокими показателями по шкале «Содержание учения».

Эти данные показывают, что развитию внутренней (познавательной) мотивации с точки зрения процесса учения – дефицит в современных условиях, независимо от выбора формата образования. Однако, выбор профиля в педагогическом преуниверсарии дает учащимся преимущество в развитии мотивации, связанной с содержанием обучения.

Выводы и рекомендации. Независимо от формы получения образования ведущим мотивом для подростков 12-15 лет является самоопределение. Различия обнаружили в преобладании у подростков, обучающихся в профиле «Гибрид» – стремление к благополучию, у подростков из «Школы полного дня» – «Долг и ответственность», у подростков «Преуниверсария» – интерес к содержанию обучения. Последнее место в мотивации к учению занимает мотивация, связанная с самим процессом обучения. Для развития внутренней мотивации разработан тренинг с использованием видеокейсов «Моя стратегия обучения», направленный на развитие рефлексии собственной мотивации учения у подростков.

Список литературы

1. **Клепач Ю.В., Рубцова Т.В.** Особенности мотивации учебной деятельности подростков// Вес Научно-педагогическое обозрение. 2019. 6 (28). DOI: 10.23951/2307-6127-2019-6-63-72
2. **Гордеева Т.О.** Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития / Дисс. на соиск. уч. степени д-ра психол. наук. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013, 444 с.
3. **Ларионов О.И.** Развитие мотивации учебной деятельности школьников подросткового возраста: На материале дисциплин биологического цикла. / Дисс на соиск. уч. степени канд. педагогич. наук., Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 2004, 205 с.

MONITORING OF ASSESSMENT OF THE ATTITUDE OF STUDENTS TO A HEALTHY LIFESTYLE

Grigoryan Armen (Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia)

armengrigoryan61@mail.ru

In this study, the results of monitoring and assessment of the attitude of student youth to the indicators of a healthy lifestyle are presented. 67 students studying at the Russian-Armenian University took part in the survey. The survey questionnaire included 15 questions about health. The conclusions of this research are related to the determination of the level of value attitude of the young generation to their own health, to a healthy way of life, to physical activity and the main assumptions related to it.

Key words: *health, lifestyle, physical activity, sports, student age, survey.*

МОНИТОРИНГ ОЦЕНКИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Исследование выполнено в рамках тематического финансирования КН РА 21Т-5С177

Григорян Армен (РАУ, Ереван, Армения)

В данном исследовании представлены результаты мониторинга в оценке отношения студенческой молодежи к показателям здорового образа жизни. В анкетном опросе принимали участие 67 студентов обучающихся в Российско-Армянском университете. Анкета опроса включала 15 вопросов отношения к ЗОЖ. Выводы настоящего исследования, связанные с определением уровня ценностного отношения молодого поколения к собственному здоровью, к здоровому образу жизни, к физической активности и связанными с этим основным предпочтениям.

Ключевые слова: *здоровье, образ жизни, физическая активность, спорт, студенческой возраст, опрос.*

В системе здравоохранения современного общества любой страны, особое значение придаётся вопросам охраны, поддержания и укрепления здоровья детей дошкольного, школьного и студенческого возрастов. Проблема состояния здоровья молодого поколения с годами обостряется в связи с ухудшением экологии жизненного пространства, развитием IT технологий, распространением гиподинамии и снижением уровня физической подготовленности. Об этом свидетельствуют результаты исследований последних лет [1, 2, 3 и др.]. Кроме того, в вышеуказанных исследованиях отмечаются и основные источники вызывающие неблагоприятные сдвиги параметров здоровья подрастающего поколения. А именно: ухудшение социально-экономической обстановки, влияния развлекательной индустрии, возрастание уровня учебной нагрузки, уменьшение двигательной активности, недостаточная информированность о здоровье и здоровом образе жизни. Похожие нежелательные тенденции состояния здоровья и физической подготовленности были обнаружены в исследованиях на примере учащихся и студентов Армении [4, 5, 6].

Цель данного этапа мониторинга заключалась в оценке отношения студенческой молодежи к показателям здорового образа жизни. В анкетном опросе принимали участие 67 студентов 1-го курса (30 студентов и 37 студенток) обучающихся в Российско-Армянском университете.

Исходя из вышеизложенного, в настоящей работе представлены результаты исследований, связанные с определением уровня ценностного отношения молодого поколения к собственному здоровью, к здоровому образу жизни.

Для изучения поставленных задач использовался метод анкетного опроса. По разработанной анкете, состоявшая из 15 вопросов, предусматривалось выяснить: отношение студентов к факторам обеспечивающих охрану и укрепление собственного здоровья; уровень знаний студентов об отличительных особенностях людей ведущих здоровый образ жизни; отношение студентов к принципам ЗОЖ; факторы

мешающие внедрению ЗОЖ в собственный быт; состояние собственного здоровья, причины вызывающие стресс; соблюдение режима питания; предпочитаемые виды спорта и оздоровительной физкультуры.

У ряда задаваемых вопросов ответы состоят из нескольких вариантов. В таком случае респондент может выбирать те варианты ответов (один и более), которые считает правильным. В других случаях, где поставленный вопрос требует единственного ответа выбирается тот вариант, который соответствует логике поведения данного респондента.

В результате анализ анкетного опроса стало очевидным, что настоящее время в вопросах успешной реализации своих биологических, социальных и профессиональных функций имеются серьезные недостатки и проблемы отношения к различным аспектам ЗОЖ. Это указывает на то, что каждый активный член современного общества должен расширить собственные представления об охране и укреплении собственного здоровья, освоить основные критерии режима здорового образа жизни. Из полученных данных видно также и то, что в системе здорового образа жизни у 68,7% респондентов важное место занимает соблюдение правил гигиены, а 62,7% респондентов отдавали предпочтение соблюдению режима дня. Выяснилось также и то, что для успешного внедрения здорового образа жизни в быт, по мнению 55,2% респондентов, необходимо придерживаться его принципов. Вместе с тем, для 37,3% респондентов соблюдение принципов ЗОЖ не является главным в жизни. Среди причин, вызывающих стресс у студентов, указаны следующие: финансовые трудности (16,7%), социально-психологические проблемы, связанные с коллективом (30,0%), проблемы, связанные с учёбой (66,7%).

Обобщая результаты анализа анкетного опроса, показал, что сегодня возникает необходимость решения таких задач, как:

- создание современных представлений о жизненных приоритетах, что позволит найти пути минимизации влияния мешающих факторов (объективных и субъективных) и эффективно внедрить здоровье в повседневную жизнь молодого поколения.
- формирование мотивации сохранения и укрепления здоровья, путём расширения знаний об индивидуальных особенностях собственного организма, принципах организации ЗОЖ, т.е. построение рационального режима жизни, с учётом выбора профессии, режимов: дня, двигательной активности, питания, прохождения медицинского обследования и других, важнейших сторон жизнедеятельности.

Следует также отметить и то, что решение задач по внедрению здоровья в повседневную жизнь молодёжи не ограничивается только лишь накоплением знаний и формированием готовности вести здоровый образ жизни. Здесь необходимо найти эффективные пути осуществления этой установки (готовности), т.е. реализации одной из главнейших целей жизни человека – создание здоровьесберегающих технологий.

Список литературы

1. **Изаак С.И.** Мониторинг физического развития и физической подготовленности: теория и практика: монография. – М.: Советский спорт, 2005. – 126 с.
2. **Колос В.М.** Оздоровительная физическая культура учащихся и студентов: Учеб. пособие. / В.М. Колос. – Мн.: БГУИР, 2009.154 с.,
3. **Осипов, А. Ю. Гольм Л. А., Михайлова С. А.** Формирование здоровьесберегающих компетенций будущих специалистов средствами физического воспитания/ // Вестник Череповецкого государственного университета, 2012. №2 (39). Т.2. С.178 – 182.
4. **Аракелян В.Б.** О физкультурном образовании в Армении // Наука и спорт: современные тенденции. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fizkulturnom-obrazovanii-v-armenii>.
5. **Хачатрян А.Р.** Состояние физического развития и двигательной подготовленности юношей допризывного возраста, на примере г. Гюмри. 3 (29). 2001, Ереван: с. 41-45.
6. **Мартиросян А.С.** Методика внеклассных занятий физической культурой, автореферат диссертации, Ереван, 2006. 22 с.

THE DIGITAL FOOTPRINT OF WAR: CHANGES OF MESSAGING ACTIVITY FROM FACEBOOK DATA

This study was funded by the Federal Ministry of Education and Research Germany (BMBF; 01IS20046). The BMBF had no involvement in the study design, the collection, analysis and interpretation of data, the writing of the report and the decision to submit the article for publication.

Hakobyan Olya, Drimalla Hanna (Center for Cognitive Interaction Technology (CITEC), Bielefeld University, Germany)

olya.hakobyan@uni-bielefeld.de

Digital communication enables the objective measurement of social interactions for understanding how people interact in adverse situations. Using anonymized Facebook data, we examine the digital footprint of the 44-day war of 2020 in Nagorno-Karabakh. Our preliminary results show increased online interactions during the war and in the post-war period.

Key words: *data donation, war, social interactions, mental health, Facebook, WhatsApp.*

Introduction. Armed conflicts have a devastating impact on the affected communities, leading to loss of life, displacement and long-term socio-economic consequences. The adverse effects of war render individuals vulnerable to mental health conditions, such as depression, anxiety and post-traumatic stress disorder (PTSD) [1]. There is evidence that social support can mitigate both the short-term [2] and long-term impacts of the disasters, among other things through solidarity, social cohesion and emotional support [3]. However, it is a challenge to obtain objective measurements of social interactions. Since much of the modern social interactions unfold in the digital space, data donation [4], [5] has been outlined as a new and promising avenue for acquiring valuable social interaction data. Specifically, people can request their online interaction data from services like Facebook and WhatsApp and make it available to the researchers. In the context of war, such data can provide relevant insights regarding how people communicate in adverse situations. Additionally, common signs of mental distress, such as altered sleeping patterns [6] or social withdrawal, may be identified from messaging data.

To study social interactions in the digital space, we have developed Dona, a data donation platform on which people can donate their messaging data from WhatsApp and Facebook. Importantly, all data are de-identified and anonymized, consisting only of meta-data that cannot be traced back to individuals. In the following, we describe the platform and outline its potential for understanding the digital footprint of war using the example of the 44-day (27.09.2020-09.11.2020) war in Nagorno-Karabakh between Armenian and Azerbaijani forces.

Method. Dona is a web platform that allows individuals to donate their messaging data from WhatsApp and Facebook. The donation consists of three steps. First, the participants receive instructions on how to request their data from the messaging platforms. The requested data contains all messages of the participant and can be downloaded into their personal devices. Next, the data is anonymized on the Dona website. In the anonymization process, all names in the messages are replaced by IDs, and the messages are completely removed, retaining only the word count and timestamp of each message (Fig.1). Importantly, the anonymization runs locally, and no raw data leaves the participant devices. Finally, the participants can submit their anonymized, de-identified data and receive visualizations of their messaging behavior. These include information on whom they write the most, when are they most active and how quickly do they reply to incoming messages. In addition, Dona allows to integrate study-specific surveys to include psychological questionnaires and other items.

We started the data collection in February 2023 and launched an Armenian version shortly thereafter. Seven people donated their data on the Armenian pilot, all exclusively donating Facebook data. From those seven, only three had data spanning the period of the war in Nagorno-Karabakh from 27.09.2020 to 09.11.2020, commonly known as 44-day war. The donations included 586 chats in total and meta-data from tens of thousands of messages.

Sender	Receiver	Datetime	Type	Message
Mary	Mia's Party	1682423040	group	Yes, sure!

Anonymization process

Sender	Receiver	Datetime	Type	Word count
ID1	ID2	1682423040	group	2

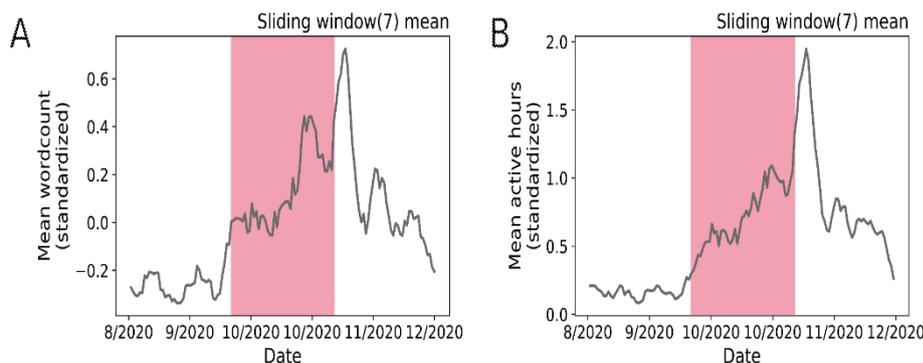
Figure 1: Anonymization process: All identifiable data, such as names and message texts are removed. Only anonymized IDs, timestamps and word counts are retained.

Preliminary data

To explore the effect of the 44-day war on the social interactions in the donated data, we analyzed how the interaction intensity changes in this period. We only had three donations including the war period. Hence, instead of focusing on the activity of the three donors, we analyzed the activity of their contacts. Specifically, we examined the number of words sent to the participant and the number of hours in which at least one message was received in a given chat.

We first calculated the daily count of the received words for the duration of the war. Next, we extended our analysis to the 45-day time window before and after the war. We only included chats with at least 100 messages to ensure that only chats with meaningful interactions are included in this analysis. This resulted in 19 chats (9,9,1 from each donation, respectively) for this time period. We standardized the word count in each chat (z-scores) and calculated the average values for each day. The results show that, on average, the number of received words increased during the time of the war (red, shaded region in Fig.2A) remaining relatively high in the post-war period. Similarly, we calculated the daily number of hours, in which each contact sent at least one message to the associated participant. This metric, too, showed a similar pattern of wartime increase and a post-war peak (Fig. 2B).

Figure 2 The intensity of received messages before, during (in red) and after the war measured by word count (A) and active hours (B).

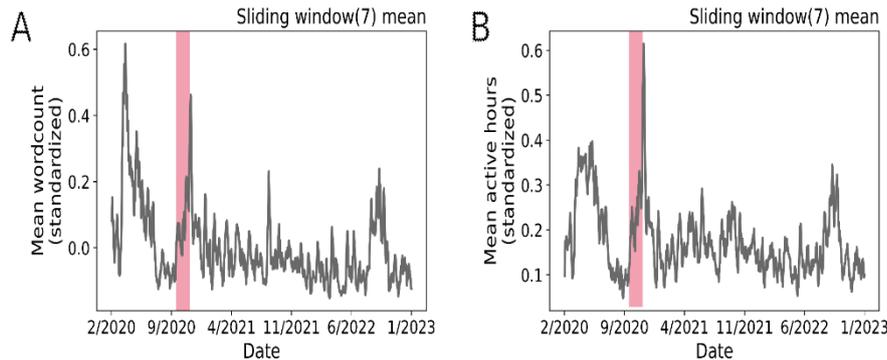

We next tested whether this pattern of increased activity would also hold relative to a larger time period of approximately three years, rather than only the immediate pre- and post-war periods. In the longitudinal analysis, 77 chats passed the 100-message threshold. However, most of these chats (N=39) were from the first donation, while the other two participants accounted for the next 26 and 12 chats. As shown in Fig.3A and B, the war-period was characterized by higher activity even relative to a longer period. Interestingly, this analysis revealed other high-activity periods. Most notably, there are large peaks starting in March 2020, the time when the first COVID-19 cases were reported in Armenia.

Figure 3 Intensity of received messages in the longitudinal scenario.

Conclusions

By collecting minimal social interaction data (sender ID, timestamp, word count), we showed that long-term analysis of interaction dynamics can be conducted on Facebook messaging data. We found high-activity associated with stressful events, such as the 44-day war and the COVID-19 pandemic. The current analysis is limited by the small sample size and future work is needed to reaffirm the observed patterns. Nevertheless, each donation contains years of data from multiple chats, allowing us to extend our analysis to up to 77 different contacts in the multi-year analysis. Future work is needed to explore more fine-grained interaction features, such as the establishment of new social ties and the decay of old ones. Furthermore, network turnover, response times and reciprocity are other social interaction features that may be fruitful in establishing the digital footprint

of war and other emergencies, such as pandemics.

References

1. de Jong, J. T. V. M., Komproe, I. H., & Van Ommeren, M. (2003). Common mental disorders in postconflict settings. *Lancet*, 361(9375), 2128–2130. doi: 10.1016/S0140-6736(03)13692-6.
2. Taylor, M., Wells, G., Howell, G., & Raphael, B. (2012). The role of social media as psychological first aid as a support to community resilience building: A Facebook study from ‘Cyclone Yasi Update’. *Australian Journal of Emergency Management*, 27(1), 20–26.
3. Ogie, R. I., James, S., Moore, A., Dilworth, T., Amirghasemi, M., & Whittaker, J. (2022). Social media use in disaster recovery: A systematic literature review. *International Journal of Disaster Risk Reduction*, 70, 102783. doi: 10.1016/j.ijdrr.2022.102783.
4. Boeschoten, L., Ausloos, J., Möller, J. E., Araujo, T., & Oberski, D. L. (2022). A framework for privacy-preserving digital trace data collection through data donation. *Computational Communication Research*, 4(2), 388–423. doi: 10.5117/CCR2022.2.002.BOES.
5. Araujo, T., et al. (2022). OSD2F: An Open-Source Data Donation Framework. *Computational Communication Research*, 4(2), Art. no. 2.
6. Kohne, J., Elhai, J. D., & Montag, C. (2023). A Practical Guide to WhatsApp Data in Social Science Research. In C. Montag & H. Baumeister (Eds.), *Digital Phenotyping and Mobile Sensing: New Developments in Psychoinformatics* (pp. 171–205). *Studies in Neuroscience, Psychology, and Behavioral Economics*. Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-030-98546-2_11.

RECONSIDERING THE ORIGIN OF CONSCIOUSNESS

*Harutyunyan Artsvi (Vanadzor Psychological rehabilitation center, Vanadzor, Armenia)
vhvk2006@rambler.ru*

In this theoretical article an attempt has been made to reconsider and redefine the problem of the origin of consciousness. Consciousness is considered a phenomenon associated with intelligence and sometimes they say that it did not originate on the earth. The complexity of the problem is expressed by its

multidisciplinary nature, because in addition to psychology and philosophy, it is also related to cosmogony and other unspecified superior disciplines. The emphasis on the subject is new, as we know that no one has ever discussed the subject of consciousness from this point of view before.

Keywords: *Consciousness, intelligence, singularity, cosmogony, ontogeny, phylogeny, idealism, materialis, anthropomorphic, paradigm.*

Hundreds of Armenian, Russian and foreign specialists have dealt with the topic of consciousness both theoretically (Sigmund Freud is one of the best examples of this). However, our point of view is different from those mentioned above both in its alternative and controversial origin. We associate the relevance of the problem with the origin of life and human intelligence [1; 194]. In our opinion, consciousness is connected with intelligence. The other essential questions the still unsolved question of the <<beginning>>, which is multidisciplinary because, apart from psychology and philosophy, it is largely connected with cosmogony. In the Big Bang theory, which is considered to be the beginning of everything, according to our actual calculations there is an insoluble contradiction: the time when the explosion took place (13 to 14 billion years ago) and the distance of matter that is the limit of ten visible universe (from 42 to 58 billion light years). They do not match, because it turns out that the matter spread even two or three times faster than the speed of light [2; 277]. According to us, the second contradiction is that nobody knows what had happened before the big bang. It is customary to call it by the term singularity, but in our opinion it is rather a non-exhaustive answer than a scientific one. Here it turns out that there are more questions can be divided into 4 groups; 1) the biggest, 2) the smallest, 3) the oldest, 4) the farthest. Three of the four relate to the universe, and the fourth to the elementary particles. Our working hypothesis sounds roughly like this: consciousness (intelligence) did not originate only on earth and is not a phenomenon characteristic only of humans and higher animals.

As a special case, let's remember Hiden and Dingmans experiments on planaria [3; 247]. We are in a materialistic position in solving the problems we put forward, but we find it necessary to review a number of paradigms, because consciousness may have other components and carriers, and if ever this proposition receives scientific evidence, it will have a radical impact on life and death, the irreversibility of phenomena and the direction of the human mental world.

References

1. **Edelman, G.** (2005). *The Phenomenal Gift of Consciousness*. Yale University Press.
2. **Zavelskiy, F. S.** (1977). *Time and Its Measurements*. Moscow.
3. *Psychological Dictionary*. (1983). Moscow: Pedagogy.

INTERNET COMMUNICATION OPERATION IN THE CONTEXT OF SATISFACTION OF DEMANDS

Harutyunyan Narine (YSU, Yerevan, Armenia)

narine.harutyunyan@ysu.am

Markaryan Irina (Ch.S.c, Yerevan, Armenia)

irina.markaryan00@mail.ru

In today's world, the virtualization of the communication process has led to a change in the field that allows to communicate beyond time and space, which is currently very popular among audiences of various ages. Social networks allow you to communicate with each other, to find new interlocutors, to form groups. Online space has become an alternative field for forming personal relationships, it has its own language, customs, which becomes universal for everyone on the Internet. Nowadays, abundance of social networks enables a person to fulfill many desires and satisfy a number of demands.

Key words: *Social networks, online communication, virtual environment, communication, demand.*

An integral part of the modern world is the virtual space, where a person not only receives information, but also forms connections, relationships, communicates online, studies, works, etc. The essential meaning and

function of virtual space or domain for humanity is to provide communication. Online communication, as a component of interpersonal communication, has relatively recently entered the life of society and in some ways made it easier. The spread of social platforms contributed to the transformation of a person's spatial-temporal perceptions, because in order to communicate or perform any other activity in the virtual space, a person makes less effort, wastes less potential, materially and morally, than when performing it in real life. According to Reinhold, online communication, as a means of everyday communication, transforms the context of communication between individuals, contributes to changing the attitudes and interpersonal relationships. "Online space has become an alternative field for forming and supporting personal relationships" [2, p. 42]. Therefore, despite the fact that virtual communication lacks many advantages, compared to real communication, through social networks it is turning to be practical and very relevant for humanity all over the world.

According to a number of researchers, social networks, being a suitable environment for communication, have a huge potential, where users can satisfy some of their needs. According to the authors, although the virtual environment cannot satisfy all the physiological needs of a person, it is able to satisfy three important levels of human needs: the need for safety, the need to belong to society, and the need to be recognized by society [1, 3].

Thus, the satisfying of the security requirement in a virtual environment gives a person the opportunity to realize such desires and goals that are prohibited, unacceptable by society, even contradict moral and social norms, etc. The online environment allows you to talk about them without restraint, without fear. For example, a person can afford himself freely satisfying sexual needs, openly search for partners (including non-standard sexual orientation). Otherwise, he can safely discuss, criticize and even condemn people with social power and their activities (educators, politicians, etc.), etc. Apparently, with the help of the Internet, the need for security is fully satisfied, because a person notes information about himself as much as he considers necessary, and also has a relatively wide opportunity to monitor the "events" around him on the Internet and people presence and online activities, and at any time is able to terminate any connection or leave the domain [1].

The fulfillment of the requirement of social belonging is to belong to some Internet group in the virtual world. E. S. Rudenko considers that there exist more negatives, than positives in the implementation of this function. According to him, those who have high involvement in the virtual space, who communicate online are people, who did not realize the value of the real space, the social environment, the necessity and importance of communicating in it, and moved to the virtual environment, as a safer and more comfortable space. In his opinion, this is destructive for a person, because "a person, feeling safe in an Internet group, begins to disconnect from reality and satisfy the vital needs for virtuality, thus, violating the regime of personal functioning" [3, p. 112]. However, it should be noted that social networks create many opportunities, especially for those people who, for objective and subjective reasons, are unable to communicate often in real life and social environment, who are unable to form and actively engage in interpersonal relationships, in different social groups. In addition, social networks make it possible for a person to overcome distances, manage time, choose a conversation partner, make friends, join a group, etc.

After all, through the social networks the person satisfies the need for social recognition, having a desire and necessity to be recognized by the Internet community. In fact, this is the requirement of self-expression of a person, which is possible to a certain extent to be realized "in Internet marketing, self-advertisement on the Internet, in Internet communication, through journalism, blogging, also by writing articles and comments, etc." [1, p. 548].

The results of our research show how young people evaluate the importance and usefulness of the Internet from different perspectives of its use. According to 60% of respondents, the Internet is interesting and useful, it gives people the opportunity to communicate, communicate, and also get information from the Internet. 60% of the young people who participated in the research say that the Internet, from the point of view of time perception, helps to break away from reality, the monotony of everyday life and do interesting things and get positive emotions. The Internet, as a space, only 50% of respondents state that it is a platform for self-education and development, where people can not only acquire knowledge, but also express themselves freely and freely, present their own ideas, express themselves and manifest themselves. And 85% of respondents find that they feel confident, safe and balanced on the Internet. According to 70% of the surveyed participants, the Internet is a way to make new acquaintances, new friends, an opportunity to build new relationships, as well as a way to be included in a new, albeit virtual, environment.

Thus, online contact and communication is the unique form of a person's activity, which, via its operation, significantly contributes to the development and self-expression of a person, the formation of relationships and his inclusion in social online groups, the satisfaction of various wishes and demands.

References.

1. **Packan I.V.** Psychological features of virtual communication / Problems of contemporary psychology. Ukrainy/ N 23, 2014. p. 542-552, http://irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/Pspl_2014_23_49.pdf (27.01.23, 23:10) (in Russian)
2. **Rheingold G.** Smart crowd. New social revolution / Howard Rheingold. — Trans. with English A. Garkavogo. — M. FAIR PRESS, 2006. — 416 c. (in Russian)
3. **Rudenko E.C.** Virtual communication as a psychological phenomenon, // Scientific result. Pedagogy and education. 2020, N2, p. 108-117. (in Russian) <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-kommunikatsiya-kak-psihologicheskiy-fenomen/viewer?fbclid=IwAR2-P40HjYp4aGHD2167nIBEbjVCrPB0EDojqQAxqYdkHKQ4RBmHee4k33k> (15.05.23, 22:30).

THE PHENOMENON OF PROFESSIONAL BURNOUT UNDER THE PARADOX OF TYPOLOGICAL AND INDIVIDUAL DETERMINANTS

Hovhannisyan Hrachya, Vardanyan Aida (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

hrach.hovhannisyan@ysu.am, aida.vardanyan@ysu.am

Nowadays, employees in activities involving human-to-human labor relations are at greater risk of developing professional burnout syndrome. The typological characteristics of a person become a favorable ground for the acceleration or deepening of the process of professional burnout, as well as make it difficult to work on eliminating their negative consequences.

Keywords: *professional burnout, psychological type, typological characteristics, personality typology, predisposition.*

The current lifestyle makes modern society more vulnerable to a number of psychological and psychosomatic disorders. The widespread professional burnout syndrome is not left out in hindering the socio-psychological efficiency and health of the modern person.

A large number of scientific research indicate that burnout is related to personality traits. The relationship between professional burnout and personality characteristics has been studied by a number of methods, the most widespread of which are: The NEO Personality Inventory, Five-factor model, Maslach and Jackson Burnout Inventory, Myers Briggs Type Indicator and so on.

However, within the framework of our study of the aforementioned problem, we are not limited to the already existing traditional methods, and we also envisage certain innovative approaches and combinations of other methods.

This work is methodological. It is preparatory for experimental research and is aimed at a specific problem.

This stage of research involves methodological work based on the method of analyzing scientific and information literature data.

The frameworks of modern psychological thought is not in a hurry to discard the widespread and outdated view that personality plays a central role in determining the degree of professional burnout. There are clear reasons why personality traits are still viewed as moderators of burnout, the most meaningful of which are:

1) In relation to work, differences between individuals form reactions to stressors. For example, with the transactional model of stress and coping proposed by Lazarus experience of stress is the result of individuals' assessment of environmental requirements and personal resources affected by personality traits [6].

The characteristics of this dimension of causality are fear, irritability, low self-esteem, social anxiety, poor impulse control, and helplessness [5].

2) in burnout, people respond to work settings in their own unique way [8]. People may perceive and evaluate specific aspects of situations as more or less stressful and react to them differently according to their personality characteristics.

3) Personality plays a key role in a person's experience of coping with stress, perception of threat, and accompanying emotional and physiological reactions [4].

Thus, professional burnout is a measure of physical and psychological exhaustion arising from work requirements, and is characterized by high levels of emotional exhaustion, depersonalization and low levels of personal achievements [3]. It can be seen as the final point when adaptability breaks down after a prolonged imbalance between stress and resources. Prolonged high levels of burnout reflects the long-term imbalance between requirements and resources.

Although the causes of burnout are complex and controversial, burnout and stress are symptomatically similar [7].

Personality traits certainly influence an individual's outlook, opinion, attitudes and behavior [2]. However, based on the approaches and analyses of modern applied psychology and behavior we can claim that the emergence of professional burnout, the intensity of its manifestation and the individual coping strategy are mainly determined by the typological characteristics of the person [1].

In order to predict and prevent the process of professional burnout among specialists in various fields, it is necessary to first of all identify the pattern of connections between its socio-psychological and personality typological features.

The interconnectedness between the external environment, typological characteristics of the person and stress, as well as the revelation of the mechanisms of this connection, will make it possible to find out the predisposition to professional burnout.

References

1. **Егидес А. П.**, Как разбираться в людях, или Психологический рисунок личности. Россия, АСТ-Пресс, 2008.
2. **Пономаренко В.В.**, Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов»). Ростов, Феникс, 2006.
3. **Cecil J., McHale C., Hart J., Laidlaw A.**, Behaviour and burnout in medical students. United Kingdom, Medical Education Online, 2014.
4. **Chung M., C., Harding C.**, Investigating Burnout and Psychological Well-Being of Staff Working with People with Intellectual Disabilities and Challenging Behaviour: The Role of Personality. United Kingdom, Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities, 2009.
5. **Costa P. T. Jr., McCrae R. R.**, Normal personality assessment in clinical practice: The NEO personality Inventory. United States, Psychological Assessment 4(1), 1992.
6. **Lazarus R. S., Folkman S.**, Stress, appraisal, and coping. New York, Springer publishing company, 1984.
7. **Maslach C., Leiter M. P.**, Burnout. Amsterdam, Elsevier, 2007.
8. **Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P.**, Job burnout. United States, Annual Review of Psychology (52), 2001.

THE RELATIONSHIPS OF HUSBANDS' COPING IN FAMILY CONFLICTS WITH EMOTIONAL INTELLIGENCE

Harutyunyan Narine, Sargsyan Emma (YSU, Yerevan, Armenia)
narine.harutyunyan@ysu.am, emma.sarkissyan@gmail.com

The purpose of this work is to bring out family difficulties, the possibilities of spouses to manage conflict situations and to study their arrangement from the manifestations of a person's emotional intelligence.

At different stages of its development, the family very often encounters problems, which spouses overcome, using a conscious toolkit. Emotional intelligence, being one of the fundamental components of a person, has its influence on the choice of a person's coping strategy in conflict situations.

Studies have shown that a person's high level of emotional cognition has a reciprocal relation with coping, a rational problem-solving orientation.

Key words: *Emotional intelligence, emotion management, coping strategies, mastery behavior, marital conflicts, crisis*

Current social, socio-economic and geopolitical crisis realities have their impact on the cell of society, the family. As a result of these factors, various changes often occur in the family: transformations of values, reformulation of positions, rearrangements of role responsibilities, inconsistencies of family role ambitions and expectations, etc. Very often these changes are accompanied by intrapersonal and interpersonal conflicts, preparing the ground for crisis situations. In general, almost all difficult family situations or crises are reflected, or we can say, outwardly manifested in the form of marital conflicts.

The purpose of our work is to study the behavioral manifestations of spouses aimed at effective management and overcoming of difficult or conflict situations in the family, from the point of using the conscious toolkit - coping.

In order to reveal the role of emotional intelligence in the process of choosing a strategy for overcoming difficult situations, we conducted a study in which 60 married couples, who had been married for 3-7 years participated. During the research, we used the "Emotional Intelligence" (N. Holly) methodology, the purpose of which is to reveal how a person perceives, differentiates, manages and recognizes his and other people's emotions. The test allows to identify different aspects of a person's emotional intelligence. The next is the methodology "Coping behavior in stressful situations" (N.S. Endler, D.A. Parker), which brings out the possible reactions of a person in various difficult situations.

Now let's present the moderating relationships between the variables we studied, emotional intelligence, and spouses' coping for $n=120$, $**p<0.001$, $r=0.297$ and $*p<0.01$, in the case of $r=0.234$.

The analysis aimed at revealing inter-conditional relations allows us to insist that the high expression of a person's emotional intelligence contributes to the rational solution of difficult situations. All components of emotional intelligence are mutually related to a person's orientation towards rational problem solving. When a person understands, recognizes and differentiates emotions from each other and his own ones from others' emotions, when he understands emotional manifestations, he becomes able to influence and change emotional states, then he is more inclined to apply the coping behavior aimed at solving the problem with logical steps and rational actions. Here, a positive interdependent relationship between the components of emotion management, perception of others' emotions and problem-solving coping strategies is clearly demonstrated ($r=0.515^{**}$, $r=0.499^{*}$). Based on the obtained results, we can conclude that the high level of a person's emotional intelligence, the skills of perceiving and distinguishing the emotions of other people (including the husband or wife) are interdependent with the coping strategy aimed at solving the problem. There is a weak inverse correlation between empathy, other people's emotion perception scales, and emotion-focused coping strategies ($r=-0.255^{*}$, $r=-0.320^{*}$), which means that the weaker a person's developed empathy and accurate perception of others' emotions perception characteristics, the higher are person's nervous and emotional tension in conflict or complex situations and self-accusations; so the person focuses not on the search for ways out of the situation, but on the difficulty, the problem itself.

As a result of comprehensive theoretical and research analyses, we can conclude that the coping strategy chosen by a person in conflict, difficult situations is correlated with the manifestation of his emotional intelligence. In other words, the higher is the emotional recognition of a person - the accurate perception, differentiation and management of own and spouse's (wife's) emotions, the wider is the scope of using coping strategies to solve the problem, from the point of rationality.

References.

1. **Anvarova E. Yu.** Spousal conflict as a study problem // Symbol of science. 2020. No. 7. 81-82 (<https://cyberleninka.ru/article/n/supruzheskiy-konflikt-kak-problema-issledovaniya>)

2. **Andreeva I. N.** Emotional intelligence and emotional creativity. Specificity and interaction / И. N. Andreeva. - Novopolotsk. Polotsk. gos. Univ., 2020. – 356 pages.
3. **Kryukova T. A., Saporovskaya M. B., Kuftyak E. V.** Psychology of family. life difficulties and coping with them. - SPb., Речь, 2005. - 240 с.
4. **Goleman D.** Emotional Intelligence, Bantam Books, NY, 1995, page 155/
<https://asantelim.files.wordpress.com/2018/05/daniel-goleman-emotional-intelligence.pdf>

INFORMATION-SEEKING BEHAVIOR OF TRADING DECISION MAKING AS DETERMINING FACTOR FOR COGNITIVE BIASES

*Heboyan Arevik (YSU, Yerevan, Armenia)
arevikheboyan@gmail.com*

The process of trading stocks requires buy/sell decision-making in uncertain conditions under extreme time constraints. In ever-changing market decisions are made momentarily and cognitive biases and heuristics determine the speed and quality of decisions. Information and expectations are the core of cognitive component of the process and can influence biases.

Keywords: *Trading; decision-making; biases; heuristics; uncertainty; financial instruments; expectations; information-seeking behavior.*

Relevance: Stock trading is the buying and selling shares of publicly traded companies with the aim of making a profit based on fluctuations in their market prices. Day trading is a short-term trading strategy where traders buy and sell financial instruments, such as stocks or cryptocurrencies, within the same trading day, aiming to profit from intraday price movements. The number of traders worldwide fluctuates between 13,8-50 million, with 5 million new traders emerging after 2017 with internet financial tools giving access to trading stocks and cryptocurrencies to general public. Based on market sentiment, economic events, global markets can capture millions to billions trading transactions daily. As of 2022 fourth quarter, 58200 companies are traded publicly worldwide. The decisions of buying, selling, holding is the essence of trading. These decisions are the product of market analysis, risk management, timing, and execution. Besides previously known earnings reports and financial analysis channels, internet also created countless sources of information on stock movements and suggestions on trading strategies in social media, through newsletters, videos on YouTube, live trading actions on websites, etc.

Traditional finance and neoclassical economy tend to view decision-makers as rational agents who optimize behavior for maximum profitability. Research in behavioral finance and further dive into psychological aspects of cognition and decision-making have proven that prospect of decision has the key role in the process and our brains have developed useful mental shortcuts or practical rule-of-thumbs that allows individuals to make decisions or solve problems quickly and efficiently. It is a cognitive strategy or approach that simplifies complex tasks by using easily understandable, approximate, or "good enough" methods to reach a solution, even if it may not be the most accurate or optimal one. They help individuals make reasonably informed decisions or judgments without having to engage in exhaustive analysis or computation. However, because heuristics rely on simplifications and generalizations, they can sometimes lead to errors or biases, known as heuristic biases, in specific circumstances. Some of known heuristics in financial decision making are: Availability Heuristic: Estimating the likelihood of an event based on how easily instances or examples of it come to mind; Representativeness Heuristic: Making judgments or decisions based on how well something matches a prototype or preconceived stereotype; Anchoring and Adjustment Heuristic: Starting with an initial reference point (anchor) and adjusting subsequent judgments based on that anchor; Confirmation Bias: Focusing on information that confirms existing beliefs or hypotheses while ignoring or downplaying contradictory evidence.

PURPOSE AND HYPOTHESIS: The purpose of research is to understand how information-seeking mechanisms and sources determine heuristics and biases in trading decision-making process. The hypothesis of research states that sources of information chosen by the individual can validate and further deepen heuristics and determine cognitive and emotional components of decision-making.

DESCRIPTION OF THE SAMPLE: 50 stock-trading individuals from different countries based on volunteer participation principle.

RESEARCH METHODS AND TECHNIQUES: Initial study was done by survey designed by the authors to indicate sources of information and the level of trust and influences of said sources. Secondary research was conducted using short MBTI version and author-combined popularly tested bias-tasks. Content analysis of most viewed videos at the moment has been conducted to determine tactics financial influencers use with their audience.

RESULTS: Initial survey have shown that additional information sources are used by 95% of individuals (other than technical analysis of stock movement), however the number of sources and trust level is inverse proportional to trading experience and most trusted sources are Facebook groups and Twitter. YouTube videos are widely used, however less trusted by the participants. Among most important skills of successful trading the participants have mentioned the existence of individual trading system and analytical skills. The correlation with biases and decision-making styles will be provided within full article as research is currently in progress. Content analysis also provided proof that availability and confirmation heuristics are promoted (undetermined if intentional or not).

DISCUSSION AND CONCLUSION: The current state of information distribution and wide range of trading platforms allowed professional and amateur traders be part of ever-changing global markets transactions. Countless information source and platforms allows virtually anyone to generalize and produce and spread information. Based on trading experience, the sources and trust in them fades and decision-making style with main cognitive components are determining factors in heuristic activation. Heuristics are also activated by the influences the traders choose to subject themselves while seeking information.

References

1. **Ackert, L. F., & Deaves, R.** (2010). Behavioral finance: Psychology, decision-making, and markets. 392 p.
2. **Kaufmann, J.** (2021). Behavioral finance: How psychological factors can influence the stock market. 140 p.
3. **Durmus, A.** (2022). A Brief Overview of Over 160 Cognitive Biases. 232 p.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ALEXITHYMIA AND COMPULSIVE OVEREATING IN WOMEN

Ivashko Svetlana (Belarus State University of Physical Culture, Minsk, Republic of Belarus)
svetlanav05@mail.ru

The article deals with an actual problem – an eating disorder, in particular compulsive overeating and the factors that cause it. The study revealed the relationship between alexithymia and compulsive overeating in women engaged in fitness.

Keywords: *alexithymia, compulsive overeating, eating disorder, women, addiction.*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ АЛЕКСИТИМИИ И КОМПУЛЬСИВНОГО ПЕРЕЕДАНИЯ У ЖЕНЩИН

Ивашко Светлана (Белорусский государственный университет физической культуры, Минск, Республика Беларусь)

В статье рассматривается актуальная проблема – расстройство пищевого поведения, в частности компульсивное переедание и факторы его обуславливающие. В исследовании выявлены взаимосвязи алекситимии и компульсивного переедания у женщин, занимающихся фитнесом.

Ключевые слова. *Алекситимия, компульсивное переедание, пищевое расстройство, женщины, аддикция.*

Актуальность. В последние десятилетия в мире наблюдается рост распространенности расстройств пищевого поведения. В дополнение к широко изученным расстройствам пищевого поведения – анорексии и булимии, современные исследования также рассматривают другие виды заболеваний: компульсивное переедание, психогенное переедание, орторексия [1]. Среди психологических факторов

риска, повышающих вероятность формирования компульсивного переедания молодых женщин, выделяют алекситимию [2].

Компульсивное переедание – расстройство, характеризующееся повторяющимися приступами переедания (обжорства) без компенсаторного поведения, т.е неконтролируемое желание потреблять определенные продукты под влиянием нервного стресса, так как это снижает тревожность состояния. Иногда бывает трудно отделить навязчивое переедание от нервной булимии. Считается, что обе эти категории могут быть разными стадиями одного и того же заболевания. Психопатологические симптомы, связанные с весом и фигурой, не являются обязательными для диагностики этого вида пищевой зависимости, но они часто включаются в ее симптомокомплекс. При компульсивном переедании количество потребляемой пищи обычно довольно велико, но это не может служить определяющим критерием [3]. Актуальность темы обуславливается тем, что в настоящее время существует множество исследований, которые рассматривают алекситимию в качестве серьезного предиктора психосоматической симптоматики, к таким относятся и аддикции пищевого поведения. компульсивное переедание, чаще встречаются у женщин, чем у мужчин [4, 5].

Цель и методы исследования. С целью выявления особенностей компульсивного переедания и алекситимии было проведено исследование с 50 женщинами, занимающимися в фитнес-центре г. Минска в возрасте 25–40 лет. Для проведения исследования использовались методики: опросник пищевых предпочтений; шкала оценки пищевого поведения; Торонтская шкала алекситимии.

Результаты и их обсуждение. В результате проведения эмпирического исследования, было выявлено, что высокий уровень алекситимии проявляется у 76% женщин, средний уровень – у 24% человек. Респонденты с низким уровнем по этому показателю отсутствуют.

Установлено, что у 70% женщин отмечается высокая степень вероятности расстройства пищевого поведения, в частности компульсивного переедания, это «группа риска». Средняя степень вероятности расстройства пищевого поведения наблюдается у 18% человек; у 12% испытуемых – низкий уровень, что указывает на низкий риск возникновения и развития компульсивного переедания. По шкале «Стремление к худобе» 64% женщин демонстрируют дезадаптивный уровень пищевого поведения, что отражает их чрезмерное беспокойство о весе и систематические попытки похудеть. Треть респондентов (30% человек) отмечают у себя признаки булимии, для них характерны эпизоды переедания. По шкале «Неудовлетворенность телом» 86% человек показали дезадаптивный уровень пищевого поведения. У значительной части респондентов (52% человек) наблюдается дезадаптивный уровень по шкале «Неэффективность», что свидетельствует о наличии ощущения общей неадекватности и неспособности контролировать свою жизнь. Дезадаптивный уровень перфекционизма имеет место у 74% человек, что свидетельствует о неадекватно завышенных ожиданиях в отношении высоких достижений. «Недоверие в межличностных отношениях» отмечается у 56% женщин. Большинство испытуемых (90% человек) показали дефицит уверенности в распознавании чувства голода и насыщения.

Для выявления взаимосвязи показателей алекситимии и компульсивного переедания был проведен корреляционный анализ. Выявлено, что существует положительная умеренная корреляционная связь трудностей идентификации чувств и степени вероятности расстройства пищевого поведения ($p < 0,01$). Это означает, что проблемы с осознанием собственных чувств повышают риск формирования пищевых нарушений, в т.ч. компульсивного переедания. А. Сагано и коллеги обнаружили, что трудности с выявлением и описанием чувств, измеряемых с помощью Торонтской шкалы, предвосхищают тяжесть компульсивного переедания [6].

Корреляционная связь трудностей с описанием чувств и степени вероятности расстройства пищевого поведения – положительная, умеренная ($p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что в случае с проблемами описания чувств увеличивается возможность появления нарушения пищевого поведения.

Корреляционная связь суммарного балла алекситимии и степени вероятности расстройства пищевого поведения является статистически значимой ($p < 0,01$), положительной, умеренной. Это означает, что наличие алексимитических черт у женщин повышает вероятность пищевых нарушений в целом, и компульсивного переедания в частности. Как указывает В.В. Шаламов, высокий уровень алекситимии был обнаружен у лиц, страдающих различными видами нарушений пищевого поведения, в т.ч. компульсивным перееданием [50]. Чем выше выражены алекситимия, трудности идентификации и описания чувств, тем в большей степени возникает риск компульсивного переедания. Существует

взаимосвязь алекситимии, компульсивным перееданием и самооценкой анатомической, функциональной, социальной характеристик образа Я у женщин.

Существует корреляционная взаимосвязь трудностей идентификации чувств и стремления к худобе ($p < 0,01$), булимии ($p < 0,01$), неудовлетворенности телом ($p < 0,01$), неэффективности ($p < 0,05$), перфекционизма ($p < 0,01$), недоверия в межличностных отношениях ($p < 0,01$). Данная взаимосвязь – положительная. Это указывает на то, что повышение трудностей с идентификацией собственных чувств увеличивает чрезмерное беспокойство о весе и систематические попытки похудеть; побуждение к наличию эпизодов переедания; восприятие определенных частей тела как чрезмерно толстых; ощущение неспособности контролировать собственную жизнь; неадекватно завышенные ожидания в отношении высоких достижений; чувство отстраненности от контактов с окружающими.

Наблюдается положительная корреляционная взаимосвязь трудностей с описанием чувств и стремления к худобе ($p < 0,01$), булимии ($p < 0,01$), неэффективности ($p < 0,05$), перфекционизма ($p < 0,01$), недоверия в межличностных отношениях ($p < 0,01$). Иными словами, проблемы с описанием своих эмоций вызывают повышение чрезмерного беспокойства о весе; эпизодов переедания; чувства одиночества; неспособность прощать себе недостатки; чувство отстраненности от внешних контактов.

Выводы. Таким образом, чем выше выражены алекситимия, трудности идентификации и описания чувств, тем в большей степени возникает риск компульсивного переедания. Повышение трудностей с идентификацией собственных чувств увеличивает чрезмерное беспокойство о весе и систематические попытки похудеть; побуждение к наличию эпизодов переедания; восприятие определенных частей тела как чрезмерно толстых; ощущение неспособности контролировать собственную жизнь; неадекватно завышенные ожидания в отношении высоких достижений; чувство отстраненности от контактов с окружающими.

Список литературы

1. **Лифинцева, А.А.** Психосоциальные факторы компульсивного переедания: мета-аналитическое исследование / А.А. Лифинцева, Ю.Ю. Новикова, А.А. Караваева, М.В. Фомичева // Обзорные психиатрии и медицинской психологии. – 2019. – № 3. – С. 19-27.
2. **Дурнева, М.Ю.** Формирование отношения к телу и пищевого поведения у девушек подросткового и юношеского возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / М.Ю. Дурнева; Московский городской психолого-педагогический ун-т. – М., 2014. – 30 с.
3. **Uher, R.** Классификация расстройств приема пищи: обзор доказательных данных и предложения для МКБ-11 / R. Uher, M. Rutter // *World psychiatry*. – 2012. – Vol. 11. – № 1. – P. 79–89.
4. **Messina, A.** Towards a classification of alexithymia: primary, secondary and organic / A. Messina, J.N. Beadle, S. Paradiso // *Journal of psychopathology*. – 2014. – Vol. 20. – № 4. – P. 38–49.
5. **Скугаревский, О.А.** Нарушения пищевого поведения и возможность их скрининговой оценки / О.А. Скугаревский, С.В. Сивуха // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2003. – № 3. – С. 41-44.
6. **Carano, A.** Alexithymia and body image in adult outpatients with binge eating disorder / A. Carano, D. de Berardis, F. Gambi [et al] // *Int J Eating Dis*. – 2006. – Vol. 39. – № 4. – P. 332–340.
7. **Урванцев, Л.П.** Алекситимия как фактор психосоматических заболеваний / Л.П. Урванцев. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2000. – 160 с.

CORRELATIONAL ANALYSIS OF PSYCAP QUALITIES AND ANXIETY: IMPLICATIONS FOR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

Survey conducted with the financial support of RA science committee (Project “21T-5A203”)

Karapetyan Nare (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

nare_karapetyan@ysu.am

Papoyan Seda (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

seda.papoyan@ysu.am

This study examines the relationship between Psychological Capital (PSYCAP) qualities, including Self-Efficacy, Hope, Resilience, and Optimism, and anxiety levels. The analysis involved Pearson correlation coefficients to investigate the associations between these psychological qualities and anxiety scores. The results indicate significant correlations between certain PSYCAP qualities and anxiety, shedding light on their potential impact on individuals' psychological well-being.

Keywords: *Psychological Capital, Anxiety, Self-Efficacy, Hope, Resilience, Optimism, Mental Health, Well-being, Correlation Analysis, Protective Factors.*

In Armenia, following the war and the post-Covid period, studies on psychological well-being have been conducted, revealing numerous issues related to the psychological well-being of students [1].

The study is devoted to the problem of psychological well-being in the context of stress situations and the factors which can have an impact on it.

Psychological well-being is a critical aspect of mental health, and understanding the factors that influence it is of great importance. This study explores the relationships between four key components of Psychological Capital (PSYCAP) [5] and anxiety. PSYCAP comprises four qualities: Self-Efficacy, Hope, Resilience, and Optimism, which have been individually associated with positive mental health outcomes. However, their collective impact on anxiety has not been thoroughly investigated.

Methods:

- ✓ Luthans, F., Youssef-Morgan, C. M., & Avolio, B. J. Psychological capital [2],
- ✓ Spielberger State-Trait Anxiety Inventory (STAI) [4],
- ✓ Myers-Briggs Type Indicator (MBTI) [3].
- ✓ Participants: In the study of the topic, the participants consisted of 143 Ph.D. students from various professions.

Data Analysis: Pearson correlation coefficients were calculated to examine the associations between PSYCAP qualities (Self-Efficacy, Hope, Resilience, and Optimism) and anxiety scores.

Results: The findings of the Pearson correlation analysis are summarized as follows:

Self-Efficacy and Anxiety: A statistically significant positive correlation emerged between Self-Efficacy and anxiety ($r = 0.45$, $p < 0.05$), indicating that higher Self-Efficacy was associated with increased anxiety levels.

Hope and Anxiety: Conversely, a statistically significant negative correlation was observed between Hope and anxiety ($r = -0.30$, $p < 0.05$), suggesting that higher levels of Hope were linked to lower anxiety levels.

Resilience and Anxiety: A significant negative correlation was found between Resilience and anxiety ($r = -0.35$, $p < 0.05$), indicating that greater Resilience was associated with reduced anxiety.

Optimism and Anxiety: Similarly, a significant negative correlation was observed between Optimism and anxiety ($r = -0.40$, $p < 0.05$), implying that individuals with higher levels of Optimism tended to experience lower anxiety levels.

These numerical values (e.g., $r = 0.45$, $r = -0.30$) represent the actual correlation coefficients that quantify the strength and direction of the relationships between the specified variables based on our data analysis.

Discussion: These findings shed light on the intricate relationships between PSYCAP qualities and anxiety. Notably, Self-Efficacy displayed a positive correlation with anxiety, suggesting that individuals with strong self-efficacy beliefs might also experience heightened anxiety, possibly due to increased performance pressure in certain contexts.

On the other hand, Hope, Resilience, and Optimism exhibited negative correlations with anxiety, indicating that these qualities may serve as protective factors against anxiety. These results align with prior research highlighting the role of hope, resilience, and optimism in promoting better psychological well-being and mental health outcomes.

However, the positive association between Self-Efficacy and anxiety warrants further exploration, considering potential moderating factors. Excessive self-efficacy in specific situations could contribute to increased performance-related stress, thus contributing to anxiety.

Conclusion: In summary, this study underscores the significance of considering different facets of PSYCAP when examining anxiety. While Self-Efficacy may be linked to higher anxiety levels, Hope, Resilience, and Optimism seem to exert protective effects against anxiety. These findings emphasize the intricate interplay

between psychological qualities and mental health outcomes, emphasizing the need for a nuanced approach to well-being promotion.

References

1. **Asriyan, E., Karapetyan, N., & Samokhvalova, A. (2022).** Comparative Analysis of the Level of Psychological Well-Being Among RF and RA Students. *WISDOM*, 21(1), 39–43. <https://doi.org/10.24231/wisdom.v21i1.686>.
2. **Luthans, F., Youssef-Morgan, C. M., & Avolio, B. J. (2006).** Psychological capital. Oxford University Press, 256 p.
3. **Myers, I. B., McCaulley, M. H., Quenk, N. L., & Hammer, A. L. (1998).** MBTI manual: A guide to the development and use of the Myers-Briggs Type Indicator (3rd ed.). Consulting Psychologists Press.
4. **Spielberger, C.D. (1989)** State-Trait Anxiety Inventory: Bibliography. 2nd Edition, Consulting Psychologists Press, Palo Alto.
5. **Voskanyan, K., Papoyan, S., Manukyan, M., & Hovsepyan, N. (2021).** Adaptation and Validation of the Psychological Capital Questionnaire (PCQ) in Armenian Language (A Pilot Study). *Modern Psychology*, 2(9), 365-370. <https://doi.org/10.46991/SBMP/2021.4.2.365>

THE DIFFERENCES IN VERBAL AND MOTOR ESTIMATION OF THE STIMULUS IN ILLUSORY CONTEXT

The study was financially supported by the Russian Science Foundation No. 22-18-00074 Karpinskaia Valeria, Lyakhovetskii Vsevolod (St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia) karpinskaya78@mail.ru

This is the brief description of experiments aimed to study perception and action with objects in the context of visual illusions. We study the illusory effect in the task of verbal comparison of objects or in motor actions with the object in illusion. The Ponzo, Muller-Lyer and vertical-horizontal illusions were used to testify the hypothesis of the visual perception subsystem and the differences in the mechanism of formation of visual illusions.

Key words: *geometric illusions, visual perception, subsystems of visual perception, action.*

РАССОГЛАСОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ И ДЕЙСТВИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ СТИМУЛОВ В ИЛЛЮЗОРНОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 22-18-00074 Карпинская Валерия, Ляховецкий Всеволод (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Приводится краткое описание серии экспериментов, направленных на изучение восприятия и действия с объектами в контексте геометрических иллюзий, выявляется наличие иллюзорного эффекта в задаче вербального сравнения объектов или моторных действий с ними. На материале иллюзий ПОНЗО, Мюллер-Лайера и вертикально-горизонтальной иллюзии были получены результаты, свидетельствующие в пользу гипотезы о существовании подсистем зрительного восприятия и о различиях в механизмах формирования геометрических иллюзий.

Ключевые слова: *геометрические иллюзии, зрительное восприятие, подсистемы зрительного восприятия, действие.*

Геометрические иллюзии – уникальный стимульный материал. В контексте таких иллюзий два одинаковых элемента оцениваются как разные – наблюдателю кажется, что элементы имеют разную форму или размер. Попытки объяснить иллюзорное восприятие строятся преимущественно на двух подходах: экологического, который в настоящее время получил свое развитие в направлении “воплощенное познание” и конструктивистского. Геометрические иллюзии в русле этих двух подходов описываются по-разному. С позиции экологического подхода разговор об иллюзии как об ошибке

восприятия не имеет смысла, поскольку не предполагается формирование репрезентации, иллюзия — это восприятие в заданных условиях [1]. Трактовка иллюзии как ошибки возможна только в русле конструктивистского подхода, где подчеркивается важность сопоставления реальности со сформированным образом.

Одним из направлений в исследовании восприятия геометрических иллюзий является сопоставление вербальной и моторной оценки иллюзорных объектов. Эти исследования получили свое распространение благодаря появлению гипотезы о существовании двух потоков\ подсистем зрительного восприятия. [2] Система «для опознания» активируется в задачах с вербальным ответом, испытуемый сообщает о том, что два равных элемента кажутся разными, что соответствует иллюзии. Система «для действия» позволяет решать моторные задачи с иллюзорно различными объектами в соответствии с их реальными размерами (например, расстояние между большим и указательным пальцами при схватывании объектов, кажущихся разными при вербальной оценке, будет одинаковым). За несколько десятков лет были получены противоречивые данные наличия и отсутствия рассогласования восприятия и действия при вербальной и моторной оценке геометрических иллюзий. Что могло быть обусловлено разными свойствами таких объектов и различиями в методиках проведения экспериментов разными экспериментаторами. Нашей целью было сопоставление результатов, полученных на разных геометрических иллюзиях при использовании единой процедуры вербального и моторного отчета.

В наших исследованиях восприятия и действия в иллюзорном контексте мы опирались на подход В.М. Аллахвердова, согласно которому в основе познания лежит механизм сличения. Человек в процессе познания непрерывно отождествляет и различает стимулы, сопоставляет свои ожидания, репрезентации с реальностью, классифицирует стимулы, осознавая их в составе то одних, то других классов. Переключение модальностей (вербальная и моторная оценка) на наш взгляд предполагает разные способы осознания объектов, по отношению к которым решается задача.

Нам удалось обнаружить эффекты рассогласования восприятия и действия в иллюзиях Понзо, Мюллер-Лайера, вертикально-горизонтальной иллюзии.

Были получены результаты, свидетельствующие о различиях в формировании иллюзий Понзо, Мюллер-Лайера и вертикаль-горизонтальной иллюзии. Вероятно, эти иллюзии формируются на разных этапах обработки зрительной сцены [3]. Вербальный ответ в наших экспериментах соответствовал иллюзиям: испытуемые считали, что равные отрезки в контексте данных иллюзий различны по длине. Моторный ответ (проведение пальцем по центральным отрезкам стимулов непосредственно и по памяти, по пустому сенсорному экрану) был различным: иллюзия Мюллер-Лайера присутствовала при моторном ответе даже при непосредственном действии (то есть испытуемые проводили более длинную линию по тому отрезку который казался длиннее), для иллюзии Понзо моторный ответ был подвержен иллюзорному эффекту только в задаче воспроизведения по памяти, а при непосредственном действии со стимулом иллюзорного эффекта не было. Вертикально-горизонтальная иллюзия присутствовала при непосредственном проведении по отрезкам, но отсутствовала при воспроизведении [3]. Наличие вертикально-горизонтальной иллюзии и иллюзии Мюллер-Лайера при запоминании вероятно связано с формированием этих иллюзии на ранних этапах процесса зрительного восприятия. Предположительно эти иллюзии связаны с низкоуровневыми сетчаточными механизмами, а иллюзия Понзо связана с когнитивными механизмами восприятия пространства. Отсутствие вертикально-горизонтальной иллюзии при воспроизведении может свидетельствовать о том, что репрезентация вертикально-горизонтальной иллюзии не достаточно сильна, чтобы поддержать иллюзорный эффект при моторном ответе по памяти.

В целом полученные результаты согласуются с гипотезами о существовании двух подсистем зрительного восприятия и свидетельствуют о рассогласовании моторной и вербальной оценки иллюзорных объектов. Однако данные, полученные на вертикально-горизонтальной иллюзии, соответствуют гипотезе лишь частично, поскольку в ситуации воспроизведения моторный ответ не подвержен иллюзорному эффекту. Такие результаты могут быть связаны как особенностями механизмов формирования данной иллюзии, с необходимостью действия в разных направлениях при воспроизведении отрезков, так и с абсолютной длиной отрезков (горизонтальный отрезок может выходить в область периферии, в то время, как вертикальный всегда в центральной области зрения). Таким образом, исследования рассогласования восприятия и действия представляют интерес с точки

зрения выявления особенностей функционирования двух подсистем зрительного восприятия и механизмов формирования иллюзий.

Список литературы

1. **Роджерс Брайан** (2014). Взгляд на зрительное восприятие. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, (4), 80-89.
2. **Aglioti S., DeSouza J.F., Goodale M.A.** Size-contrast illusions deceive the eye but not the hand. *Current Biology*, 1995, 5(6), 679–685.
3. **Карпинская В.Ю., Ляховецкий В.А.** Различия в сенсомоторной оценке иллюзий Понзо и Мюллера-Лайера // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 3.

BUILDING FAMILY RESILIENCE AND THE FOCUS MODEL DURING WARTIME

*Babayan Thomas, Marlotte Lauren (University of California, Los Angeles, Los Angeles, USA)
tbabayan@mednet.ucla.edu, lmarlotte@mednet.ucla.edu*

Family resilience skill building is of paramount importance in promoting the well-being and adaptive functioning of families in the face of adversity. Studies confirm that the stressors of war have an impact on the entire family system. The literature consistently highlights the significance of strengthening family resilience as a protective factor against the negative impact of various stressors and challenges. Family-centered care has increasingly become a priority across the United States military health system, and we aim to bring this perspective to other parts of the world. Families OverComing Under Stress (FOCUS), a family-centered, resilience-enhancing program developed by a team at UCLA and Harvard Schools of Medicine, is a primary initiative in this movement.

Keywords: *resilience, family, family resilience, family-centered, PTSD, evidence-based practice, military, veteran, wartime.*

FOCUS serves military and veteran families through a suite of services that are designed to meet the needs of families in a variety of formats and tiers of service: Community briefings, workshops, skill-building groups, and family sessions. Specific adaptations support groups of children, groups of parents, couples, parents who want to participate without their children, families with young children, and families with a wounded, ill or injured parent. Delivery is face-to-face in clinic or school settings or through telehealth platforms.

The mechanisms of risk and resilience will be explored using a family-centered lens. Based on the literature, we identify the primary risk mechanisms and factors that mobilize and enhance resilience in families. The resilience factors are the central features of the FOCUS Program. FOCUS has been used both preventatively and as an intervention and with military, veteran, and civilian families.

In a large-scale implementation in the United States military, FOCUS has been delivered to thousands of military families. As a result of participating in FOCUS, families endorse improvements in their family's closeness, communication, and problem-solving skills and report high satisfaction with the program. Clinical outcomes include significant improvement in adult mental health symptoms (depression, anxiety, PTSD), child mental health functioning, child coping skills, and family assessment measures. Finally, we propose that the success of FOCUS in the United States makes it a strong model to adapt for use with Armenian families coping with wartime stress and trauma.

References

1. **Beardslee, W., Lester, P., Klosinski, L., Saltzman, W., Woodward, K., Nash, W., ... & Leskin, G.** (2011). Family-centered preventive intervention for military families: Implications for implementation science. *Prevention Science*, 12, 339-348.
2. **Lester, P., Liang, L. J., Milburn, N., Mogil, C., Woodward, K., Nash, W., ... & Saltzman, W.** (2016). Evaluation of a family-centered preventive intervention for military families: Parent and

- child longitudinal outcomes. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 55(1), 14-24.
3. **Saltzman, W. R., Lester, P., Beardslee, W. R., Layne, C. M., Woodward, K., & Nash, W. P.** (2011). Mechanisms of risk and resilience in military families: Theoretical and empirical basis of a family-focused resilience enhancement program. *Clinical child and family psychology review*, 14, 213-230.
 4. **Walsh, F.** (2003). Family resilience: A framework for clinical practice. *Family process*, 42(1), 1-18.

PERSONAL QUALITIES IMPORTANT FOR THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE MODERN MIDDLE LEVEL MANAGER

*The work was supported by the Science Committee of Republic of Armenia, in the frames of the research project №21T-5A103
Khachatryan Ani (Public Administration Academy of RA, Yerevan, Armenia)
xachatryan-ani@mail.ru*

The modern management system, along with rapid changes in socio-economic conditions, also makes special demands on the middle level manager. The conducted research works provide an opportunity to state that conscientiousness, self-regulation of behavior, and creativity are important personal qualities for a modern middle level manager.

Key words: *modern manager, middle level, personal quality, professional activity, efficiency of activity.*

From the point of view of ensuring the effectiveness of activities in the modern management system, the middle level of management is important, which is a unique connecting level between performers and higher level managers. The peculiarity of this level of management lies in the fact that the middle level manager is the organizer and supervisor of the process of implementation of decisions and actions taken by high-level managers. From this point of view, the requirements to the personal qualities of the middle level manager are also specific, due to the dual nature of the activity: on the one hand, he is a manager, on the other, an performer. Key in this chain is the expression of a unique combination of personal qualities important for professional activity, which will enable effective functioning in the conditions of the dual nature of the activity. We believe that, in addition to the availability of professional knowledge, the efficiency and high performance of the middle level manager's professional activity is largely determined by the expression of the mentioned psychological qualities. It is important to understand that in the context of changes in time and the requirements for the manager's activity, what kind of requirements are currently made to the personal qualities of a middle level manager, and what ratio of these qualities is an important factor for the effective implementation of a person's managerial activity. In the professional literature, the researches of the important professional psychological qualities of the manager were aimed at revealing the relationship between the efficiency of the manager's activity and personal qualities (according to the Big Five). The results show that managers with low levels of nervousness are more effective [3]. In the framework of another approach, among the personal qualities, vigor, external attractiveness, confidence in one's own decisions and oneself, purposefulness, sense of size, activity, demandingness, critical approach, flexibility, creativity, developed intuition, striving for personal growth, sense of humor are distinguished [1]. We come across an interesting analysis of the manager's personal qualities by A. Urbanova, who singles out intelligence, initiative and practical activity, self-confidence, the ability to perceive the situation in a broad context as the most characteristic qualities of a manager [2]. Thus, it becomes obvious that both the manager's personal characteristics and the requirements for cognitive processes, intellectual sphere, and abilities are distinguished. The research carried out by us was aimed at understanding in this context what are the personal qualities characteristic of a modern middle manager. The study of personal qualities important for the professional activity of middle level managers was carried out using the testing method. 200 middle level managers from public and private sectors were included in the research group. The research was carried out with Kettel's personal questionnaire, which made it possible to find out in the research group one or another expression of 16 personal qualities, which are justified in the professional literature as important for professional activity. The research was carried out by testing small groups, the obtained results

were subjected to mathematical-statistical analysis. As a result of the conducted analysis, it became obvious that in modern conditions among middle-level managers, conscientiousness and behavioral control are highly expressed. They are characterized by a high sense of duty and responsibility. Balance and stability are characteristic. High behavioral control implies middle level managers goal orientation, willpower, and developed ability to regulate their emotions and behavior. The obtained results give an opportunity to talk about the fact that the modern middle level manager is most characterized by conscientiousness and control of behavior, which provide an opportunity to demonstrate goal-oriented, decisive, flexible behavior in the decision-making process during the activity, confidently solve the assigned problems, demonstrate responsibility and stability in professional activity in situations that require difficult, fast solutions due to their specificity. The results of our another research state that creativity is also characteristic of middle level managers: it is above average among middle level managers[4]. It means that we can talk about such important professional qualities of a modern middle level manager as conscientiousness, control of behavior and creativity.

References

1. **Романова Е.**, 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. 2-е изд. СПб., Питер, 2008, 464 с., с. 381.
2. **Урбанова А. А.**, Психология управления, учебное пособие, Минск, Харвест, 2007г., 640с.
3. **Fortis E.**, Manager's Personality and Their Professional Career, Acta Educationis Generalis volume 9, 2019, issue 1, p. 20-38.
4. **Poghosyan S., Aghuzumtsyan R., Khachatryan A., Ghazeyan Kh.**, Psychological Study of the Environmental factors of Personal Creativity Manifestation, Wisdom, ASPU publication, 2(26), Yerevan, 2023.

DOES HOME ATTACHMENT AFFECT THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS WHEN THEY LEFT HOME FOR A STUDY PURPOSE? EVIDENCE FROM TWO STUDIES AMONG ARMENIAN STUDENTS

This work was supported by the RA Science Committee and Russian Foundation for Basic Research (RF) in the frames of the joint research project SCS 20RF-164 and RFBR 20-513-05014 accordingly.
Khachatryan Narine (Yerevan State University, Yerevan Armenia)
n_khachatryan@ysu.am
Serobyanyan Astghik (Yerevan State University, Yerevan Armenia)
astghiks@ysu.am

The relationships between students' home attachment and psychological well-being, negative emotional states were studied taking into consideration the motivation to move away from home for study purpose. Results suggest that home attachment is an important factor in alleviating negative emotional states, which helps to maintain a sense of psychological well-being, but this can be the motivation for not moving from home for study purpose.

Keywords: *home attachment, psychological well-being, negative emotional states, young adults, professional development.*

The development in young adulthood is crucial: this period brings new challenges for young people by expanding possibilities and making the life choices (professional development, engagement in romantic relations and family formation, choosing lifestyles and political/civic positions, etc.) [4]. Particularly, professional self-determination and professional development often bring the necessity for young adults to move away from the birthplace and home. Various studies indicated that home or place attachment was an important factor for different aspects of well-being [1,5,6,7,9]. Our previous study found that home attachment and psychological well-being were significantly interrelated, and this was typical for Armenian students, unlike Russian students [3]. Our findings suggest that the relationship between home attachment and psychological well-being has a cultural specificity, which means that socialization and social practices might have influence on experience of home attachment. Does home attachment determine young adults' psychological well-being when they have to

or want to left their birthplace and home for continue their professional development? This issue may not be visible, but it is important as home attachment might be an obstacle or contributing factor for self-determination and professional development of young adults.

Research purpose and research design

The study aimed to understand the relationships between students' home attachment and psychological well-being, negative emotional states taking into consideration the motivation to move away from home for study purpose.

Two studies have been conducted through the two surveys. For the first study 332 students from various higher education institutions in Armenia were recruited to participate in a survey (females 71.8%). Students both from Yerevan and regions were participated (about 30% students were from Yerevan). In the second study, 94 students from the regions were recruited to participate in a survey (females 68%). The survey was consisted of four parts. Home attachment scale [2], the Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS) was used to measure psychological well-being [8], and DASS scale was used to measure negative emotional states of depression, anxiety and stress over the past week. In the first survey the following question «Would you like to move away from home to study at university»? with «yes» or «no» answers were included. In the second survey we added also the following question: «Have you changed your place of birth for study purposes»? again with «yes» or «no» answers as only students from regions were participated. Descriptive statistics, correlational analysis and mean comparisons t-test were performed for data analysis.

Results analysis and conclusions

Study 1

The correlational analysis indicates that the home attachment is significantly linked to psychological well-being ($r=0.232$, $p<0.01$), but there are no significance between any of the negative emotional states. The group comparison of correlational analysis by gender indicates that the relationship between home attachment and psychological well-being is significant only for female group ($r=0.232$, $p<0.01$). The further correlational analysis was done between two groups by the motivation to left home for study purpose. The results of the correlation analysis between the two groups show that in the group of students who did not want to move away from home, there is a significant positive link between home attachment and psychological well-being ($r=0.242$, $p<0.01$, $N=238$), and in the case of students who wanted to move away from home there is a significant negative link between home attachment and anxiety ($r= -0.206$, $p<0.01$, $N=93$).

Study 2

The results of the correlation analysis confirm the result of the first study: the home attachment is significantly linked to psychological well-being ($r=0.227$, $p<0.05$), but there are no significance between any of the negative emotional states.

In the second sample 45.7% of students did not change their birthplace and continue their study in regional higher institutions, but 54.3% moved to the Yerevan. Students who left home for study and moved to Yerevan have a higher anxiety ($t=-2,267$, $p<0.026$) and students who stayed in their birthplace to continue their education have higher psychological well-being ($t=2,125$, $p<0.037$). The results of the correlation analysis show that in the group of students who didn't change their birthplace, home attachment and psychological well-being are in a significantly negative relationship with all negative emotional states.

Most students from regions, almost 67% did not want and only 33% wanted to be away from home for study in higher educational institutions. Students who moved, but didn't want to left home have a lower level of home attachment, and students who have not moved and did not want to left home have a higher level of home attachment ($t= 3,466$, $p<0.001$): Students who have moved and wanted to left home for study, have a lower level of home attachment, and students who have moved but did not want to left home, have a higher level of home attachment ($t= 4,802$, $p<0.001$).

Based on the results, we can conclude that:

- Home attachment and psychological well-being are significantly linked, but this relation is salient when young adults don't want to move away from home for study purpose and prefer to stay in their birthplace. This is true particularly for female students.
- In the case of students who want to move away from home for study purpose, home attachment can be seen as resource for overcoming anxiety. Students, who wanted to be away from home for learning

purpose, overcome the feelings of home attachment, unlike students who did not want to change their natural environment as a resource of psychological well-being.

- Students who have changed their place of residence/birthplace have a higher anxiety, and students who have not moved away from home and continue their education in regional universities have a higher level of psychological well-being.
- Home attachment is an important factor in alleviating and reducing negative emotions, which helps to maintain a sense of psychological well-being. However, these connections are even more salient among students who have not moved from their birthplace. It may be assumed that students are reluctant to leave their "comfort zone" to avoid encountering negative emotions.

References

1. **Нартова-Бочавер, С. К., Бочавер, А. А., Дмитриева, Н. С., & Резниченко, С. И.** Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2016.
2. **Резниченко С. И., Нартова-Бочавер С. К., Кузнецова В. Б.** Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016. Т. 13. № 3. С. 498–518.
3. **Хачатрян Н.Г., Серобян А.К., Григорян А.К., Ерофеева В.Г.** Привязанность к дому и психологическое благополучие у студентов из Армении и России / В кн.: Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Ер.: Издательство РАУ, 2022. С. 731-741
4. **Arnett, J. J.** Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*, 2000. 55. P. 469–480.
5. **Horelli, L.** Environmental human-friendliness as a contextual determinant for quality of life // *European Review of Applied Psychology*, 2006. Vol. 56. №1. P. 15-22.
6. **Jerome, T.** Leaving home: Homesickness, place attachment, and transition among residential college students // *Journal of College Student Psychotherapy*, 2003. Vol. 18. №1. P. 35-48.
7. **Rollero, C., & De Piccoli, N.** Does place attachment affect social well-being?. *European Review of Applied Psychology*, 2010. Vol. 60. № 4. P. 233-238.
8. **Stewart-Brown, S. L., Platt, S., Tennant, A., Maheswaran, H., Parkinson, J., Weich, S., ... & Clarke, A.** The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): a valid and reliable tool for measuring mental well-being in diverse populations and projects // *Epidemiol Community Health*, 2011. 65 (Suppl 2), A38-A39.
9. **Xu, M., de Bakker, M., Strijker, D., & Wu, H.** (2015). Effects of distance from home to campus on undergraduate place attachment and university experience in China // *Journal of Environmental Psychology*, 2015. Vol. 43. P. 95-104.

EARLY PROFILISATION OF STUDYING: CULTURAL AND HISTORICAL ASPECT

Khovrin Arkadiy (Moscow City University, Moscow, Russia)

hovrin.a@mgpu.ru

Khovrina Gelena (Moscow City University, Moscow, Russia)

khovrinagb@mgpu.ru

Gorlova Elena (ANEO «LETOVO School», Moscow, Russia)

el_gorlova@mail.ru

Basharova Elena (Moscow City University, Moscow, Russia)

basharovae@mgpu.ru

The article is devoted to the problem of the early profilisation of high-school students and the finding a solution in the system of Russian Education is related to the implementation of different projects. This article is discussed the organization conditions of the specialized education of the high-school students in

the Pre-University MCU (Moscow City University) in the context of L.Vygotsky's cultural and historical psychology.

Keywords: profile learning, L. Vygotsky's cultural and historical psychology, psychological age, personal enhancement, developing educational environment, adolescence.

РАННЯЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ховрин Аркадий (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия)

Ховрина Гелена (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия)

Горлова Елена (ОАНО «Школа «ЛЕТОВО», Москва, Россия)

Башарова Елена (ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия)

Статья посвящена проблеме ранней профессионализации старших школьников, поиск решения которой в системе Российского образования связан с реализацией разных проектов. В статье обсуждаются условия организации профильного обучения старшеклассников предвуниверсария – школы при Университете в контексте культурно-исторической психологии Л.С. Выготского.

Ключевые слова: профильное обучение, культурно-историческая психология, психологический возраст, личностное развитие, развивающая образовательная среда, подростки.

Проблема исследования: Проблема ранней профессионализации имеет свою историю, связанную с поиском форм и методов организации учебно-профессиональной деятельности подростков, направленной на формирование у них готовности к выбору профессии и профессиональному обучению. Решение данной проблемы отражается в истории отечественной и зарубежной педагогики в разных подходах, концепциях и направлениях профессионального обучения старшеклассников. В настоящее время в системе Российского образования реализуется несколько проектов, направленных на решение обозначенной в статье проблемы.

Постановка данной проблемы и поиск способов ее решения имеет социально-психологические основания. Базовым теоретико-методологическим основанием организации предпрофильного и профильного обучения старшеклассников является культурно-историческая психология Л.С. Выготского [1]. Ключевые положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского о возрастной периодизации, ведущей роли обучения в развитии, о значении общения в становлении и развитии личности, о единстве аффекта и интеллекта и учение о сензитивных периодах развития легли в основу построения модели предпрофильного и профильного образования обучающихся предвуниверсария Московского городского педагогического университета [2].

Цель исследования:

Изучить психологические и личностные особенности обучающихся предпрофильных и профильных классов предвуниверсария МГПУ

Гипотеза исследования: специально организованная образовательная среда является условием формирования психологической готовности к выбору профессии и профессиональному обучению.

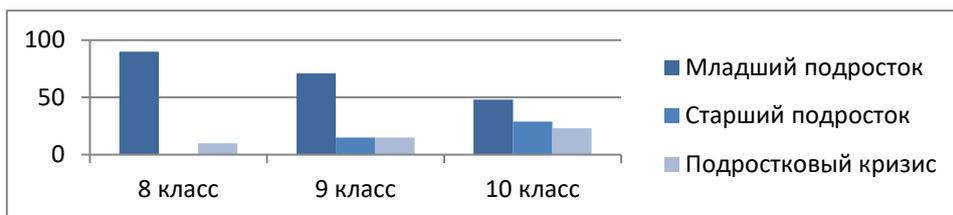
Методики исследования:

1. Исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан;
2. Диагностика уровней и типов учебной мотивации у подростков с помощью методики «Изучение мотивационной сферы учащихся» (М.В. Матюхина);
3. Диагностика сферы интересов по методике «Карта интересов» (Е.А. Голомшток).

Выборка. В исследовании принимали участие обучающиеся предпрофильных 8-9 классов и профильных 10 классов предвуниверсария МГПУ в количестве 117 человек: 8 класс – 20; 9 класс – 14; 10 класс – 83.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты диагностики самооценки обучающихся предпрофильных и профильных классов свидетельствуют о соответствии психологического возраста паспортному. Уровень развития самосознания соответствует возрасту. (Диаграмма 1).

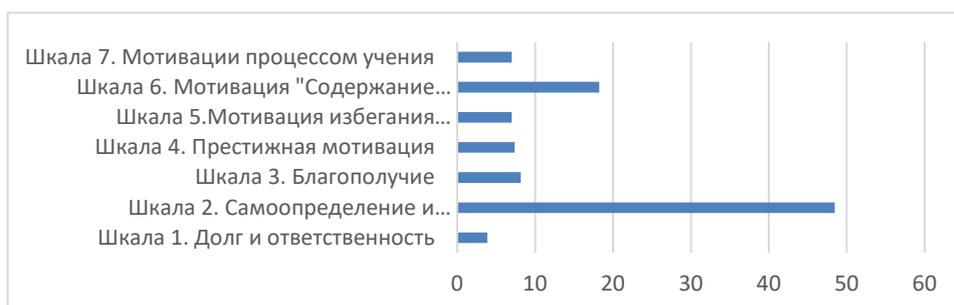
Диаграмма 1. Личностные особенности обучающихся предвуниверсария

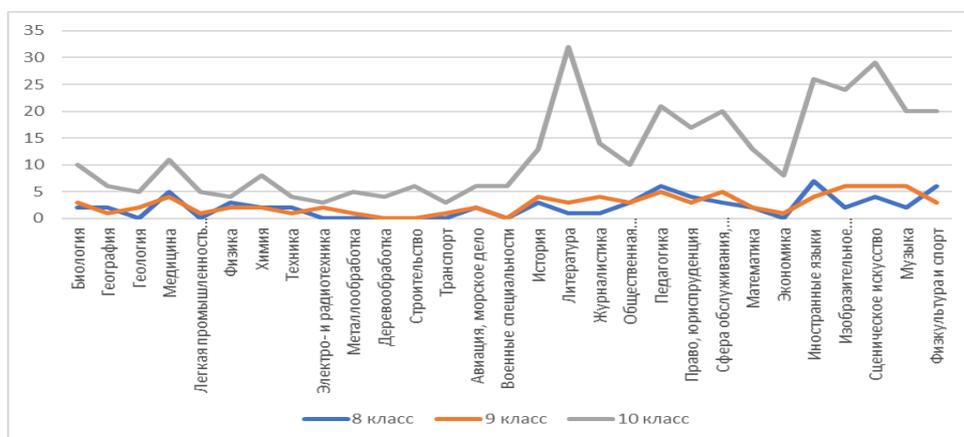
Изучение мотивационной сферы обучающихся предвуниверсария позволило выявить преобладание мотива самоопределения и самосовершенствования у обучающихся предвуниверсария (Диаграмма 2).

Диаграмма 2. Особенности учебной мотивации обучающихся предвуниверсария.

Анализ увлечений и интересов обучающихся предвуниверсария позволил зафиксировать изменения

в сфере интересов. Выявлена тенденция к сужению сферы интересов у обучающихся 10 классов, что связано с процессом самоопределения (Диаграмма 3).

Выводы и рекомендации:

Основной контингент обучающихся предвуниверсария – учащиеся 8-11 классов, чей психологический возраст соответствует подростково-юношескому периоду. Характерной особенностью этого возраста является заикленность на себе, интересе к своему внутреннему миру и поиску своего места в мире.

Специально организованная образовательная среда, реализующая основные положения культурно-исторической психологии обучения и развития Л.С. Выготского, позволяет сочетать обучение по программам профессионального образования с программами основного и среднего общего образования.ых предпочтений и интересов.

Список литературы

1. **Выготский Л.С.** Психология развития ребенка. – М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2003. – 512 с. (Серия «Библиотека всемирной психологии»).
2. Предвуниверсарий – путь вхождения в профессию: Методическое пособие /Под ред. **Кравцова Е.Е., Кузнецов В.А., Ховрина Г.Б.** – М.: Издательство МГПУ, 2021. – 32 с.

3. **Ховрин А.Н., Ховрина Г.Б.** Основные положения психологического закона использования интереса при организации процесса школьного обучения: культурно-исторический аспект. В сборнике: Цели и задачи образования, способствующего психическому и личностному развитию. Сборник научных статей. Москва. 2020.

HOW DO WOMEN REGARD FEMINISM?

Khrimian Kristina (Thomas S. Wootton High School, Rockville, MD, USA)

Kappa Elia, Gevorgyan Gayane (Anderson W. Clark Magnet High School, Glendale, CA, USA)

Ficiciyan Alisa (Belmont High School, Belmont, MA, USA)

krisyak05@gmail.com; eliakappa07@gmail.com; gayanegevorgyan2007@gmail.com; aaf6311@gmail.com

Despite feminist movements in America greatly progressing this past century, women's beliefs on feminism are still divided - with factors such as ethnicity, age, and religion influencing those views. Opinions of women of Armenian ethnicity are particularly of interest, and how they differ from those of non-ethnic women.

Key words: *feminism, women, ethnicity, age, religion, Armenians, behavioral sciences, psychology.*

Relevance, Purpose, and Hypothesis of Study

Throughout the span of two weeks, student members of the organization *Armenian Behavioral Science Students (ABSS)* sent forward an online survey relating to views about feminism. The main purpose of the study was to assess feminist views among women of varying ethnicities (with an emphasis on Armenian ethnicity), although factors of age and religion were also considered. Since a similar study was conducted 30 years ago, it is relevant to reevaluate those findings by conducting a renewed research examination. It is expected that ethnicity and women's views on feminism are negatively correlated.

Description of Sample

We surveyed 180 women living in the U.S. Since one of our main objectives was to compare Armenian women's views on feminism to those of other ethnicities, a large amount of the answers we gathered were from Armenians. Besides varying ethnic backgrounds, women were also of different ages (15-60+) and religious views (majority were either Christian or non-Christian), in order to compare those factors with feminist attitudes as well.

Research Methods and Techniques

The survey was written and answered on a Google Form to ensure easy access to all of our surveyees. The questions on the Google Form were based on the survey conducted by Dr. Takooshian and Dr. Stuart in 1983, but they were slightly adjusted to our current era and audience. Although the original survey was written in English, a translated version in Armenian was also sent out due to the large sample of Armenians. Over the span of two weeks, we disseminated the survey across various social media platforms and email channels to reach a wide variety of respondents. For each of the 20 questions in the survey, participants chose the response that most resonated with their views, according to a 5-option scale ranging from strongly agree to strongly disagree. Then, for each question and corresponding response, a number was assigned, depending on how feminist the answer was. For each responder, an overall feminism score was generated by adding the individual scores from each question. The minimum possible feminism score was 0 and the maximum possible score was 60. Five questions (10, 13, 16, 19, 20) were designed to be authoritarian, so the feminist values were flipped, which explains why the maximum possible score is 60, rather than 80. With these scores, we analyzed the correlation between feminist attitudes in women with varying ethnicities, ages, and religious views using SPSS.

Results

With women receiving a wide variety of feminism scores, the mean was 38.35. In Dr. Stuart and Dr. Takooshian’s original study, it was found that feminist attitudes and ethnicity were “opposing forces”, since non-ethnic women exhibited far more feminist values than ethnic women did. The results from our survey revealed similar findings: ethnic women, and particularly women of Armenian backgrounds, generally had less feminist opinions than those who do not associate themselves with an ethnicity ($r = -.178^*$ and $r = -.213^{**}$,

Correlations							
		femscore_val	age_val	auth_val	ethnic_val	group_arm_val	religious_val
femscore_val	Pearson Correlation	1	-.368**	-.401**	-.178*	-.213**	-.385**
	Sig. (2-tailed)		.000	.000	.017	.004	.000
	N	180	180	180	180	180	180
age_val	Pearson Correlation	-.368**	1	.083	-.027	.252**	.132
	Sig. (2-tailed)	.000		.268	.719	.001	.077
	N	180	180	180	180	180	180
auth_val	Pearson Correlation	-.401**	.083	1	.068	.210**	.108
	Sig. (2-tailed)	.000	.268		.361	.005	.147
	N	180	180	180	180	180	180
ethnic_val	Pearson Correlation	-.178*	-.027	.068	1	.316**	.304**
	Sig. (2-tailed)	.017	.719	.361		.000	.000
	N	180	180	180	180	180	180
group_arm_val	Pearson Correlation	-.213**	.252**	.210**	.316**	1	.112
	Sig. (2-tailed)	.004	.001	.005	.000		.134
	N	180	180	180	180	180	180
religious_val	Pearson Correlation	-.385**	.132	.108	.304**	.112	1
	Sig. (2-tailed)	.000	.077	.147	.000	.134	
	N	180	180	180	180	180	180

** . Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).
* . Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

respectively). Women of older age tended to have less feminist views than women of younger age ($r = -.368^{**}$). This result was expected, as the younger generation is typically more liberal and progressive with their beliefs. Similarly, there was a negative correlation ($r = -.385^{**}$) between women’s feminist views and their extent of being religious, which was also expected, because those who are more religious typically have more conservative opinions. A negative correlation was also seen between women’s authoritarian values and their attitudes on feminism ($r = -.401^{**}$).

Descriptive Statistics			
	Mean	Std. Deviation	N
femscore_val	38.35	8.980	180

Conclusion

Despite our careful research methods and techniques, some deviations in the data may have occurred from factors such as a not diverse enough sample size. However, based on our data, views on feminism are split among women. Women who are older, more religious, and identify more closely with a certain ethnicity all tend to have more conservative opinions on feminism. In particular, women of Armenian backgrounds are slightly less leaning towards feminism than ethnic women overall. Upon reflection, overall, women’s views on feminism have remained similar to those 30 years ago.

References

1. Takooshian, H., Kandarjian, R., & Jeshmaridian, S. (1998, August). Cross national research on feminism: Why and how? Presentation to the American Psychological Association, San Francisco.
2. Takooshian, H., & Stuart, C. (1983). Ethnicity and feminism among American women: Opposing social trends? International Journal of Group Tensions. 13. 100-105.
3. Adler, L.L. (1993). (Ed.). International handbook of gender roles. Westport CT: Greenwood.

RESILIENCE AND CREATIVITY AS PREDICTORS OF MARKETING AGENCY STAFF EFFICIENCY WHEN TACKLING CREATIVE AND/OR OPERATIONAL BUSINESS CHALLENGES

Obtained insights regarding correlation of resilience and creativity indicators and employee effectiveness confirmed and clarified the idea of both general professionally important psychological qualities of marketers and dependencies on functional tasks solved by employees. That indicates the possibility of using indicators of resilience and creativity as predictive performance indicators

Keywords: *marketing agency, multitasking, professional efficiency, resilience indicators, creativity indicators.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КРЕАТИВНОСТИ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ СОТРУДНИКОВ МАРКЕТИНГОВОГО АГЕНТСТВА ПРИ РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКИХ И/ИЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ

Кузнецова Людмила, Смолков Антон (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия)

Полученные данные о взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью подтвердили и уточнили представление как об общих профессионально важных психологических качествах маркетолога, так и в зависимости от функциональных задач, решаемых сотрудниками и агентством в целом, что говорит о возможности использования показателей жизнестойкости и креативности в качестве прогностических показателей эффективности

Ключевые слова: *маркетинговое агентство, многозадачность, эффективность профессиональной деятельности, показатели жизнестойкости, показатели креативности.*

Мы исходим из понятия о маркетинге как многоаспектной трудовой деятельности, в которой для успеха необходимо органичное сочетание аналитических и организационных компетенций с одной стороны и креативности в нахождении путей продвижения товаров и услуг при постоянной конкурентной борьбе [1],[2], [3].

Несмотря на некоторые вариации типовая бизнес-структура маркетингового агентства (маркетинговой службы компании) предполагает обязательное выделение отдела(группы) креатива и дизайна, отдела по работе с персоналом, аналитической группы прогноза и контроль сбыта товара. При этом независимо от выполняемого функционала, каждый сотрудник маркетинговой службы должен обладать высокой степенью устойчивости к неопределенности и одновременно обладать креативным потенциалом в качестве ресурса мотивированного создания новых продуктов и продвижения уже имеющихся с учетом анализа и прогноза рынка [4].

Цель исследования – выявление взаимосвязи показателей жизнестойкости и креативности с эффективностью сотрудников маркетингового агентства при решении творческих и/или исполнительских задач.

Было сформировано 2 экспериментальные группы респондентов маркетингового агентства: экспериментальную группу 1 составили 25 специалистов в сфере дизайна (группа «Дизайнеры»), экспериментальную группу 2 составили 25 специалистов в сфере информационных технологий (группа «Исполнители»). Возрастной диапазон респондентов: 30-40 лет.

Было предположено, что у всех сотрудников маркетингового агентства независимо от преимущественного решения творческих или исполнительских задач эффективность будет положительно коррелировать с высокими показателями жизнестойкости и креативности. При этом такие показатели жизнестойкости, как вовлечённость и контроль будут положительно связаны с уровнем эффективности в экспериментальной группе 1 («Дизайнеры»), а показатели креативности будут по-разному связаны с эффективностью сотрудников в зависимости от выполнения ими творческих или исполнительских задач.

Был сформирован диагностический комплекс, состоящий из трех методик: авторской анкеты для оценки эффективности респондентов, которую заполняло руководство соответствующих отделов; теста жизнестойкости (С.Мадди в адаптации Д.Леонтьева и Рассказовой Е.); теста Гилфорда на креативность. Статистический анализ полученных данных проводился в программе IBM SPSS 11.

Результатом проведенного эмпирического исследования было выявление ряда статистически подтвержденных взаимозависимостей, свидетельствующих о возможности использования показателей жизнестойкости и креативности в прогнозировании эффективности сотрудников маркетингового агентства.

Качественно-количественный анализ полученных данных с применением U- критерия Манна- Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволил выявить общие и специфические психологические корреляты эффективности в исследуемых группах респондентов. В частности, было выявлено преобладание в обеих группах респондентов со средним уровнем жизнестойкости. Однако, уровень жизнестойкости в группе 1- «Дизайнеры» достоверно выше, чем в группе 2 -«Исполнители» ($U=326$; $p=0,010$). Обнаружено, что в экспериментальной группе 1 такие составляющие эффективности, как «психологические и коммуникативные навыки», «количественная оценка результативности работы» и «общая эффективность» положительно коррелируют с общим уровнем жизнестойкости и всеми ее составляющими. Наиболее тесная корреляционная связь обнаружена между показателем «психологические и коммуникативные навыки» с такими составляющими, как «вовлеченность» ($r=0,53$; $p\leq 0,05$), «контроль» ($r=0,85$; $p\leq 0,05$), «общая жизнестойкость» ($r=0,85$; $p\leq 0,05$). В группе «Дизайнеры» выявлена статистически значимая положительная корреляция показателем «количественная оценка результативности работы» и шкалами теста Гилфорда: «гибкость», «оригинальность», «креативность». Наиболее тесная корреляционная связь обнаружена со шкалой «гибкость» ($r=0,84$; $p\leq 0,05$). Высокие показатели креативности сотрудника, способности выйти за границы привычного видения ситуации безусловно можно рассматривать в аспекте ресурса и прогностически значимой характеристики эффективности сотрудника и маркетингового агентства в целом. В группе 2 - «Исполнители» наиболее значимая положительная корреляция выявлена между показателем «общая эффективность» и всеми шкалами Жизнестойкости: «вовлеченность» ($r=0,56$; $p\leq 0,05$), «контроль» ($r=0,54$; $p\leq 0,05$), «принятие риска» ($r=0,56$; $p\leq 0,05$), «общая жизнестойкость» ($r=0,58$; $p\leq 0,05$). Другими словами, более высокие показатели по всем трем компонентам Жизнестойкости также, как и у дизайнеров, коррелируют с более высокими показателями общей эффективности специалистов информационной сферы. В группе «Исполнители» выявлена тесная корреляционная связь между показателями «количественная оценка результативности работы» и шкалами теста Гилфорда: «гибкость» ($r=0,83$; $p\leq 0,05$), «точность» ($r=0,85$; $p\leq 0,05$), «креативность» ($r=0,88$; $p\leq 0,05$). Причем наибольшие показатели обнаружены по креативности и точности, тогда как в группе «Дизайнеры» более высокие показатели по гибкости и оригинальности.

Таким образом, общая гипотеза исследования получила свое подтверждение – у всех сотрудников маркетингового агентства независимо от функционала высокие показатели эффективности положительно коррелируют с высокими показателями жизнестойкости и креативности. Гипотеза о взаимосвязи эффективности с уровнем креативности и отдельных ее показателей в зависимости от функционала респондентов также нашла подтверждение.

Список литературы

1. **Володина С. А.** Смысложизненные ориентации как ресурс жизнестойкости личности //Психология жизнеспособности личности: научные подходы, современная практика и перспективы исследований. – 2021. – С. 86-91.
2. **Быстров В. А.** Человеческий фактор как основной ресурс повышения эффективности работы предприятия //Вестник Сибирского государственного индустриального университета. – 2019. – №. 4 (30). – С. 60-65.
3. **Маничев С.А.** Эффективность и особенности основных методов психодиагностики персонала. – 2020
4. **Нариманова О. В.** Креативность на личностном и организационном уровнях: современные модели и концепции //Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2018. – Т. 6. – №. 2 (21). – С. 256-278.

THE ROLE OF THE DIAGNOSTICS OF SENSO-MOTOR FUNCTIONS FOR THE CHILDREN WITH LEARNING DIFFICULTIES

Mamina Tatyana, Karpinskaia Valeria (St. Petersburg State University, "Nanny-Owl" LLC, Saint-Petersburg, Russia karpinskaya78@mail.ru

We describe the experience of using sensorimotor tasks in diagnosing problems associated with learning difficulties in primary school. The role of motor development in the development of cognitive functions is discussed, the theoretical grounds for including sensorimotor tasks in the plan for diagnosing a child's cognitive development are highlighted.

Key words: sensorimotor tasks, learning difficulties, primary school age, functional structure of the intellect.

РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ СЕНСОМОТОРНЫХ ФУНКЦИЙ ПРИ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ТРУДНОСТИ С ОБУЧЕНИЕМ

Мамина Татьяна, Карпинская Валерия (Санкт-Петербургский Государственный университет, ООО «Сова-Нянька», Санкт-Петербург, Россия)

Описан опыт использования сенсомоторных задач в диагностике проблем, связанных с трудностями обучения в начальных классах. Проводится обсуждение роли моторного развития в развитии когнитивных функций, выделяются теоретические основания для включения сенсомоторных задач в план диагностики когнитивного развития ребенка.

Ключевые слова: *сенсомоторные задачи, трудности обучения, младший школьный возраст, функциональная структура интеллекта.*

Известно, что существует зависимость между когнитивным содержанием задачи и моторными возможностями ее выполнения [3]. Еще Н.А. Бернштейн говорил о важности движений в развитии психических функций. Он предложил уровневую теорию организации движений, согласно которой каждое движение можно охарактеризовать с точки зрения морфологической локализации, ведущей афферентации и специфических уровневых свойств. В работах Б.М. Величковского, подход Н.А. Бернштейна был взят за основу, однако речь шла уже не столько о построении движений, сколько об общей модели функциональной структуры интеллекта (модель Grand Design) [2]. Автор дополнил уровневую концепцию Бернштейна еще одним важным этапом - уровнем «высших символических координаций». Заслуга Б.М. Величковского состоит в том, что он соотнес данные уровни с интеллектуальными достижениями, отмечая, что уровни А, В и С связаны с сенсомоторными и перцептивными функциями, построением простых когнитивных карт, D – уровень предметных действий связан с восприятием сходства, когнитивными автоматизмами, лежащими в основе решения экспертных задач, E – самый «тестируемый» уровень знаний и культурных навыков, большинство диагностических методик интеллекта относится именно к этому уровню, F – уровень рефлексии и самоосознания, на этом уровне реализуется творческое воображение, коммуникативная прагматика, строится индивидуальная теория психики, благодаря этому уровню осуществляется самоконтроль и саморегуляция.

Не секрет, что в современных подходах к измерению когнитивных функций и интеллекта используются чаще всего тесты, направленные на диагностику общей осведомленности, способностью запоминать, решать арифметические или логические задачи. В подобных измерительных процедурах практически никак не представлены моторные функции и умение решать сенсомоторные задачи. Исключением являются нейропсихологические тесты и фиксация моторных навыков младенцев и детей раннего возраста в медицинских учреждениях. Что касается детей младшего школьного возраста, то немногочисленные тесты, связанные с сенсомоторными навыками, касаются в основном умения пользоваться средствами письма и воспроизводить графические образы [2]. Опираясь на уровневую структуру интеллекта в ООО «Научно-методическом центре «Сова-Нянька», был разработан метод диагностики сенсомоторных навыков, который уже прошел предварительную апробацию. В настоящее время ведется работа по подтверждению надежности и валидности методики.

Диагностика представляет собой набор сенсомоторных задач. Направленных на определение функционирования уровней В, С, Д, Е и F. Трудности обучения в школе на начальном этапе определяются не только развитием когнитивных функций и умением решать задачи, важнейшую роль играет произвольное управление своим поведением, умение выстраивать коммуникацию в новом коллективе и с учителем, понимание границ и установленных правил. Нередко именно эти способности остаются без внимания попытках решить трудности обучения. Наши тесты позволяют определить уровень, недоразвитие которого может мешать ребенку в процессе обучения. Согласно нашим наблюдениям нередко разрешение трудностей в школе лежит не в области педагогической запущенности и работы «за столом», а в области тренировки движений в координатах своего тела и в пространстве.

Мы обследовали 20 детей, учащихся 1-2 классов начальной школы, с моторной неловкостью и трудностями в обучении. Родители детей заполнили анкету, где содержались вопросы о наличии или отсутствии у их детей трудностей школьного обучения. Кроме того, необходимо было оценить у своего ребенка по пятибалльной шкале выраженность качеств, связанных со школьным обучением, включая общий интерес к учебе, коммуникацию и регуляцию эмоций.

Мы обнаружили связь между умением решать сенсомоторные задачи и такими важными параметрами как познавательная активность, общительность, отсутствие тревожности (для указанных показателей критерий Стьюдента $p \leq 0,05$), кроме того, было выявлено, что высокие показатели решения сенсомоторных задач на уровне В и С, связаны с малым количеством жалоб родителей на трудности обучения в школе.

Данное направление требует дальнейших исследований с целью определения связи решения сенсомоторных задач и готовности ребенка к школе, школьной успеваемости и адаптации к новой среде.

Список литературы

1. **Величковский Б.М.** - Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т.— Т. 2, 2006.
2. **Карпинская В. Ю., Романова -Африкантова Н.И., Мамина Т.М., Андрющенко Е.А.** Сенсомоторный компонент в функциональной структуре интеллекта при оценке умственного развития детей дошкольного возраста // Петербургский психологический журнал, 2021, №33 (20). с. 1-20
3. **Сергиенко, Е.А.** Раннее когнитивное развитие / Е.А. Сергиенко. Новый взгляд / Российская академия наук, Институт психологии РАН. – Москва, – 2006

THE RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL SYMBOL AND PROFESSIONAL IDENTITY (IN THE EXAMPLE OF “PSY”)

*Manukyan Mariam, Muradyan Yelena (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
m.manukyan@ysu.am, yelena.muradyan@ysu.am*

In conducting this study on the relationship between professional symbol perception and professional identity, primary research was undertaken through interviews with psychology students from YSU. The insights gleaned from these interviews shed valuable light on how the attitude towards the symbol and its creation process relates to students' professional identity.

Keywords: *Professional identity, professional symbol, sign Ψ , profession, students, interview, creative work with symbols, self-perception.*

With the rapid advancements in technology, the rise of virtual workspaces, and changing societal values, professionals seek ways to navigate and adapt to new challenges. Studying the professional identity (PI) problem can give valuable knowledge that can benefit individuals, organizations, and society at large. It helps to create more fulfilling and purpose-driven careers, healthier work environments, and more resilient economies. The higher education phase has a big impact on the professionalisation process, that's why it's important to study the factors which influence PI formation during the educational process. The significance of comprehending how the attitude towards the symbol can impact the PI offers valuable insights into the dynamics of professional communities, communication, and perception. It can enhance our understanding of how individuals identify

with their professions and how symbols contribute to the formation of a shared PI. In addition, it can contribute to a new approach to apply innovative ideas in the field of education. In some cases we need to rely on the research data about PI to make significant changes and increase the productivity of the educational process. [1] The systematic analysis of existing research about professional identification has shown that it has been widely studied by different disciplines: sociology, psychology, philosophy, and anthropology, The research was conducted among educators, medical practitioners, healthcare workers, and librarians at various stages of professional development and experience.[2] The factors that impact PI formation are social encounters, educational environment, alignment with one's perception of the profession, professional reputation, experiences in the field, personal growth, and active involvement in self-improvement.[3] There is research that explores the experiences of two medical students, as they progress through their medical studies in Australia and eventually become doctors. Symbolic artefacts and rituals are very important they help signify their entry into the medical profession. Overall, these symbols and rituals play a crucial role in the process of "becoming" and "being" a doctor in Australia. However, we can't generalize the results due to the small sample and cultural differences.[4] Thus we can tell, that this problem could benefit from further exploration. Therefore, we believe that our research would contribute valuable insights and enhance the understanding of this issue.

Our research goal is to investigate the relationship between attitudes towards professional symbols and the development of PI. By examining the connection between attitudes towards professional symbols and the sense of commitment to the profession, our study seeks to provide valuable insights for educational institutions to enhance professional development programs. We propose the hypothesis that, the relationship between Ψ (as a symbol of psychology)

and the attitude towards the profession is determined by the perception of own PI and the attitude towards the symbol.

The participants in this research were students enrolled in the psychology department and were divided into two groups. The first group included students who had completed their fourth year of studies or were already pursuing their master's degrees 20 participants in total. The second group included students who were in the final stages of their first year of studies, with 19 participants in total.

In this study, qualitative interviews were conducted to explore participants' perspectives on attitudes towards the symbol, profession, gained knowledge, the process of learning, personal qualities, future expectations, etc. A semi-structured interview approach was employed to facilitate in-depth discussions. Content and framework analysis were used to identify recurring themes and patterns in the interview data, providing valuable insights into understanding the relationship between attitude towards the symbol and professionalisation process. In addition, during the initial semester of the first year, students were tasked with creatively introducing Ψ using various methods such as painting, artwork, and others. These works were then displayed in the faculty hallway for one year as an exhibition, and subsequent questions were directed towards gauging the students' attitudes regarding these processes.

Based on the results of this research it can be stated that: an emotional experience that students had about thinking (mediating) and creating their version of Ψ were interest, inspiration, tension and satisfaction. However, it is noteworthy that a majority of the responses did not mention any emotional experiences at all. The attitude towards the fact that their works will be presented in the hallway as an exhibition was mostly positive (56% for the 1st group and 54% for the 2nd). 55% of respondents in the 1st group had a sense of belonging to psychology while working on their Ψ , and 20% didn't have a sense of belonging. In the 2nd group, 80% of respondents got a sense of belonging to psychology while working on their Ψ , 60% of respondents in the 1st group and 57% of the 2nd group were satisfied with their work. Summarizing the answers about what Ψ means for psychology and psychologists were: viewing it as a mere symbol, recognizing it as a symbol representing a sense of belonging, perceiving a connection with psychology, and expressing a personal attitude towards psychology. About their attitude towards the Ψ answers from the 1st group were mostly neutral (sign, symbol, something about science, etc) positive answers were mostly about the emotional connection with the profession. From the 2nd group, neutral answers were: no attitude, just a sign, connection with psychology, and positive attitude were about the meaning, of the appearance. More than 50% of respondents reported that their attitude towards Ψ remained unchanged throughout their four years of education, and 35% indicated that their attitude had shifted positively in terms of emotions, semantics, and intensity. 80% of the first group stated that they will choose the profession again. 50% of the participants expressed their intention to pursue a career in the field

of psychology. Meanwhile, 20% of the respondents mentioned that they were already employed in the psychology field, and another 20% stated that they have no plans to work in the field. Moreover, the participants spontaneously discussed owning things with Ψ (jewellery, stickers etc.) despite the lack of specific questions addressing the topic, six participants from each group discussed its connection with psychology and how it related to their plans in the field. Certain students mentioned aspects of identification without any explicit questions about it. They were talking about a specific connection with a faculty and profession. 6 students in each group were talking about PI directly. It's very important to state that all 6 students in the 1st group and 3 students in the 2nd were owning things with the symbol Ψ .

The data that we provided gives a basis for a conclusion that there is a connection between attitude towards the symbol and PI. This study provides a foundation for conducting similar research involving other professions.

References

1. **Cruess, R. L. Cruess, S. R. Boudreau, J. D., Snell, L. MD, Steinert, Y.** Reframing Medical Education to Support Professional Identity Formation. *Academic Medicine* 89(11):p 1446-1451, November 2014. DOI: 10.1097/ACM.0000000000000427
2. **Cardoso, M. I. S. T.** (2014). Professional identity in analysis: a systematic review of the literature. *The open sports science journal*, 7, 83-97. doi:10.2174/1875399X01407010083
3. **Barbarà-i-Molinero, A., Cascón-Pereira, R. and Hernández-Lara, A.b.** (2017), "Professional identity development in higher education: influencing factors", *International Journal of Educational Management*, Vol. 31 No. 2, pp. 189-203
4. <https://doi.org/10.1108/IJEM-05-2015-0058>
5. **McLean M., Khaira A. & Alexander Sh.** (2023): Symbols and rituals are alive and well in clinical practice in Australia: Perspectives from a longitudinal qualitative professional identity study, *Medical Teacher*, DOI: 10.1080/0142159X.2023.2225722

THE DIFFERENCES IN VERBAL AND MOTOR ESTIMATION OF THE STIMULUS IN ILLUSORY CONTEXT

The study was financially supported by the Russian Science Foundation No. 22-18-00074 Karpinskaia Valeria, Lyakhovetskii Vsevolod (St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia) karpinskaya78@mail.ru

This is the brief description of experiments aimed to study perception and action with objects in the context of visual illusions. We study the illusory effect in the task of verbal comparison of objects or in motor actions with the object in illusion. The Ponzo, Muller-Lyer and vertical-horizontal illusions were used to testify the hypothesis of the visual perception subsystem and the differences in the mechanism of formation of visual illusions.

Key words: *geometric illusions, visual perception, subsystems of visual perception, action.*

РАССОГЛАСОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ И ДЕЙСТВИЯ ПРИ ВОСПРИЯТИИ СТИМУЛОВ В ИЛЛЮЗОРНОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 22-18-00074 Карпинская Валерия, Ляховецкий Всеволод (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Приводится краткое описание серии экспериментов, направленных на изучение восприятия и действия с объектами в контексте геометрических иллюзий, выявляется наличие иллюзорного эффекта в задаче вербального сравнения объектов или моторных действий с ними. На материале иллюзий ПОНЗО, Мюллер-Лайера и вертикально-горизонтальной иллюзии были получены результаты, свидетельствующие в пользу гипотезы о существовании подсистем зрительного восприятия и о различиях в механизмах формирования геометрических иллюзий.

Ключевые слова: геометрические иллюзии, зрительное восприятие, подсистемы зрительного восприятия, действие.

Геометрические иллюзии – уникальный стимульный материал. В контексте таких иллюзий два одинаковых элемента оцениваются как разные – например, наблюдателю кажется, что элементы имеют разную форму или размер. Попытки объяснить иллюзорное восприятие строятся преимущественно на двух подходах: экологического, который в настоящее время получил свое развитие в направлении “воплощенное познание” и конструктивистского. Геометрические иллюзии в русле этих двух подходов описываются по-разному. С позиции экологического подхода разговор об иллюзии как об ошибке восприятия не имеет смысла, поскольку не предполагается формирование репрезентации, иллюзия — это восприятие в заданных условиях [1]. Трактовка иллюзии как ошибки возможна только в русле конструктивистского подхода, где подчеркивается важность сопоставления реальности со сформированным образом.

Одним из направлений в исследовании восприятия геометрических иллюзий является сопоставление вербальной и моторной оценки иллюзорных объектов. Эти исследования получили свое распространение благодаря появлению гипотезы о существовании двух потоков\ подсистем зрительного восприятия. [2] Система «для опознания» активируется в задачах с вербальным ответом, испытуемый сообщает о том, что два равных элемента кажутся разными, что соответствует иллюзии. Система «для действия» позволяет решать моторные задачи с иллюзорно различными объектами в соответствии с их реальными размерами (например, расстояние между большим и указательным пальцами при схватывании объектов, кажущихся разными при вербальной оценке, будет одинаковым). За несколько десятков лет были получены противоречивые данные наличия и отсутствия рассогласования восприятия и действия при вербальной и моторной оценке геометрических иллюзий. Что могло быть обусловлено разными свойствами таких объектов и различиями в методиках проведения экспериментов разными экспериментаторами. Нашей целью было сопоставление результатов, полученных на разных геометрических иллюзиях при использовании единой процедуры вербального и моторного отчета.

В наших исследованиях восприятия и действия в иллюзорном контексте мы опирались на подход В.М. Аллахвердова, согласно которому в основе познания лежит механизм сличения. Человек в процессе познания непрерывно отождествляет и различает стимулы, сопоставляет свои ожидания, репрезентации с реальностью, классифицирует стимулы, осознавая их в составе то одних, то других классов. Переключение модальностей (вербальная и моторная оценка) на наш взгляд предполагает разные способы осознания объектов, по отношению к которым решается задача.

Нам удалось обнаружить эффекты рассогласования восприятия и действия в иллюзиях Понзо, Мюллер-Лайера, вертикально-горизонтальной иллюзии.

Были получены результаты, свидетельствующие о различиях в формировании иллюзий Понзо, Мюллер-Лайера и вертикаль-горизонтальной иллюзии. Вероятно, эти иллюзии формируются на разных этапах обработки зрительной сцены [3]. Вербальный ответ в наших экспериментах соответствовал иллюзиям: испытуемые считали, что равные отрезки в контексте данных иллюзий различны по длине. Моторный ответ (проведение пальцем по центральным отрезкам стимулов непосредственно и по памяти, по пустому сенсорному экрану) был различным: иллюзия Мюллер-Лайера присутствовала при моторном ответе даже при непосредственном действии (то есть испытуемые проводили более длинную линию по тому отрезку который казался длиннее), для иллюзии Понзо моторный ответ был подвержен иллюзорному эффекту только в задаче воспроизведения по памяти, а при непосредственном действии со стимулом иллюзорного эффекта не было. Вертикально-горизонтальная иллюзия присутствовала при непосредственном проведении по отрезкам, но отсутствовала при воспроизведении [3]. Наличие вертикально-горизонтальной иллюзии и иллюзии Мюллер-Лайера при запоминании вероятно связано с формированием этих иллюзии на ранних этапах процесса зрительного восприятия. Предположительно эти иллюзии связаны с низкоуровневыми сетчаточными механизмами, а иллюзия Понзо связана с когнитивными механизмами восприятия пространства. Отсутствие вертикально-горизонтальной иллюзии при воспроизведении может свидетельствовать о том, что репрезентация вертикально-горизонтальной иллюзии не достаточно сильна, чтобы поддержать иллюзорный эффект при моторном ответе по памяти.

В целом полученные результаты согласуются с гипотезами о существовании двух подсистем зрительного восприятия и свидетельствуют о рассогласовании моторной и вербальной оценки иллюзорных объектов. Однако данные, полученные на вертикально-горизонтальной иллюзии, соответствуют гипотезе лишь частично, поскольку в ситуации воспроизведения моторный ответ не подвержен иллюзорному эффекту. Такие результаты могут быть связаны как особенностями механизмов формирования данной иллюзии, с необходимостью действия в разных направлениях при воспроизведении отрезков, так и с абсолютной длиной отрезков (горизонтальный отрезок может выходить в область периферии, в то время, как вертикальный всегда в центральной области зрения). Таким образом, исследования рассогласования восприятия и действия представляют интерес с точки зрения выявления особенностей функционирования двух подсистем зрительного восприятия и механизмов формирования иллюзий.

Список литературы

1. **Роджерс Брайан** (2014). Взгляд на зрительное восприятие. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, (4), 80-89.
2. **Aglioti S., DeSouza J.F., Goodale M.A.** Size-contrast illusions deceive the eye but not the hand. *Current Biology*, 1995, 5(6), 679–685.
3. **Карпинская В.Ю., Ляховецкий В.А.** Различия в сенсомоторной оценке иллюзий Понзо и Мюллера-Лайера // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 3.

BUILDING FAMILY RESILIENCE AND THE FOCUS MODEL DURING WARTIME

*Babayan Thomas, Marlotte Lauren (University of California, Los Angeles, Los Angeles, USA)
tbabayan@mednet.ucla.edu, lmarlotte@mednet.ucla.edu*

Family resilience skill building is of paramount importance in promoting the well-being and adaptive functioning of families in the face of adversity. Studies confirm that the stressors of war have an impact on the entire family system. The literature consistently highlights the significance of strengthening family resilience as a protective factor against the negative impact of various stressors and challenges. Family-centered care has increasingly become a priority across the United States military health system, and we aim to bring this perspective to other parts of the world. Families OverComing Under Stress (FOCUS), a family-centered, resilience-enhancing program developed by a team at UCLA and Harvard Schools of Medicine, is a primary initiative in this movement.

FOCUS serves military and veteran families through a suite of services that are designed to meet the needs of families in a variety of formats and tiers of service: Community briefings, workshops, skill-building groups, and family sessions. Specific adaptations support groups of children, groups of parents, couples, parents who want to participate without their children, families with young children, and families with a wounded, ill or injured parent. Delivery is face-to-face in clinic or school settings or through telehealth platforms.

The mechanisms of risk and resilience will be explored using a family-centered lens. Based on the literature, we identify the primary risk mechanisms and factors that mobilize and enhance resilience in families. The resilience factors are the central features of the FOCUS Program. FOCUS has been used both preventatively and as an intervention and with military, veteran, and civilian families.

In a large-scale implementation in the United States military, FOCUS has been delivered to thousands of military families. As a result of participating in FOCUS, families endorse improvements in their family's closeness, communication, and problem-solving skills and report high satisfaction with the program. Clinical outcomes include significant improvement in adult mental health symptoms (depression, anxiety, PTSD), child mental health functioning, child coping skills, and family assessment measures. Finally, we propose that the success of FOCUS in the United States makes it a strong model to adapt for use with Armenian families coping with wartime stress and trauma.

Keywords: *resilience, family, family resilience, family-centered, PTSD, evidence-based practice, military, veteran, wartime.*

References

1. **Beardslee, W., Lester, P., Klosinski, L., Saltzman, W., Woodward, K., Nash, W., ... & Leskin, G.** (2011). Family-centered preventive intervention for military families: Implications for implementation science. *Prevention Science*, 12, 339-348.
2. **Lester, P., Liang, L. J., Milburn, N., Mogil, C., Woodward, K., Nash, W., ... & Saltzman, W.** (2016). Evaluation of a family-centered preventive intervention for military families: Parent and child longitudinal outcomes. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*, 55(1), 14-24.
3. **Saltzman, W. R., Lester, P., Beardslee, W. R., Layne, C. M., Woodward, K., & Nash, W. P.** (2011). Mechanisms of risk and resilience in military families: Theoretical and empirical basis of a family-focused resilience enhancement program. *Clinical child and family psychology review*, 14, 213-230.
4. **Walsh, F.** (2003). Family resilience: A framework for clinical practice. *Family process*, 42(1), 1-18.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SPECIALISTS IN SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL SYSTEM (PROFESSORS)

*Mesrobyan Vardine (PAARA, Yerevan, Armenia)
vardine.mesropyan@mail.ru*

The research results on the psychological qualities of specialists in the scientific-pedagogical activities field (professors) are discussed in the article. The research included an expert survey, questionnaire, and test with professors, as well as with students and Ph.D. students. Students prioritized strong professional knowledge, professionalism, communicability, and aspiration for self-development as important professional-psychological qualities of professors. Professors, in their turn, prioritized strong professional knowledge, aspiration for self-development, ability for self-analysis, creativity, and ability to collaborate.

Keywords: professor, Ph.D. student, student, scientific-pedagogical activities, motivation, result.

Contemporary life is rapidly changing and brings new sciences, technologies, and services. Being a competent professor implies having not only certain qualifications but also performing continuing professional development through self-education, self-development, and self-motivation. New demands in professional activities are introduced to modern professors, which imply a new system of psychological qualities. New approaches to continuing education are presented as well. Hence studying the motivational orientation of professors is as important as studying their personal features. At the same time, it is important to define the qualities of professors that are emphasized by the students and Ph.D. students as future professors. Also whether Ph.D. students plan to work as professors or not. The above-mentioned issues are discussed in the following article.

The purpose of the article is to study the system of necessary psychological qualities in the professional activities of professors. As the main executor of high education, a professor should not only master professional knowledge, and modern technologies, but also foster the students' interest formation, because this helps to proceed from theoretical knowledge to practical activities. That's why we emphasize students' integration into professors' self-discovery process.

Lewin's, Maslow's, Murray's, Allport's, and Rogers's theories are attention worthy, as they consider the person as a dynamic structure and the idea of the originality of each person as its basis. The basis of a person is self-concept, which is cultivated according to the relations with the external world and controls the behavior.

Motivation has a crucial role in the process of personal development*. This is the system of qualities that motivates the Ph.D. student in his choice to be a professor. Hence our goal is to study the personal and motivational peculiarities of a student, Ph.D. student, and professor from three perspectives, which is the base of continuing education. We have developed the strategy of the research according to the goal and issues.

* Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.

Based on the theoretical analysis we have chosen the methods of expert survey, testing, and content analysis of a questionnaire. The expert survey contains 9 professional-psychological qualities, which have been derived as a result of the first expert survey. 100 professor experts, 50 students, and 30 Ph.D. students from different universities in Armenia have taken part in the expert survey. Overall 180 people have taken part in the expert survey. We have included the following professional and psychological qualities in the expert survey: strong professional knowledge, professionalism, communicability, ability to collaborate, emotional stability, creativity, high level of intellect, ability to self-analysis, and aspiration for self-development.[1]

The results of the research are as follows. According to the results of expert-survey professors emphasized the following qualities: strong professional knowledge, communicability, ability to self-analysis, aspiration for self-development, and emotional stability. Qualities that were assessed as average importance are the following. high level of intellect, honesty, delicacy, oratorical ability, enthusiasm, and sense of humor.[2.] The results show that Armenian professors value the above-mentioned qualities in professional activities. They are led by those qualities that promote the productivity of the educational process. Students emphasized strong professional knowledge, professionalism, communicability, and aspiration for self-development as essential professional-psychological qualities of professors. It's interesting that such qualities as the ability to collaborate, emotional stability, creativity, high level of intellect, and ability to self-analysis are not prioritized by Armenian students.

The results of the "Social-Psychological Attitudes" motivation orientation revealing test method show a high level of orientation towards results in the first scale ("altruism-egoism", "process-result"). A high level of orientation towards freedom is revealed in the second scale ("freedom-power", "work-money").[3]

Table 1.	M - Average	σ - Standard deviation
Communication	9	1.6
Honesty	9	1.1
Courage	8	1.7
Psychological tact	9	1.4
Behavior control	9	1.2
Direction	9	1.3
Practical approach	9	1.1
Self-confidence	9	1.3
Freedom	9	1.1
Emotions	8	1.9

These qualities are valued by both professors and students. The results of the expert survey of Ph.D. students are as follows. Ph.D. students as future professors are motivated by the process of passing their knowledge to others, scientific activities, communication with youth, and continuing education in academic professional activities. They also value teaching the material in a laconic way, motivating the students, ability to explain the usefulness and applicability of the subject. As a motivating professor character, most of the Ph.D. students have mentioned their scientific supervisors. They are also motivated by themselves. As modern personal qualities, the Ph.D. students mentioned the aspiration to development, readiness, responsibility, communicability, ability to keep in touch, resistance to stress, tolerance, awareness of new methods of teaching, digital technologies, and being interested in innovations continuously. Also, one of the important qualities was mentioned the love for speaking in public. Ph.D. students valued the following qualities in their academic career: responsibility, readiness, ability to motivate and give knowledge, aspiration for self-development, communicability, courage, and purposefulness.

Summarizing the results of the survey lets us conclude that Ph.D. students aspire to have an academic career. In professional activities, they are motivated by themselves and their scientific supervisors. Modern professors' qualities are considered the following: responsibility, readiness, courage, aspiration to motivate, self-development and self-education, resistance to stress, and communication. These qualities can help professors to make the education process more flexible and intelligent. Therefore, we can conclude that the psychological qualities of professors manifesting in professional activities are uniquely observed from three perspectives by students, professors, and Ph.D. students. The importance of psychological qualities manifests in the process of their self-development.

The motivation orientation of the professors is altruism, result, and freedom. This means that in professional activities professors are led by these principles, ignoring the ideas of money, power and egoism. These orientations reveal the love towards their profession, and the motivation is stronger in the case of altruism, result, and freedom.

Professors, students, and Ph.D. students emphasized strong professional knowledge, professionalism, communicability, and aspiration for self-development, as well as responsibility. The research results show the psychological peculiarities of professors' professional activities, which can be applied to the process of professors' education and training processes. Revealing the features that ensure the continuousness of professors' professional development allows for developing training programs with a scientific basis.

References

1. **Mesropyan, V.** Study On Teachers' Personal Qualities, Self-Development Skills MAIN Issues Of Pedagogy And Psychology, Scientific Periodicalvol. 10No. 1(2023) ASPU DOI:10.24234/miopap.v10i1.458 47-
2. **Mesropyan, V.** Analysis of the psychological qualities of teachers. Human Resources Innovative Development International Scientific and Practical Conference Moscow June 5 2020. 121.
3. **Mesropyan, V.** Correlation of teachers' personal characteristics, selfdevelopment and organizational abilities. National Academy Of Sciences Of The Republic Of, Problems Of Competitive Education And Science In A Changing World International Conference Collection Of Scientific Articles 21 June 2023 118.

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES AFFECTED BY WAR (BY THE EXAMPLE OF THE 2020 ARTSAKH WAR)

Mikaelian Marine (Armenian State Pedagogical University, Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
marine.mikaelian@ysu.am

For the purpose of post-war psychosocial adaptation, psychological assistance was provided to 50 families affected by the 44-day Artsakh war: families of the wounded, families of the dead, families of internally displaced persons. The main method of psychological support was a psychotherapeutic conversation. An eclectic approach has been taken.

Keywords: *psychological support, war-affected families, psychosocial adaptation, families of the wounded, families of the dead, families of displaced persons.*

Modernity. After the 44-day Artsakh war, psychological services are in demand in Armenian society, especially among families directly related to the war. In the post-war situation, the assessment of the need for psychological support and the provision of targeted support, that is, the

identification of those groups in society in which psychosocial rehabilitation work is most in demand, becomes relevant. The post-war psychological service has its own characteristics, due to the specifics of the target group with which it is carried out: wounded military personnel, members of their families, families of the dead, families of internally displaced persons, families of the missing. The psychological work carried out within each group also has its own characteristics. For example, the post-war psychosocial adaptation of wounded military personnel to society varies depending on the depth of the injury and the type of disability. 2022-2023 Charitable Foundation "Diakonia" implemented the program "Long-term stable support to the victims of the Artsakh war of 2020. Within the framework of the project, along with social support, psychological support was also provided to families affected by the 44-day war in Artsakh.

The purpose of the work is to provide psychological support to families affected by the war, to promote their post-war psychosocial adaptation.

Hypothesis. Psychological support provided in the post-war period contributes to the psychosocial adaptation and integration of families affected by the war into society.

Participants. 50 socially vulnerable families living in different regions of Armenia affected by the 2020 Artsakh war were selected as beneficiaries of the program. To make the work more efficient, the included families were classified according to the following 3 criteria:

- families with wounded soldiers,
- families of war victims,
- internally displaced families.

However, this classification is conditional, since there was a family in which there was both a wounded man and a victim at the same time, and there were displaced families in which there was also a wounded man. In total, psychological assistance was provided to 130 victims of the war. Psychological work included 26 families with the wounded. The vast majority of the wounded had a disability group, were with an amputated limb, loss of organs, severe craniocerebral injuries (an implant was implanted in the brain), shrapnel and gunshot wounds.

As needed, psychological assistance was provided to family members of the wounded, a total of 23 people.

Psychological support was received by 24 families of internally displaced persons, 85 people in total. Families were resettled from the Hadrut region of Artsakh /regional center and villages/, Shushi, Kashatagh region /Berdzor and villages/. In 4 families of displaced persons, the father of the family was also wounded. Psychological support was received by members of 5 families of those killed in the war, in total 10 people. In one of the families of the dead, there was also a wounded man (father killed, son wounded).

Research methods and techniques. Psychotherapeutic conversation was the main method of psychological support for the families. Taking into account the essence and manifestations of the psychological problem, an eclectic approach was applied. Methods of a number of directions were used: cognitive-behavioral therapy, gestalt therapy, existential therapy, humanistic therapy, acceptance and commitment therapy, rational therapy, art therapy, positive therapy, polyvagal theory therapy, psychodynamic approach, psychocatalysis, neurolinguistic programming, sedative therapy.

Results and conclusion. The work with families was carried out for 6 months. Depending on the nature of the psychological problem, both individual and group support was provided.

According to the principles of providing psychological assistance to victims in emergency situations, the age characteristics of the beneficiaries were taken into account [1].

Psychological support had 3 main directions, because we were dealing with 3 different problems: trauma, loss, displacement. With the wounded, the author's model of psychological rehabilitation of military personnel was used, which consists of the following 6 stages: desensitization, transition from thoughts to emotions and bodily sensations, extraction of resources, anchor - stabilization of the mental state, new story - new meaning, recovery - socio-psychological adaptation [2 ; 3].

With those who lost a relative, a series of techniques of the farewell ritual "Koshtasu" [4] was used, work was carried out aimed at experiencing and overcoming feelings of grief, guilt, loneliness and abandonment /grief work/. Overcoming the conflict between the lack of positive motivation to move to a new place and the impossibility of physical stay in the historical homeland was emphasized during the psychological support of internally displaced persons [5]. Work was carried out in the direction of re-experiencing negative life events, overcoming a personal crisis and an identity crisis, an adequate assessment of own situation, and the formation of psychological stability in the process of adaptation to a new environment.

Summing up the results of the work done with 3 groups, it can be stated that as a result of psychological support for families affected by the war, the following was possible: face traumatic memories, verbalize and discharge emotions, comprehend their own experiences, rethink traumatic experiences, attract internal and external resources, rethink life, mitigation of the ontological crisis, redistribution of vital forces, activation of semantic attitudes, expansion of time perspective, activation of prospective motivation, desire to rebuild relationships, activation of coping mechanisms, expansion of social roles, psychosocial adaptation to living conditions, the formation of skills to manage emotions.

References

1. Matafonova T.Yu. Features of the activity of the psychological service in emergency psychological assistance to victims in emergency situations. Bulletin of the Moscow University with the Ministry of Internal Affairs of Russia. N6, 2011. S. 25-29 (in russian).

2. **Mikaelian M.** Psychological losses of war and adaptation of combatants to peaceful conditions of life, "Problems of military psychology in the XXI century, science and life", republican conference, 2022, pp. 93-103 (in armenian).
3. **Mikaelian M. A.** Stages of psychological support for military personnel who suffered in the 44-day Artsakh war, International Scientific and Practical Conference "Social and Psychological Consequences of War", 2022, pp. 202-207 (in armenian).
4. **Kabykenova A. B.** Technique of working with the loss of "Koshtasu" "Farewell". Electronic resource. Access mode: <https://www.b17.ru/article/48098/> /20.09.2022/ (in russian).
5. Psychological assistance to refugees and internally displaced persons from "hot spots". Electronic resource. Access mode: https://studme.org/345585/psihologiya/psihologicheskaya_pomosch_bezhentsam_vynuzhdennym_pereselentsam_goryachih_tochek/ /10.10.2022/ (in russian).

PREDICTIVE ROLE OF TIME PERSPECTIVE AS PERSONAL DISPOSITION ON YOUNG PEOPLES' PERSONAL STRIVINGS

*Mikayelyan Tsaghik (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
tsaghik.miqayelyan@edu.ysu.am*

The purpose of the study is to reveal the predictive role of different time perspectives as personal disposition on the direction and characteristics of young people's personal strivings. The multilevel analysis - correlational and qualitative analyses - was carried out. The role of Negative past, Hedonistic present, Future and Transcendent future time perspectives on personal strivings of young people were revealed.

Keywords: *time perspective, negative past, positive past, future, transcendental future, hedonistic present, fatalistic present personal strivings.*

"Psychological time" is formed by an individual on the basis of cause-and-effect relationships of feelings with the main events in his life. According to the authors, this approach makes it possible to explain not only temporal experiences (age, distancing, discontinuity, continuity), but also to understand the sources of significance of an event experienced by a person [5, p. 2012]. Thus, the phenomenon of time takes its place in the study of mental activity. The presence and direction of the phenomenon of time provide a number of individual psychological characteristics, especially when all our mental activity is manifested/associated with the concept of time and undergoes certain transformations under the constant influence of this factor. Time perspective is a kind of reference point, from the position of which a person perceives and evaluates his past, present and future in one way or another, which allows him to make sense and see connections with the lived experience. Time perspective has an "imperceptible" effect on certain internal mental contents, one of which our work is aimed at studying. One of the important points of our research work is the concept of personal strivings. According to Emmons, aspiration can be considered as an ideographic concretization of motivational dispositions, which have multi-content possibilities than motives, only greater stability and permanence than projects and interests [3, 4].

The relevance of the study of time perspective and personal strivings stems from its potential to improve our understanding of how young people's perception of time (e.g. past oriented present-oriented, future-oriented, etc.) can shape their goal-setting, decision-making and motivation.

Purpose and hypothesis. The purpose of the presented study is to reveal the predictive role of different time perspective as personal disposition on the direction and characteristics young people's personal strivings. We assume that the dominant time perspective in personal life can play a decisive role in the direction and content of personal strivings. Particularly, in the case of past-oriented perspectives, there will be a tendency to "avoid", and in the case of future-oriented perspectives, there will be an "approaching, acquiring" tendency in personal strivings.

Research sample and methods. The research sample consisted of 117 young people aged 18 to 30 in different regions of the Republic of Armenia and in the capital Yerevan, of which 79.7% were female, 20.3% were male.

Zimbardo's Questionnaire of Time Perspectives and Time Perspective "Transcendent Future"[5], a Personal strivings Package developed by Robert Emmons were used.[3]

The multilevel analysis was carried out: correlational analysis on sample level, group comparison between different time perspectives based on qualitative analysis.

Research results and conclusion. Correlational analysis indicates on positive correlation with $P < 0.05$ significance between the "Future" time perspective and the "Importance" category of personal strivings ($r = 0.207$), positive correlation with significance $p > 0.01$ between the time perspective "Future" and the category of "Probability of success" ($r = 0.263$). An inverse correlation was established between the time perspective "Future" and the category "Simplicity" with a significance of $p < 0.05$ ($r = -0.199$).

We also carried out the analysis of personal strivings between groups by personality time perspective. Generalizing the data of the analysis carried out by us, we can say that we have a group difference according to the type of expression of the time perspective. In particular, in the case of the "negative past" time perspective, the strivings expressing evasive, non-adaptive contents prevail, in the case of the "future" time perspective, the strivings expressing the contents of intimacy/closeness, as well as self-actualization are expressed. In the case of the "hedonistic present" temporal perspective, the strivings expressing the acquisition of material resources as well as management contents were expressed. In the case of the "transcendent future" time perspective, strivings expressing religious content were expressed that were not noticeable in other groups.

Our findings suggest that we can use the findings from the study to help shape more constructive, specific patterns of personal strivings in young people, influenced by time perspective, that can provide a motivational flow for realizing those aspirations.

References

1. **Emmons R.A.** Psychology of higher aspirations / Per. from English: Ed. D. A. Leontiev.-M.: Meaning, 2004.-416 p
2. **Emmons, R.A.** Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being. *Journal of psychology and Theology*, 19, 35-48
3. **Ford, D., Nichols, C.** A taxonomy of human goals and some possible applications. In M.E. Ford, D.H. Ford *Humans as self-constructing living systems: Pulling the framework to work* pp. 289-311
4. **Leontiev A.N.** Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 1975.
5. **Zimbardo F., Boyd J.** The paradox of time. A new psychology of time that will improve your life. St. Petersburg: Rech, 2010. 352 p. *life. St. Petersburg: Rech, 2010. 352 p.*

ENSURING THE NORMAL FUNCTIONING OF A PERSON IN A CONTINUOUSLY ANXIOUS SITUATION

*Mkrtchyan Armine (Public Administration Academy of the RA, Yerevan, Armenia)
mkrtchyanarmine@gmail.com*

This study explores the impact of post-war conditions on individuals in Armenia, focusing on feelings, behavior, and performance. Findings from 586 participants highlight the influence of coping mechanisms, anxiety levels, and behaviors on performance. Emphasizing task-oriented coping, anxiety reduction, and alleviating uncertainty and tension is crucial for psychological training/therapy programs.

Keywords: *Change in Performance, Tension on the Border, Anxiety, Change in Feelings, Coping Strategies, Psychological Support.*

Within the framework of this study, the continuously anxious situation is considered to be the period from the 2020's 44-day war between Armenia and Azerbaijan to the present day, characterized by border tensions and the threat of another war in Armenia. A normal functioning is considered to be the constant level of the performance of an individual.

Relevance: Conducting a research to ensure the normal functioning of people in a continuously anxious situation is especially relevant in the context of Armenia, given the ongoing conflict and the likelihood of a recurrence of war. The unresolved conflict and ongoing incidents on the border with Azerbaijan create a permanent unsettling atmosphere for those who live in the border, as well as non-border regions of Armenia. This affects their ability to perform everyday life and work tasks.

Therefore, it is important to conduct research on effective strategies for maintaining a high level of performance in people living in a situation of continuous anxiousness.

Purpose: The purpose of the study is to explore the performance characteristics of a person living in war-torn areas, under continuous border tension and the risk of repeated war, depending on their feelings, behavior and personal characteristics.

Hypothesis: The hypothesis of this research posits that during periods of war or the threat of war, individuals residing in impacted regions undergo alterations in their emotions, behaviors, and performance levels.

The methods of the research as the following:

- Interview
- Survey
- Testing

The methodologies used during the research are the following:

- McCrae and Costa's "Big Five" five-factor personality test [1]
- Spielberger-Khanin's "State-Trait Anxiety Inventory" test [2]
- Endler and Parker's Coping Inventory For Stressful Situation [3]
- Tedeschi and Calhoun's Post-Traumatic Growth Inventory [4]

Study sample:

- Total number of participants - 586
- Regions – all regions of Armenia including Artsakh
- Age - 18-55

Research results:

1. The war and post-war situation affected study participant's feelings, behaviors, and performance.
2. Personal coping mechanisms and anxiety levels strongly influence how a person responds to the traumatic experience of war.
3. In the period from 2020 to 2023, the combative and victorious attitude has sharply decreased, anger, helplessness and despair have intensified.
4. In the context of behavioral change, actively following the news feed has the greatest impact on performance decline.
5. The higher the level of anxiety of a person, the greater the likelihood of a decrease in his/her performance.
6. Task-oriented coping strategies (as opposed to emotion-oriented or avoidance-oriented strategies) are more effective in maintaining a high level of performance in continuously anxious situations.
7. Participants in the study who maintained a higher levels of performance experienced a decrease in feelings of stress, uncertainty, and powerlessness over time. And for participants who had decreased performance, these feelings intensified.

Conclusion:

The results of the study revealed the need to develop psychological trainings aimed at the formation of task-oriented coping strategies, reducing the levels of anxiety, reducing feelings of uncertainty, powerlessness and tension.

References

1. **Սերոբյան Ա., Խաչատրյան Ն., Գրիգորյան Ա., Խաչատրյան Ն.** - Անձի դիսպոզիցիոնալ գծեր և սոցիալ-մշակութային կողմնորոշումներ. Հոգեչափողական գործիքների տեղայնացում, 2021 (11-47)

2. Հարությունյան Ն.Ա., Ասրիյան Է.Վ., Ստեփանյան Լ.Ս. - Հուզականային ոլորտի հոգեբանության պրակտիկում, 2014 (80-84)
3. Coping Inventory For Stressful Situation (CISS) <https://www.scribd.com/document/518564512/6-Coping-Inventory-for-Stressful-Situation-CISS#> 13.02.20
4. **Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G.** (1996). The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 9(3), 455–71.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF WOUNDED SERVICEMEN IN THE POST-WAR PERIOD

Mkrtumyan Mels, Mkrtumyan Lilit (Kh. Abovyan Armenian State Pedagogical University, Yerevan, Armenia)
dr-mkrtumyan@mail.ru

The article discusses the post-traumatic conditions of servicemen wounded in the Artsakh War of 2020 during the post-war period. It examines the psychophysiological consequences depending on whether the trauma affected their lower or upper extremities and analyzes the specifics of the process of self-regulation of subjective sensations and mental states during psychosocial and physical rehabilitation.

Keywords: *post-war period, traumatic factors, PTSD, functional capabilities, overall and mental health, psychorehabilitation.*

The issue of rehabilitating participants in military conflicts is one of the most significant psychological challenges in the modern world. Military clashes result in significant casualties among personnel, civilians, material assets, and cultural values. The battleground's panorama is unique and invariably exceeds even the most seasoned soldier's personal experiences. Military actions are replete with intense emotional ordeals, which manifest as PTSD in the post-war period [1, p. 110]. Regardless of their professional training and experience, servicemen exposed to war conditions are affected by these factors [2, p. 253].

The objective of this study is to assess the condition of wounded servicemen during the post-war period. Based on the nature of their physical injuries and mental states, this study aims to implement, when necessary, psycho-rehabilitation work to facilitate their smooth adaptation to the social environment and their eventual return to civilian life.

The study involved 60 military personnel, including 20 with amputations of the upper or lower limbs (10 individuals in each group), while the remainder had various bodily injuries. During the study, we identified stress factors characteristic of wartime. The findings from our study and our experience working with wounded servicemen in the 1990s suggest that memories and emotional states, left unprocessed and undervalued as sedimentary psychophysiological phenomena, persist in memory and are subsequently re-experienced. According to our research, wounded servicemen often suffer from emotional distress. Furthermore, the additional burden of limb amputations, which they struggle to come to terms with, compounds their challenges [1, p. 110].

The study also assessed the following:

- Personal anxiety levels using the self-assessment method developed by Ch.D. Spielberger and Yu.L. Khanin.
- Indicators of well-being, activity, and mood (SAM).
- Personal stress resistance using the Holmes and Rahe method.
- Self-assessment of overall and mental health (Dembo-Rubinshtein) [4].

The findings revealed high personal anxiety in 7 out of 10 respondents with amputated lower limbs and in 6 out of 10 respondents with amputated upper limbs. Both groups lacked indicators of low anxiety levels. A significant correlation was observed between high anxiety indicators and the mood of servicemen with lower ($0.5 \leq r \leq 0.7$ $p < 0.01$) and upper ($0.5 \leq r \leq 0.7$ $p < 0.06$) limb amputations. There was a strong correlation between anxiety and stress resistance ($0.7 \leq r \leq 0.9$ $p < 0.032$). Additionally, low indicators of self-assessment regarding overall health and personal happiness were evident.

Psycho-rehabilitation was conducted individually, tailored to the servicemen's conditions and goals. However, a group approach proved to be more effective. Special psycho-regulatory methods, including interviews, recounting, and reevaluation of past events, were used, alongside a comprehensive program of

psycho-muscular training [3, pp. 186-229]. Psycho-rehabilitation efforts were carried out in parallel with physiotherapeutic procedures.

During the first stage of psycho-regulatory work, servicemen objectified and visualized their memories, emotional experiences, and perceptions using specialized equipment.

In the second stage, a special technique was employed to reassess all identified factors, emotional experiences, actions, and unresolved issues.

Finally, the third stage involved the reevaluation of values, discussions on the meaning of life, activation of motivations to reintegrate into society, and the establishment of specific life goals and near-future tasks.

In conclusion:

- The post-war period represents a critical phase for servicemen's socio-psychological adaptation, allowing them to comprehend and reevaluate their challenging wartime experiences. These sedimentary phenomena manifest in behavioral, functional, and psycho-physiological aspects, affecting overall and mental health.
- In the post-war period, military personnel often experience heightened anxiety levels, difficulty controlling emotional reactions, low stress resistance, and poor self-assessment of overall and mental health. These factors are influenced by the nature of their clinical problems, such as amputation of upper or lower extremities or other injuries.
- Servicemen's attitudes toward past, present, and future temporal factors, as well as their emotional experiences, vary and are subjective. Those with post-traumatic stress disorder tend to emphasize the past.
- The success of psycho-regulatory processes depends on motivational and attitudinal aspects of the individual's personality, as well as their unique capacities, faith, and self-confidence.

Resources

1. **Kadyrov R.V.** Post-traumatic stress disorder (PTSD). –SPb., 2012. Ё2 110-111. (in Russian)
2. Lazarus R. S., Theory of stress and psychophysiological research. Emotional stress (ed. L. Levy), L., 1970, p. 253. (in Russian).
3. **Mkrtumyan M.P.** The system of psychological protection of the life of people in extreme conditions / dis. on the competition. Doctor of Psychology / Tbilisi 2002, 285p. (in Russian)
4. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Tutorial. / ed. comp. D.Ya.Raigorodsky. - Samara: Ed. House "BAHRAKH", 1998. -672p. (in Russian).

THE JOINT DECISION-MAKING IN COMPUTER-MEDIATED INTERACTION: THE ROLE OF CONFIDENCE

*The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01456
Moroshkina Nadezhda, Tolstova Ekaterina (St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia)
n.moroshkina@spbu.ru*

The paper presents the results of a study demonstrating that during computer-mediated interaction partners make use of social verification of their judgements: they orient on concurrence with partners opinion. The confidence, conveyed either directly or indirectly, had a significant effect on answers change. However, only the direct communication of confidence raised participants accuracy, thus demonstrating the effect «two heads are better than one».

Keywords: *social verification, computer-mediated interaction, making judgments, confidence in the answer.*

СОВМЕСТНОЕ ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ ПРИ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: РОЛЬ УВЕРЕННОСТИ

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ №22-28-01456
Морошкина Надежда, Толстова Екатерина (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)*

В работе представлены результаты исследования, свидетельствующие, что в ходе компьютерно-опосредованного взаимодействия участники прибегают к социальной верификации своих суждений – ориентации на совпадение мнений с партнером. Уверенность, переданная косвенным или прямым способом, значимо влияла на изменение ответа. Однако только при прямой передаче уверенности участники повысили точность ответов, демонстрируя эффект «две головы лучше».

Ключевые слова: социальная верификация, компьютерно-опосредованное взаимодействие, вынесение суждений, уверенность в ответе.

Принимая решения или вынося суждения в условиях неопределенности, люди часто советуются с другими, стараясь повысить точность своих ответов. Данный вид проверки получил название социальной верификации знаний (Бандура, 2000). Действительно, в ряде случаев, когда люди выносят решения независимо друг от друга, и эти решения совпадают, это может указывать на их правильность. Если же решения не совпадают, возникает вопрос, кто из партнеров ближе к истине. В серии работ было показано, что в ситуации несовпадения мнений люди склонны ориентироваться на мнение более уверенного участника, т.е. они используют эвристику уверенности (Swol & Sniezek, 2005), и это часто помогает повысить точность совместных решений по сравнению с индивидуальными, приводя к эффекту «две головы лучше» (Koriat, 2012). Также в ряде исследований было показано, что уверенность может передаваться не только напрямую, т.е. через вербальные оценки, но и косвенно, например, через мимику, жесты, скорость ответа и др. (см. например: Savina, Moroshkina 2019). В наши дни все большая часть коммуникации, в том числе профессиональной, осуществляется с помощью компьютерно-опосредованного взаимодействия. Интернет и современные средства связи значительно расширили наши возможности по быстрому обмену мнениями с другими людьми. Однако пути передачи уверенности при таком способе обмена мнениями остаются слабо изученными, особенно это касается косвенных способов передачи информации об уверенности в ответе и других метакогнитивных сигналов. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проверить, влияет ли способ передачи уверенности (прямой – оценка уверенности, или косвенный – скорость ответа) на то, будет ли учитываться мнение партнера при компьютерно-опосредованном взаимодействии.

Гипотезы:

1. В отсутствии объективной обратной связи на изменение ответа влияет совпадение или несовпадение первоначальных ответов партнеров: совпавшие ответы сохраняются с большей вероятностью.
2. При несовпадении ответов если уверенность участника ниже, чем у его партнера, то он чаще будет менять свой ответ в пользу напарника, как в группе с прямой, так и с косвенной передачей уверенности.
3. Пересмотренные ответы участников будут более точными, чем их начальные ответы (эффект «две головы лучше»). Этот эффект будет сильнее выражен в группе с прямой передачей уверенности.

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен эксперимент по межгрупповому плану. В исследовании приняло участие 68 добровольцев (20 мужчин) в возрасте от 18 до 33 лет ($M = 22,2$, $SD = 3,15$), которых распределили на пары так, чтобы они не были знакомы друг с другом, были одного пола и примерно одного возраста. Половина пар участников случайным образом попала в группу, где информация об уверенности передавалась в виде прямой оценки (ЭГ-п), вторая половина пар попала в группу, где информация об уверенности передавалась косвенно через сообщение о том, кто из партнеров ответил быстрее (ЭГ-к). Исследование проводилось очно, в лаборатории: каждая пара участников работала за одним компьютером с двумя клавиатурами. Между столов участников находилась ширма, благодаря чему они не видели друг друга. При этом монитор компьютера располагался посередине так, чтобы оба участника видели весь экран.

В качестве основной задачи участникам предлагались задания из теста читательского опыта (Чернова, Бахтурина, 2021). Суть заданий состоит в том, что участнику предъявляется имя и фамилия человека, и он должен определить, являются ли они именем и фамилией реального писателя или нет. Для создания высокой степени неопределенности были отобраны имена малоизвестных писателей, которых, согласно данным апробации теста, люди часто идентифицируют неверно. Всего было отобрано 60 имен

(30 – писатели и 30 – нет), из которых было составлено два сбалансированных по сложности списка по 30 имен.

Процедура эксперимента включала два этапа. На первом этапе участники выполняли задания индивидуально. На экране последовательно в случайном порядке предъявлялось 30 имен с вопросом: «Это имя настоящего писателя?». Время предъявления составляло 10 секунд, в течение которых участникам нужно было нажать на клавишу (Да/Нет). После завершения всех проб на экране предъявлялась обратная связь о проценте правильных ответов каждого из участников. Затем сразу начинался второй этап с новыми 30 задачами, в котором участники сначала вводили свой начальный ответ, затем знакомились с мнением партнера, после чего вводили свой повторный ответ. В ЭГ-к участники видели на экране сообщение о готовности партнера, появлявшееся в тот момент, когда он дал свой начальный ответ. В ЭГ-п сообщение о готовности не показывалось, но оба участника должны были сообщить о своей уверенности в начальном ответе (уверен / не уверен). В обеих группах после первоначального ответа участникам показывали на экране в течение 5 с их ответ и ответ партнера, в ЭГ-п также предъявлялась информация об уверенности. Затем все участники должны были дать повторный ответ и в ЭГ-п – повторную оценку уверенности.

Анализ результатов проводился с помощью программы SPSS Statistics 23. Для проверки первой гипотезы о социальной верификации был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями с агрегацией по испытуемым. В качестве зависимой переменной выступала доля совпадающих ответов, в качестве независимой – тип ответа (начальный/ повторный). Обнаружено, что в обеих группах доля совпадающих ответов увеличивается при повторном ответе: в ЭГ-п с 0,58 (SD=8.9) до 0,77 (SD=9.5), в ЭГ-к – с 0,57 (SD=9.7) до 0,75 (SD=10.4), это увеличение статистически значимо ($F(1, 66) = 267.84$; $p < .001$). Далее был проведен анализ взаимосвязи времени ответа и уверенности в группе с прямой передачей уверенности (ЭГ-п). Это послужило независимой проверкой того, что в нашей задаче время ответов действительно может использоваться как косвенный сигнал об уверенности. Время уверенных начальных ответов составило в среднем 3,44 сек (SD=0,87), а неуверенных - 2,6 сек (SD=0,68), это различие статистически значимо ($F(1, 67) = 19.25$; $p < .001$). Таким образом, в ЭГ-п неуверенные ответы были значимо медленнее уверенных.

Затем мы проверили гипотезу о том, что на вероятность изменения ответа в ЭГ-к влияет фактор совпадения ответа с мнением партнера, а также фактор уверенности, передаваемой через скорость ответа. Для этого был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями с агрегацией по испытуемым. Обнаружено значимое влияние фактора уверенности ($F(1, 62) = 4.052$; $p = .048$), фактора совпадения начальных ответов ($F(1, 62) = 90.82$; $p < .001$) и их взаимодействие ($F(1, 62) = 4.628$; $p = .035$). Если ответы совпадают, то не важно ответил ли человек первым или вторым, так как средний процент изменения ответа небольшой. А если ответы не совпадают, то чаще изменяет ответ тот, кто изначально ответил позднее своего партнера.

Для проверки влияния факторов совпадения ответов и уверенности, передаваемой через эксплицитные оценки, на вероятность изменения ответа в ЭГ-п был проведен аналогичный анализ. Обнаружено значимое влияние фактора уверенности ($F(1, 65) = 33.736$; $p < .001$), фактора совпадения ответов ($F(1, 65) = 54.449$; $p < .001$) и их взаимодействия ($F(1, 65) = 20.383$; $p < .001$). Если ответы совпадают, то уверенность практически не влияет на изменение ответа, так как средний процент изменения ответа небольшой. А если ответы не совпадают, то чаще изменяет ответ тот, кто был не уверен.

Дополнительно для проверки вклада как собственной уверенности, так и уверенности партнера в изменение ответа в ЭГ-п был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями с агрегацией по испытуемым, только для изначально не совпадающих ответов. Обнаружено значимое влияние фактора собственной уверенности ($F(1, 50) = 75.1442$; $p < .001$), уверенности партнера ($F(1, 50) = 12.202$; $p = .001$) и их взаимодействие ($F(1, 50) = 5.209$; $p = .027$). Таким образом, если участник уверен, то он в целом мало меняет ответы, вне зависимости от уверенности напарника. А когда участник не уверен, то он в большей степени склонен менять ответ, когда напарник уверен, чем когда оба не уверены.

Для проверки третьей гипотезы об увеличении доли правильных ответов на втором этапе был проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями (начальный и повторный ответы во втором этапе) с агрегацией по испытуемым. Анализ показал, что средняя доля правильных ответов в ЭГ-п возрастает с 0,56 (SD=10) до 0,59 (SD=11) и это различие статистически значимо ($F(1, 33) = 9.022$; $p <$

.005). Средняя доля правильных ответов в ЭГ-к также немного возрастает с 0,59 (SD=14) до 0,61 (SD=11), это различие не достигло стат. значимого уровня ($F(1, 33) = 1.528$; $p = .225$).

Таким образом, в обеих группах при вынесении суждений происходила социальная верификация: в отсутствие объективной обратной связи участники ориентировались на мнение партнера и чаще меняли свой ответ, если тот не совпадал с ответом партнера. В результате количество совпадающих повторных ответов в обеих группах возросло. Также участники опирались на эвристику уверенности. В группе с косвенной передачей участники склонны были чаще менять свой ответ, если видели, что ответили позже напарника. В группе с прямым обменом оценками уверенности, партнеры также учитывали как свою собственную уверенность, так и уверенность партнера. В целом эти данные согласуются с полученными ранее (Van Swol, Sniezek, 2005). Интересно, что только в группе с прямой передачей уверенности доля правильных ответов возросла после пересмотра. Это может указывать на то, что прямой способ передачи уверенности давал более точную информацию, которая коррелировала с правильностью ответов. Дополнительно это может указывать на то, что необходимость эксплицитно оценивать собственную уверенность помогала участникам лучше понять, где вероятность их собственной ошибки была выше. Это объяснение согласуется с другими данными о том, что усиление метакогнитивного мониторинга в задаче может приводить к тому, что уверенность становится сильнее связана с последующим выбором ответа (см. обзор Морошкина и др., 2020).

Список литературы

1. **Бандура А.** Теория социального научения / Bandura A. 1977. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // *Psychological Review*. – P. 191–215. // СПб.: Евразия. – 2000.
2. **Van Swol L. M., Sniezek J. A.** Factors affecting the acceptance of expert advice // *British journal of social psychology*. – 2005. – №. 3. – P. 443–461.
3. **Koriat A.** When are two heads better than one and why? // *Science*. – 2012. – P. 360–362.
4. Savina, A. & Moroshkina, N. Is It Possible to Read Other People's Confidence While Testing Their Implicit Learning? // *The Russian Journal of Cognitive Science*. - 2019. - №6(4), P. 39–49.
5. **Чернова Д. А., Бахтурина П. В.** Разработка русской версии теста на распознавание авторов: инструмент для оценки читательского опыта. // *Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 23–24 июня 2021*. – М., 2021 г. – С. 469–473.
6. **Морошкина Н.В., Зверев И.В., Нездомыйшапко Л.А., Тихонов Р.В.** Метакогнитивный мониторинг и контроль в ситуации распределенного познания // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2023. (в печати).

AUTHENTICITY OF PERSONALITY AND DIFFICULT LIFE SITUATIONS OF STUDENTS

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00262)

Nartova-Bochaver Sofia (HSE, Moscow, Russia)

s-nartova@yandex.ru

Reznichenko Sofia (HSE, Moscow, Russia)

s-nartova@yandex.ru, reznichenko.sofya@yandex.ru

On a sample of 348 Russian sophomore students, the relationship between personal authenticity and difficult life situations was studied. The Moscow Authenticity Scale and the questionnaire Difficult Life Situations of students (DLS-stud) were used. A negative relationship of authenticity with seven out of eight clusters of difficult life situations was found. When dividing the sample by the level of authenticity, it was found that the patterns of connections were somewhat different.

Keywords: *authenticity, agent approach, students, psychological well-being, difficult life situations.*

АУТЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ТРУДНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00262)

Нартова-Бочавер Софья, Резниченко София (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

На выборке из 348 российских студентов-второкурсников изучалась связь аутентичности личности и трудных жизненных ситуаций. Использовались Московская шкала аутентичности и опросник Трудные жизненные ситуации студентов (ТЖС-студ). Обнаружена отрицательная связь аутентичности с семью из восьми кластеров трудных жизненных ситуаций. При разделении выборки по уровню аутентичности было обнаружено, что паттерны связей несколько различаются.

Ключевые слова: аутентичность, субъектный подход, студенты, психологическое благополучие, трудные жизненные ситуации.

Аутентичность личности – это способность человека быть верным своему истинному Я, быть самим собой. В настоящее время в мире лидируют экзистенциальная и личностно-ориентированная концепции аутентичности, которые понимают это качество как благоприятную для адаптации личности диспозицию, способствующую обретению личностной автономии [1; 2]. Многочисленные исследования в России, однако, показывают высокую культурную обусловленность феномена аутентичности, ограничивая возможности использования указанных концепций в России как стране более коллективистической. Следуя требованиям экологической валидности, мы разработали Субъектную концепцию аутентичности, построенную на идеях С.Л. Рубинштейна о единстве человека и мира, в которой это качество рассматривается как верность своей индивидуальности, пространственно-временным обстоятельствам, в которых находится человек, и его предназначению [3]. Таким образом, наше понимание связывает аутентичность не только с индивидуальными качествами, но также с контекстом жизни и картиной жизненного пути. Аутентичность не подразумевает отсутствия стресса и жизненных трудностей, однако предполагает, что человек принимает эти вызовы как нечуждые ему и потому готов эффективно с ними справляться.

Многочисленные работы показывают сильную связь разных показателей психологического благополучия с аутентичностью личности [1, 2, 3]. В данном исследовании мы решили проанализировать возможные связи аутентичности с наличием и паттерном трудных жизненных ситуаций (ТЖС), присущих студенческой траектории развития.

Гипотезы:

1. Аутентичность личности отрицательно связана с выраженностью (ТЖС).
2. Высокоаутентичные и низкоаутентичные студенты имеют разные паттерны ТЖС.

В исследовании приняли участие 348 российских студентов 2 курса разных специальностей (Мвозраст = 20, SDвозраст = 3.0, 293 девушки). Данные собирались в 2023 году. Использовались однофакторная Московская шкала аутентичности (МША), включающая 5 утверждений, и опросник Трудные жизненные ситуации студентов (ТЖС-студ), включающий 49 ситуаций, вызывающих сложности, которые сгруппированы в 8 кластеров: (1) Адаптация к техническим условиям обучения; (2) Адаптация к новой ступени обучения; (3) Недостаток физических и психологических ресурсов; (4) Организация занятий учебным заведением; (5) Социальные условия обучения; (6) Текущие жизненные задачи; (7) Адаптация к новому месту; (8) Потери и страх потерь [4; 5]. Содержательно кластеры отличаются мерой личной свободы в преодолении трудностей и локусом ответственности. Так, если организация занятий учебным заведением неподвластна воле студентов, то совладание с текущими задачами или адаптация могут отчасти регулироваться их собственными усилиями.

Все используемые шкалы продемонстрировали удовлетворительную надежность (альфа Кронбаха варьировала от 0.51 до 0.80, что позволяет осуществлять дальнейший анализ). Больше всего волнуют студентов трудности адаптации к новой ступени образования и недостаток ресурсов, меньше всего – адаптация к новому месту. Корреляционный анализ на всей выборке показал отрицательные связи аутентичности со всеми кластерами, за исключением седьмого. Более детально, коэффициенты корреляции Пирсона при $p < 0.05$ составили: $r = -0.16$ с трудностями адаптации к техническим условиям

обучения, $r = -0.13$ с адаптацией к новой ступени обучения, $r = -0.40$ с недостатком физических и психологических ресурсов, $r = -0.16$ с трудностями организации занятий, $r = -0.28$ с социальными трудностями обучения, $r = -0.12$ с трудностями решения текущих жизненных задач и $r = -0.14$ со стрессом от возможных потерь. Полученные результаты подтверждают первую гипотезу. Однако корреляционный дизайн не позволяет сделать заключение о том, что аутентичность в данном случае – это протектор против стресса и проблем. Поскольку аутентичность как свойство личности обладает своим генезисом и развивается по мере приобретения жизненного опыта, можно также полагать, что большие испытания ведут к утрате аутентичности. Эта мысль особенно подтверждается тем фактом, что люди, страдающие от недостатка ресурсов, имеют более низкий уровень аутентичности, в соответствии с древнегреческим пониманием этого качества как показателя жизнестроительства.

Для проверки второй гипотезы мы разделили выборку по медиане показателя аутентичности, составившего 19 баллов, на группы низкоаутентичных и высокоаутентичных студентов. Сравнение показателей выраженности ТЖС по всем кластерам, кроме седьмого, с использованием критерия U Манна-Уитни, показало значимо более высокий уровень всех ТЖС в группе низкоаутентичных. Корреляционный анализ показал, что при разделении на группы образовались новые связи между аутентичностью и ТЖС, более скудные, по сравнению с анализом на общей выборке. Так, в группе высокоаутентичных были получены показатели $r = -0.23$ и $r = -0.33$ с трудностями адаптации к новой образовательной степени и переживанием нехватки ресурсов, а в группе низкоаутентичных – показатели $r = -0.20$ и $r = -0.21$ также с переживанием нехватки ресурсов и социальными трудностями обучения, подразумевающими наличие конфликтов и недопонимания с преподавателями и другими студентами. Эти данные подтверждают вторую гипотезу.

Итак, аутентичность личности в студенческой группе, как и предполагалось, действительно оказалась отрицательно связана с выраженностью трудных жизненных ситуаций. Чем сильнее аутентичность, тем меньше невзгод и вызовов встречается на жизненном пути молодых людей; верно и обратное. Обнаружено также, что паттерны связей несколько различаются в группе высоко- и низкоаутентичных студентов, однако общей является отрицательная связь аутентичности с переживанием недостатка ресурсов и жизненных сил. Полученные данные могут быть использованы для спецификации способа совладания с выделенными ТЖС: в каких-то случаях это может быть изменение работы регламента учебного офиса, в каких-то – разработка психоразвивающих программ психологическими службами вузов, а в иных – выработка индивидуальных способов самопомощи.

Список литературы

1. **Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J.** The authenticity scale: validation in Russian culture //Frontiers in psychology. 2021. Т. 11. С. 609617.
2. **Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И.** др. Краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России //Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. №. 3. С. 150-171.
3. **Нартова-Бочавер С.К.** Аутентичность личности как предиктор совладания со стрессом и его возможный эффект // Человек. 2023. № 4 (в печати).
4. **Reznichenko S. I., Nartova-Bochaver S. K., Irkhin B. D.** Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. Т. 14. №. 3. С. 81-102.
5. **Нартова-Бочавер С.К., Бардадымов В.А., Ерофеева В.Г., Хачатурова М.Р., Хачатрян Н.Г.** Трудные жизненные ситуации обучающейся молодежи // Вопросы образования. 2023. № 4 (в печати).

CHARACTERISTICS OF THE COMPETENCIES OF THE PEDAGOGICAL STAFF IN THE CURRENT CRISIS SITUATION

*The study was carried out with the financial support of «Project 21T-5A044» Papoyan Varduhi, Galstyan Alina, Sargsyan Diana, Karapetyan Milena (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
vpapoyan@ysu.am, alinagalstyan@ysu.am ,dianasargsyan@ysu.am, karapetyanmilena@gmail.com*

Recently, the changes taking place in RA due to the long-term crisis situation (war, covid-19 consequences) are challenging for professional abilities, among which we specifically referred to the professional competencies of pedagogical staff and their changes based on the effects of the crisis.

The paper presents the results of the study of the teaching staff competencies from the standpoint of mental activation, emotional tone and stress resistance parameters. Our goal is to show the manifestation of the above qualities as an additional resource in pedagogical activity, as well as the acquisition of new competencies. It is important to note that the modern conditions have been challenging for the professional competencies of pedagogical staff with the need to use technologies, as well as the changes that lie ahead came as a result of a number of effects caused by the crisis situation.

Keywords: *professional competencies, pedagogical staff, crisis situation, psychological activation, emotional tone, stress.*

It is relevant to study the features of psychosocial factors affecting the activity of pedagogical staff due to the influence of crisis conditions. Crisis effects contribute to the changes in psychosocial factors and bring new requirements for professional competencies.

The purpose of the article is to study the interdependence of the level of stress and psychological activity in the process of forming the professional skills of teaching staff in crisis conditions.

Taking into account the psychosocial changes caused by the crisis factors of recent years and their impact on professional competencies, the article examines the relationship between stress factors, mental activity, and emotional tone in the manifestation of professional competencies.

The study was conducted with teachers from both community and city schools of the Republic of Armenia, a total of 162 people. The results of 158 respondents were valid, 103 of which are teachers (51 residents of Yerevan and 52 residents of the regions) and 55 multidisciplinary team members (psychologists, social workers, speech therapists, and special pedagogues etc.), of which 24 residents of Yerevan and 31 residents of the regions.

We proposed the following research questions:

- What is the relationship between stress level and emotional tone among teachers and multidisciplinary team members?
- The manifestation of the level of stress and emotional tone in connection with the place of pedagogue's residence.

The following methods were used:

1. Dato's stress test - to identify the level of stress expression of people aged 18 and older. It includes 50 personal manifestations, which are grouped into three profiles: Psychophysiological, Personal needs and Personal abilities.
2. Assessment of mental activation and emotional tone - Mental activation, emotional tone and the stress assessment methodology is developed based on the modified stimulus material of the methodology. self-awareness, activity, mood (SAM). This methodology consists of 20 pairs of opposite statements with semantic content, which characterize mental activity, interest, emotional tone, tension and comfort.

Results and Discussion

Statistical analyses were performed using SPSS Statistics for windows, version 21.0. The results of the correlation analysis between the components of the methods used are presented and the t-test of the studied factors is calculated for independent samples of urban and community teachers.

A correlation analysis was carried out between the components of stress (profile of Psychophysiological manifestations, Personal needs and Personal abilities) and factors of mental activation and emotional tone (mental activity, interest, emotional tone, tension, comfort).

Below is a correlation analysis for a group of teachers. Positive correlations were found between the profile of Personal psychophysiological manifestations and mental activity ($r=0.481$; $p<0.001$), interests ($r=0.435$; $p<0.001$); profile of Personal needs with emotional tone ($r=0.505$; $p<0.001$) and comfort ($r=0.431$; $p<0.001$); profile of Personal abilities and emotional tone ($r=0.564$; $p<0.0001$).

Negative correlations were found between the profile of Personal psychophysiological manifestations and emotional tone ($r=-0.489$; $p<0.001$), comfort ($r=-0.515$; $p<0.0001$); profile of Personal needs and mental activity ($r=-0.290$; $p<0.01$), interest ($r=-0.352$; $p<0.01$); profile of Personal abilities and mental activity ($r=-0.361$; $p<0.01$) and emotional tone ($r=-0.447$; $p<0.001$).

For a multidisciplinary team, correlation analysis has the following picture.

Positive correlations were found between the profile of Personal psychophysiological manifestations and mental activity ($r=0.489$; $p<0.001$), and with interest ($r=0.395$; $p<0.01$). There is also a correlation between the profile of Personal Needs with emotional tone ($r=0.466$; $p<0.001$), and with comfort ($r=0.319$; $p<0.01$). High correlations were found between Personal Abilities with emotional tone ($r=0.493$; $p<0.001$) and with comfort ($r=0.412$; $p<0.001$).

In addition, negative relationships were found between the profile of Personal psychophysiological manifestations with emotional tone ($r=-0.596$; $p<0.0001$), and with comfort ($r=-0.585$; $p<0.0001$); the profile of Personal needs with interests ($r=-0.296$; $p<0.01$), as well as the profile of Personal abilities with mental activity ($r=-0.472$; $p<0.001$) and with interests ($r=-0.488$; $p<0.001$).

The significant difference between the samples of teachers from Yerevan and the regions of Armenia is presented as follows: in terms of mental activity - $t=3.063$; $p<0.001$, emotional tone - $t=1.930$; $p<0.05$ and comfort level - $t=2.320$; $p<0.01$. Multidisciplinary specialists from Yerevan and the regions of Armenia did not differ in the profile of personal manifestations and emotional characteristics. It is assumed that this depends on the specifics of the activities of teachers. In the regions there is no clear differentiation between the functions of teachers and special teachers, who are included in a multidisciplinary group. In urban schools, the functions of both teachers and representatives of multidisciplinary groups are more clearly differentiated.

Thus, in professional activity there are specific personal characteristics, the combination and interrelation of which forms new competencies among teachers, depending on variable conditions and stress factors. These indicators are very relevant at the present time, which puts forward new challenges for the consideration and research of professional, psychophysiological and personal competencies of teachers.

References

1. **Papoyan V., Galstyan A., Sargsyan D.**, (2022). Transformation of Professional Psycho-social Competencies in Crisis Conditions: Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology, 13(1 (37), p. 52–58. <https://doi.org/10.46991/BYSU:E/2022.13.1.052>
2. **Nessipbayeva O.** The competencies of the modern teacher, Pre-service and In-service teacher training, 2012, p. 148-154.
3. **Jefferey Sprenger**, Stress and coping behaviors among primery school teachers, East Carolina university, 2011, p. 34-44.
4. **Wan Hussin**, 3-D stress management: Surveying the unexpected and mapping the expected, 9th International Surveyors Congress, 2007, p. 34-44.
5. 21st century knowledge and skills in educator preparation, this paper has been produced as part of a collaborative project by the American Association of Colleges of Teacher Education and the Partnership for 21st Century Skills (P21), 2010, p. 40.

THE SIGNIFICANCE OF FINANCIAL LITERACY IN ACHIEVING PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

Petrosyan Nvard (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

nvardp21@gmail.com

Nowadays many companies, banks represent many different products and services connected with financial transactions. Understanding these processes can influence on decision making processes and avoiding financial pitfalls, planning the future effectively, protecting themselves from fraud, reduce financial stress as well empower people to take charge of their financial well-being.

Keywords: economical psychology, consumer psychology, psychological well-being, financial stress, financial knowledge.

In nowadays life financial literacy is crucial. Both youth, adults and teenagers should know simple rules of finances. Financial literacy is basically about Budgeting, Saving and Investing, Managing Debt, Understanding Financial Products, Financial Goal Setting, Consumer Awareness and other significant areas. There are several researches proofed that financial literacy is also affecting psychological well-being (Lone U. M., Bhat S. A., 2022). With financial literacy, people can set more realistic goals, be aware of their decisions, leads to financial independence, reduced stress, and improved overall well-being. Well-being refers to the state of overall health, happiness, and contentment in an individual's life. It encompasses physical, emotional, social, and mental dimensions, reflecting a balanced and fulfilling existence. Well-being plays a crucial role in personal satisfaction and is essential for a high-quality life. (Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S. 2002.)

The aim of this study is to figure out if there are additional factors that can be correlated with financial literacy and psychological well-being.

The hypothesis emphasizes an opposite relationship between current money management stress and positive relations, self-acceptance, and general psychological well-being. As financial literacy improves, money management stress decreases, leading to improvements in positive relations and self-acceptance, ultimately enhancing overall psychological well-being.

The study was conducted through 100 people of different age, diverse educational backgrounds, genders.

As a research method we used the Ryff psychological Well-Being Scale, which reveals autonomy, environment mastery, personal growth, personal relations with others and purpose in life. The second test was about financial literacy, which was based on 8 checking main areas. financial awareness, financial experience, financial skills, self-efficacy, financial preparedness for emergency, current money management stress, perceived financial security. We also added some socio-demographic questions.

The results have shown that social-demographic factors like age, gender as well as profession are not correlating with psychological well-being or literacy. The study shows that one's profession does not influence neither their psychological well-being nor literacy.

The total scores of psychological well-being and financial literacy are not directly correlated, which means that generally literacy is not affecting well-being globally Nevertheless, the current money management stress is in inverse correlation relation with personal relations with others, financial self- efficacy and total score of psychological well-being. That means that the lower is current money management stress the better are personal relations with others, etc.

The third interesting finding is that financial self-efficacy is correlating with “personal relations with others” ($p=.003$). That means that if the person is sure about his money and future he/she is able to build healthy relations with the environment.

References

1. **Lone U. M., Bhat S. A.** Impact of financial literacy on financial well-being: a mediational role of financial self-efficacy //Journal of Financial Services Marketing. – 2022. – c. 1-16.
2. **Ryff C. D., Singer B.** Psychological well-being: Meaning, measurement, and implications for psychotherapy research //Psychotherapy and psychosomatics. – 1996. – T. 65. – №. 1. – c. 14-23.
3. **Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S.** (2002). Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. Handbook of Positive Psychology, pp.63-73.

STUDY OF THE INTERRELATION BETWEEN KNOWLEDGE OF PSYCHOLOGICAL SELF-REGULATION METHODS OF THE PERSON AND MINDFULNESS (EXAMPLE OF TEACHERS)

Poghosyan Sona, Gevorgyan Astghik (Public Administration Academy of RA, Yerevan, Armenia)

sona.poghosyan@paara.am, astgh.gevorgyan@gmail.com

In the article, we present the responses or coping mechanisms to stressful situations given by the teachers. Based on the teachers' answers, we have distinguished adaptive and non-adaptive coping mechanisms. Referring to the methods of psychological self-regulation, we presented the role of psychological self-regulation and particularly mindfulness meditation in the process of overcoming stress. During the experimental research, we tried to find out how teachers' knowledge and application of psychological self-regulation methods correlates with mindfulness.

Keywords: *self-regulations, stress, mindfulness, coping mechanisms, adaptive, maladaptive, teacher, education.*

Introduction. In the context of rapid developments in the world, the educational system slowly undergoes certain changes, presenting new demands on the professional and psychological qualities of the representatives of the educational system. The demand of the current world is the formation and development of such a person who is capable of self-regulation, which is an especially important ability for the activity of teachers. The need for self-regulation for teachers is emphasized by the fact that they work in the constant tension, with the new demands presented by the students and their parents, school directors and education officials. This requires having stress resistance, self-regulation skills, high awareness, increased professional skills and self-development. In their work, teachers are constantly faced with the need to manage their own emotions and thoughts, while at the same time live in nowadays uncertain and complex situations.

Psychological self-regulation becomes a tool for teachers to face uncertain situations, to be conscious and regulate behavior, to act «here and now». Mastering the psychological self-regulation skills is important not only for self-realization, psychological well-being, but also for understanding the emotional state of students and influencing them. Psychological self-regulation provides an opportunity to control perception, attention, thinking, speech, imagination, memory, behavior, emotions, which is difficult to control in case of fatigue, tension and stress. At the same time, during the preparation and training of teachers, the issue of mastering psychological self-regulation methods is less emphasized.

The purpose of this article is to study the importance of psychological self-regulation among teachers, as well as their level of mindfulness.

We put forward a hypothesis according to which teachers' knowledge and use of the self-regulation methods contributes to the increase of mindfulness and its facets, which are observing, describing, acting with awareness, nonjudging, and nonreactivity.

The sample. The research was conducted among 102 teachers of different public schools. The data of 99 are valid.

Methodology. Survey, testing and content analysis methods were applied. We applied localized version of Five Facet Mindfulness Questionnaire [1] and Mindfulness experience questionnaire. The purpose of the questionnaire was to find out the self-regulation mechanisms of teachers in case of stress, emotional tension and overwhelming thoughts, as well as to find out how much teachers are aware of and use self-regulation methods.

Results. To overcome stress or tension, teachers use both adaptive and maladaptive coping strategies. People usually use different responses to the stress. Some are more adaptive than others, which are more maladaptive. Maladaptive strategies are actions that a person takes to temporarily reduce stress. They are useful in the short term, but in the long term they badly affect human health and well-being. Such behaviors include compensatory or comfort behaviors, such as overeating, smoking, drinking, and avoidance. [4, p. 208]

Adaptive coping strategies have a positive effect on a person's health and well-being in the long term. Support, problem solving, humor, physical activity, relaxation and its various manifestations, including mindfulness meditation, are adaptive. The latter helps especially to overcome stress, remove emotional and

physical tension. It is a powerful method of relaxation, which gives the opportunity to quickly relax, restore strength, and work capacity. [3]

It should be noted that the selection of coping strategy in stressful situations and its adaptability also depends on the situation and personal factors. Below are presented the adaptive and maladaptive coping strategies used by teachers (Table1).

Table 1

Adaptive coping mechanisms	Coping mechanisms used by teachers
Support	Speak and share with others (13)
Relaxation	Listen to music (18), Crying (5), Breathing (3), Pray (2), Paint (2)
Humor	Focusing on the positive things (10)
Physical Activity	Walking(2)
Maldaptive coping mechanisms	Coping mechanisms used by teachers
Avoidance	Distraction (11), Stay alone (5), Additional sleep (4)
Unhealthy self-soothing	Watch TV shows or movies (4), Shopping (4)
Numbing	Eat or drink (6), Alcohol (1), Tranquilizer (1)
Compulsivity	Make the day super full (5)

Summarizing the content analysis data, we got the results, which show to what extent teachers are aware and use self-regulation methods, how they overcome stressful situations.

To get rid of an emotional outburst, teachers most often suppress it (16), stay alone, cry and keep silent (22), try to self-control their emotions (26), count (14), try to focus on the positive things (14), speak, express themselves (10). Teachers rarely do physical exercises, dance, and take care of the garden, read Narekatsi.

To get rid of many thoughts, 58 of the teachers engage in other activities (watching a movie, reading a book, talking with other people, listening to music). Eleven teachers focus on positive, good thoughts and eight teachers classify their thoughts by importance. One response was recorded in each of the following cases: writes down and throws in the trash can, self-control, does not seek to get free and runs away. For less teachers, many thoughts are even pleasant, in particular the following responses were written: «Sometimes many thoughts help to find the best thoughts, I like to think».

In order to relax muscles, calm strong emotions, and get rid of too many thoughts, 50 of the teachers do not use self-regulation methods. Self-regulation methods are used by 49 teacher, 15 of them practice meditation. 49 teacher, who use self-regulations methods, do that by the following frequency: every day (11), several times a week (12), once a week (5), once a month (4), several times a month (10), several times a year (5).

As for the practicing meditation, 80 teachers does not practice meditation, and 19 teacher practice with the following frequency: every day (4), several times a week (6), once a week (1), once a month (1), several times a month (1), several times a year (4). Teachers mainly practice the following types of meditation: focus on thoughts (11) and emotions (3), breathing (8).

61 teachers want to learn and practice self-regulation techniques and mindfulness meditation. According to the teachers, learning and practicing self-regulation techniques and mindfulness meditation will help focus (2), manage emotions and feelings (7), manage thoughts (5), become stress-resistant (9), calm (11), self-control (10) and self-recognition (2).

Summarizing the results of the survey, we can state that psychological self-regulation, especially mindfulness meditation, is not widespread among teachers, moreover, there is no clear understanding of self-regulation methods, their use and importance. Comparing these results with the study of mindfulness, we note that the level of mindfulness among teachers is average (M=134). All the mindfulness facets are at an average level. If we compare the indicators of mindfulness and its facets between those who use self-regulation methods and especially meditation and those who do not, we notice that the indicators of observing and non-reactivity are high among those who use them. In this regard, it is a remarkable observation that the self-regulation is fundamentally conscious, which is related to the uniqueness of the human psyche and differs from the self-regulation of animals. [2, p. 494]

Conclusion. Summarizing the results, we can conclude that the knowledge of psychological self-regulation methods among teachers is at a low level, and their practice is limited and infrequent, mostly amateur in nature. The use of psychological self-regulation methods, especially mindfulness meditation, gives an opportunity to increase not only the level of awareness, observing, non-reactivity, but also has a positive effect on stress management, emotional and thought regulation. Based on the research data, we suggest that during the preparation and training of teachers, special attention should be paid to the formation of their self-regulation skills, which will give an opportunity to make it one of the necessary components of their professional activity.

References

1. **Poghosyan S., Gevorgyan A.**, Development of self-regulation skills and application of diagnostic methods in work activities, (Աշխատանքային գործունեության մեջ անձի ինքնակարգավորման հմտությունների զարգացումը և ախտորոշման մեթոդների կիրառումը), *Public Administration Journal*, N1, 2023, pp. 288-300.
2. **Morosanova V., I.**, Self-regulation and individuality of a person, (Саморегуляция и индивидуальность человека), Ed. 2, M., Nauka, 2012, 519p.
3. Williams M., Penman D., *Mindfulness: An Eight Week Plan for Finding Peace in a Frantic World*, Rodale, 2011, 288p.
4. **Zeidner M., Endler N. S.**, *Handbook of Coping Theory, Research, Applications*, New York, John Wiley & Sons, Inc., 1996, 798 p.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE CREATIVITY MANIFESTATION OF MODERN MANAGERS†

*Poghosyan Sona (Public Administration Academy of RA, Yerevan, Armenia)
sona.poghosyan@paara.am*

The psychological factors of creativity manifestation and their study results are shown in this article. The aim of this article is to show the psychological factors of the creativity of the modern manager and their correlation. The survey was conducted among 260 middle managers in the private and public sector.

Key words: *creativity, psychological factors, modern manager, personal qualities, motivation, correlation.*

Modern socio-economic changes impose new requirements on the management system. The paradigm of management has changed, where the manager must present himself with new qualities, a new combination of them. In the context of these changes, based on the set of psychological qualities presented to the manager, the psychological portrait of the modern manager is drawn up. The creativity of a person is one of the important qualities in that psychological portrait which is a challenge of new times and an opportunity to propose alternative, new solutions in uncertain and complex situations. However, the topicality and understudied nature of the issue of manager's creativity calls for proposing and developing a new concept for its study. This new concept is based on the premise that managers' creativity is a systemic quality and its manifestation is determined by the presence and interrelationship of a number of psychological factors. We consider personal qualities, motivation, as well as contributing and hindering factors as psychological factors of creativity manifestation. These psychological factors are included as components in the model of creativity research and development proposed by us, and the model has the following structure: the level of creativity, standards, creativity self-evaluation and personal qualities, contributing and hindering factors, motivation and their correlation.

The purpose of this article is to study the psychological factors of the creativity of the modern manager and their correlation.

We put forward the following hypothesis, according to which the manifestation of creativity of a modern manager is determined by a unique correlation of psychological factors, where personal qualities and motivational orientation play a unique role.

† The work was supported by the Science Committee of RA, in the frames of the research project №21T-5A103

The methodological basis of the research is the systemic approach and the principle of development, which assume that creativity is studied and the development process is provided through the system, we consider creativity as a systemic quality that can be developed continuously.

The R. Sternberg and T. Lubart's creativity investment theory, Amabil's creativity approach were served the methodological basis for the research, as well as F. Williams' psychometric approach that identifies dimensions and allows to measure the creativity. The works of M. Nelke and A. Maslow served as a scientific and methodological basis for creating a questionnaire of creativity barriers, and P. Meusbürger (2009), A. Cropley (2006), Frensch and Funke (1995) for contributing factors.

The research sample. the survey was conducted among 260 middle managers in the private and public sector.

Questionnaire, testing and correlation extraction methods were used for the research. F. Williams creativity discovery methods (tests of divergent thinking and personal qualities), Kettel's 16-factor questionnaire, Potemkin's test of "social-psychological positions of a person in the motivational-demand sphere" were used [1,2].

Questionnaires were compiled the barriers and contributing factors creativity, each of which included 19 statements about the studied factor (contributing or hindering), the importance of which was assessed by the participant on a scale of one to six points (the higher the score, the more important the given factor is).

The results of the creativity survey of managers show that their level of creativity is above average $M=72$, (according to the test, 131 is considered a high score of creativity). Indicators of fluency ($M=11$, according to the test, 12 is considered a high score of fluency), flexibility ($M=6$, according to the test, 11 is considered a high score of flexibility), originality ($M=26$, according to the test, 36 is considered a high score of originality) are high, elaboration ($M=16$) is low, creative use of speech is low ($M=16$, according to the test, 36 is considered a high score of elaboration and naming). Self-assessment of creativity is above average ($M=53$, the test norms is 100).

According to the managers, among the factors contributing to creativity are the striving for self-improvement and self-development $M=5.4$, the freedom to express thoughts $M=5.3$, the ability to develop and improve the idea $M=5.3$, the spark of new ideas $M=5.2$, among the least contributing factors is taking creative breaks $M=3.9$, risk-taking $M=4.2$. The barriers of creativity were observed: yielding to the opinion of the majority $M=3.1$, fear of making mistakes $M=3.0$, uniformity, template thinking $M=3$, and reward $M=2.3$, competition $M=2.2$ and self-confidence $M=2.3$ were considered the lowest. It turns out that the modern manager shows his creativity when he is confident, rewarded and there is competition.

Correlational analysis was conducted between creativity dimensions, level, personality qualities and motivational orientation indicators ($n=85$).

The analysis showed that there are significant correlations between flexibility and egoism ($r=.266$, $P<0,01$), altruism and curiosity ($r=.218$, $P<0,01$), power and curiosity ($r=.267$, $P<0,01$), imagination ($r=.246$, $P<0,01$) creativity self-esteem ($r=.252$, $P<0,01$), flexibility and doubt ($r=.220$, $P<0,01$), independence and complexity ($r=.214$, $P<0,01$) negative relationship between work and flexibility ($r=-.264$, $P<0,01$). By combining the research results, we can conclude that the manager's creativity is determined by psychological factors and their unique correlation.

Among the managers, the average high level of creativity is combined with the average level of self-esteem, the striving for self-improvement and self-development, the freedom to express thoughts, the ability to develop and improve ideas, the spark of new ideas, the fear of making mistakes, ordinary thinking and giving in to the opinion of the majority are important contributing factors.

In case of high resilience scores, they care more about themselves, and work is less important. In case of a dominant motivational orientation, they value their creativity, are curious, imaginative, and in case of independence, they tend to solve complex problems.

If we generalize the model, then the freedom to express thoughts, drive, reward, competition, self-confidence, independence from personal qualities, ruling from motivational orientations are important for the manifestation of creativity of a modern manager, the presence of which contributes to the manifestation of their curiosity, imagination, ability to solve complex problems.

Based on all this, we can state that the training and training of modern managers can receive new content, taking into account the importance of creativity as a systemic quality and the specifics of its manifestation.

References

1. **Tunik E.** The best tests for creativity. Diagnostics of creative thinking, St. Petersburg, 2013, - 320 p.
2. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Tutorial. / Ed. and comp. Raygorodsky D. Ya., Samara, 2001, -672 p.

COMPREHENSIVE EVALUATION OF READINESS FOR COMPETITIVE ACTIVITY OF HIGHLY QUALIFIED ATHLETES IN ROWING ACADEMIC

*Popova Irina (BGUFG, Minsk, Belarus)
popovoi@mail.ru*

The use of a comprehensive assessment of the special preparedness and functional state of the systems of highly qualified athletes will improve performance. Applying timely correction of the plan of preparation, recovery, formation of the athletes' fitness rating. The article discusses the development of a scale for assessing the readiness for competitive activity of highly qualified rowing athletes.

Key words: rowing, high qualification, competitive activity.

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ К СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В ГРЕБЛЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ

Попова Ирина (БГУФК, Минск, Беларусь)

Использование комплексной оценки специальной подготовленности и функционального состояния систем спортсменов высокой квалификации позволит повысить результативность. Применяя своевременную коррекцию плана подготовки, восстановления, формирования рейтинга подготовленности спортсменов. В статье рассматривается разработка шкалы оценки готовности к соревновательной деятельности спортсменов гребли академической высокой квалификации.

Ключевые слова: академическая гребля, высокая квалификация, соревновательная деятельность.

Введение. Традиционно в циклических видах спорта и в гребле академической в том числе научный поиск был направлен на контроль отдельных компонентов подготовленности (физический, технический и т.д.) [1,2,3,4]. Что позволяло точно изучить готовность к соревновательной деятельности упуская ряд значимых факторов, которые влияют на готовность спортсмена. Комплексный подход с применением новейших средств и методов оценки готовности к соревновательной деятельности позволит устанавливать факторы риска, своевременно принимать решения по коррекции состояний и оптимизации тренировочных и соревновательных нагрузок, что повысит результативность спортсменов высокой квалификации и продлит длительность спортивной карьеры спортсменов.

Для решение данной задачи целесообразна разработка комплексного продукта, объединяющего деятельность ученых и специалистов различного профиля исследуя все этапы подготовки спортсменов-гребцов[3]. Это позволит получить полную информацию о подготовленности спортсмена, на основании полученных данных разработать методику формирования компонентов соревновательной готовности спортсменов-гребцов высокой квалификации в годичном цикле подготовки.

Цель исследования: Разработка шкалы комплексной оценки готовности к соревновательной деятельности спортсменов гребли академической высокой квалификации.

Организация исследования. В рамках проведенного эксперимента, обследованы спортсмены национальной команды по гребле академической Республики Беларусь (мужчины = 10 и женщины = 20, в возрасте 20-26 лет) в течении годичного цикла подготовки.

Результаты исследования. Для решения задач исследования проведен теоретико-методический анализ и выделены спортивно важные компоненты готовности к соревновательной деятельности спортсмена объединенные в 3 блока: контроль соревновательной деятельности; педагогический контроль (физическая подготовленность); психологический и психофизиологический контроль.

В комплексную шкалу оценки готовности включены 15 тестов по 3 блокам компонентов учитывая критерии надежности и валидности. (таблица 1):

1. Контроль соревновательной деятельности (тесты прохождения дистанции 2000 м. на воде и с использованием гребного тренажера Concept).
2. Педагогический контроль физической подготовленности (тесты общей выносливости, силовой выносливости, максимальной силы, тесты скоростно-силового потенциала нижних и верхних конечностей).
3. Психологический и психофизиологический контроль (пятифакторный опросник личности (Большая пятерка) Р. МакКрае и П. Коста; ведущий мотив спортивной деятельности (МАС) М.Л. Кубышкина; мотивация к тренировкам В.Ф. Сопов; программно-аппаратный метод газоразрядной визуализации (ГРВ) СПбНИИФК; компьютерный диагностический комплекс Психоэрготест БГУ РЦПЧ и др.).

№	3 блока компонентов готовности	Тест и исследуемые показатели	Количественные характеристики (5-балльная шкала)				
			1<	2	3	4	5
1	Контроль соревновательной деятельности (индивидуальные технико-тактические действия)	2 теста (14 показателей)	1<	2	3	4	5
2	Педагогический контроль (физическая подготовленность)	6 тестов (16 показателей)	1<	2	3	4	5
3	Психологический и психофизиологический контроль	10 тестов (20 показателей)	1<	2	3	4	5

Таблица 1 – Комплексная оценка соревновательной готовности спортсменов высокой квалификации в гребле академической.

Для оценки готовности к соревновательной деятельности спортсменов вводятся данные по каждому блоку в таблицу. Затем переводятся из относительных в абсолютные величины в 5-балльную шкалу путем расчета средних арифметических значений согласно закону (нормальной кривой) [4]. Суммированные переведенные в 5-балльную шкалу показателей исследуемых компонентов готовности автоматически переводятся в уровень готовности (1-низкий уровень; 2-уровень ниже среднего; 3-средний уровень; 4-уровень выше среднего; 5-высокий уровень). Уровень готовности рассчитываются путем расчета средних арифметических величин и сигмы (стандартного среднеквадратического отклонения от среднего арифметического) согласно закону (нормальной кривой) [4]. Результат расчетов - заключение по уровню готовности спортсмена к соревновательной деятельности с использованием 5 уровневой шкалы, где 5-группа (высокий уровень 220 баллов); 4 – группа (уровень выше среднего 180 баллов); 3-группа (средний уровень 160 баллов); 2-группа (уровень ниже среднего 120 баллов); 1-группа (низкий уровень 80 баллов).

В ходе эксперимента были выявлены количественные и качественные параметры уровня готовности к соревновательной деятельности, динамика изменений в течении годичного цикла подготовки и взаимосвязь уровня готовности спортсменов гребли академической с результативностью на соревнованиях.

Выводы. Полученные результаты показали, что комплексная оценка готовности к соревновательной деятельности имеет высокую научную и практическую значимость и может быть использованы при разработке методики формирования компонентов соревновательной готовности спортсменов высокой квалификации для совершенствования системы подготовки спортсменов-гребцов.

Список литературы

1. **Бондарчук, А. П.** Управление тренировочным процессом спортсменов высокого класса / А.П. Бондарчук. – М.: Олимпия пресс, 2007. – 271 с.

2. **Ларина, О. В.** Техническая подготовка спортсменов в условиях современного развития академической гребли / О. В. Ларина // сб. науч. ст.: Физическая культура и спорт: интеграция науки и практики: материалы XVII Международной науч. – практ. конф. – Ставрополь, 2020. – С. 247-2
3. **Михута И. Ю.** Современный подход к интегральной оценке степени готовности и подготовленности спортсмена к соревновательной деятельности / И. Ю. Михута, С. Пэн, Л. Ичжэ // Весці БДПУ. 2019. Серія 1. № 2. С. 45-49.
4. **Начинская, С. В.** Спортивная метрология: учеб. пособие для студ. вузов/ С. В. Начинская. – М.: ACADEMIA, 2008. – 239 с.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERETHNIC CONFLICTS

*Reshetnikov Mikhail (East European Psychoanalytic Institute
Saint-Petersburg, Russian Federation)
veip@yandex.ru*

The article discusses the main psychological mechanisms that contribute to the formation of interethnic conflicts. The author describes the following psychological phenomena: historical mental trauma inflicted by a hostile group; narcissism of small differences; identification with the aggressor; transmission of traumatic experiences to the next generations; division of all ideas and all people into 'we' and 'they'; importance of culture and language in the formation and personality's social functioning.

Key words: *mental trauma caused by a hostile group, interethnic conflicts, war.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Решетников Михаил (АНО ВПО «Восточно-Европейский Институт Психианализа» Санкт-Петербург, Российская Федерация)

В статье рассматриваются основные психологические механизмы, способствующие формированию межнациональных конфликтов или провоцирующие их развитие. Автором описываются следующие психологические феномены: историческая психическая травма, нанесенная враждебной группой; нарциссизм малых различий; идентификация с агрессором; передача травматических переживаний следующим поколениям; разделения всех идей и всех людей на наших и не-наших; значение культуры и языка в формировании и социальном функционировании личности.

Ключевые слова: *психическая травма, нанесенная враждебной группой; межнациональные конфликты, национализм, война.*

В этом сообщении мы обратимся к наиболее общим вопросам и психологическим механизмам межнациональных конфликтов и массовых психических травм. Сразу отмечу одну из главных специфик. Когда массовая психическая травма является результатом какой-либо экологической или техногенной катастрофы, обычно она претерпевает специфические трансформации и, независимо от того верят ли пострадавшие в Бога или нет, такие события чаще всего интерпретируются как «Господь посылает нам новые испытания». Их нужно пережить. И постепенно травматические переживания «притупляются» и проходят как бы в «автономном режиме» в течение 3-5 лет.

Совершенно другая ситуация складывается, когда массовая психическая травма наносится враждебной группой, как бывает в случаях межнациональных конфликтов, терактов и войн. В этих случаях начинают действовать качественные иные психологические механизмы, наиболее существенными из которых являются проекция и проективная идентификация, что в целом характерно для клинической паранойи (2, 3). В наиболее примитивном виде этот психологический феномен выражается формулой: «Это не я ненавижу и преследую X, это он ненавидит и преследует меня».

Когда власть в стране (чаще в столице) захватывает агрессивное меньшинство и начинается бытовой террор – очень быстро срабатывает еще один психологический механизм: «идентификации с

агрессором». В его основе лежит страх, а суть его примитивно проста: «Если я тоже стану агрессором, ко мне не смогут применить агрессию». Это мощный мотивационный стимул. И агрессивное меньшинство очень быстро становится большинством. Для выхода агрессии чрезвычайно значим следующей психологический феномен – образ врага. Он обязательно находится или искусно навязывается правящей элитой, и не где-то там за тысячи километров, а рядом, по соседству. Главное – враг должен быть достижим для выпуска агрессии.

Негативное развитие всех этих паранойяльных процессов катализируется «нарциссизмом малых различий». Суть этой психологической феноменологии в кратком варианте можно сформулировать так: «Если кто-то почти такой же, как я - по истории, по языку, по традициям, культуре, обычаям, вере и т.д., но немного отличается – это как бы шарж или карикатура на меня». Естественно, шарж на себя (любимого!) неприятен, и вызывает неудовольствие, а в сочетании с реальной или даже придуманной массовой психической травмой, нанесенной враждебной группой, это может стать источником непримиримой вражды на неопределенный исторический срок.

Следующий психологический фактор – это «передача травматических переживаний следующему поколению» («Trans-generation transmission»). Как было обосновано в ряде исследований после Второй мировой войны, дети выживших формируют специфическую память и специфическое отношение к трагическим событиям в истории их предков, свидетелями которых они не были, и быть не могли. В итоге, одной из психологических задач следующих поколений является потребность сохранить память о травме предков и отреагировать ее. В некоторых случаях эта задача ведет к формированию особого психологического феномена – «избранной травме конкретного народа». Самым известным вариантом такой избранной травмы является Холокост.

«Избранная травма» - это не только особая память о своих отцах и дедах, но и строго детерминированная оценка любых событий с четко определенной точки зрения; говоря проще – разделение всех идей и всех людей на «наших» и «не наших». Это глубоко личностная психическая структура формируется еще в раннем детстве, и затем поддерживается на протяжении всей жизни. Пример, который легко увидеть в быту: мать гуляет с ребенком, кто-то к ней подходит, и если при этом мать улыбается, ребенок спокоен – «это кто-то наш». Если мать впадает в тревогу, ребенок прижимается к ней и даже плачет: «это кто-то не наш», и это уже какая-то угроза.

Точно также на основе рассказов родителей формируется представления о наших предках, нашей истории, наших героях и о «не наших». Если чьи-то предки подверглись массовой травме, она обязательно должна быть отреагирована. Варианты такого отреагирования могут быть самыми различными: от оплакивания своих героев и павших до самых разных вариантов индивидуальной и коллективной мести, в ряде случаев возведенной в ранг государственной политики.

В сфере наследственных связей ничего не забывается. Деды, отец и мать – это самые первые фигуры идентификации любой личности, переносчики языка и культуры, традиций и принципов, трансляторы исторических знаний, уважения к национальным героям и национальным ценностям. В целом, любой человек принадлежит к той культуре, в рамках которой он сформировался и к той национальности, на языке которой он говорит.

VERBAL AND MOTOR EVALUATION OF THE OPPEL-KUNDT ILLUSION

*Romanova-Afrikantova Nataliia (SPbSU, Saint-Petersburg, Russia)
romafkina@yandex.ru*

A comparison of verbal and motor (by tracking during memorization and reproduction) judgement of the Opel-Kundt illusion on adult subjects. The presence of illusory distortion in the verbal and motor (at the stage of memorization) evaluation of the Oppel-Kundt illusion and a significant difference between the verbal and motor response are shown. There is no illusory effect in the motor evaluation at the stage of reproduction.

Keywords: motor judgement, illusions, Ponzo, Muller-Layera, Oppel-Kundt.

ВЕРБАЛЬНАЯ И МОТОРНАЯ ОЦЕНКА ИЛЛЮЗИИ ОПЕЛЬ-КУНДТА

Проведено сравнение вербальной и моторной оценки (методом трекинга при запоминании и воспроизведении) иллюзии Опель-Кундта на взрослых испытуемых. Показано наличие иллюзорного искажения при вербальной и моторной (на этапе запоминания) оценке иллюзии Опель-Кундта и достоверная разница между вербальным и моторным ответом. При моторной оценке на этапе воспроизведения иллюзорный эффект отсутствует.

Ключевые слова: моторная оценка, вербальная оценка, иллюзии, Понзо, Мюллер-Лайера, Опель-Кундта.

Исследование связи величины иллюзорного искажения и модальности, в которой была предъявлена иллюзия, представляет для исследователей особенный интерес.

Сальвадор Аглиоти показал, что иллюзия Эббингауза пропадает при моторной оценке. Если предложить испытуемым схватывать круги, окруженные другими кругами большего или меньшего диаметра чем центральные, то они будут разносить большой и указательный палец на соответствующие диаметрам центрального круга расстояния – нужно пояснить, что это равное расстояние, тогда как при вербальной оценке круг, помещенный в окружение меньших кругов, будет казаться больше, а окруженный большими кругами – меньше. [1]

В дальнейшем была показана разница между вербальной и моторной оценкой и для других иллюзий: Понзо, Мюллер-Лайера, иллюзии пустого пространства. [2; 3; 4; 5]

Разница вербальной и моторной оценки объясняется чаще всего существованием двух подсистем восприятия, действующих в соответствии с имеющейся задачей – подсистемы «что?», которая работает для опознания и подсистемы «где», активирующейся при необходимости совершения действия. [6]

При этом для некоторых иллюзий, например, Мюллер-Лайера иллюзорное искажение сохраняется при моторном ответе, а для других (Понзо, Эббингауза) исчезают полностью.

Нами впервые было проведено исследование на материале иллюзии Опель-Кундта с целью сравнения вербальной и моторной оценки для получения новых данных о формировании этой иллюзии и работе двух подсистем восприятия.

В исследовании приняли участие 30 взрослых разных профессий, средний возраст – 27,4г; 18 женщин и 12 мужчин.

Каждому испытуемому демонстрировались 5 пар экспериментальных стимулов - отрезков, вызывающих иллюзию Опель-Кундта. Два равных отрезка, расположенных на одной линии в центре экрана – левый обрамлен небольшими вертикальными засечками и перечеркнут равными вертикальными линиями каждые 5 мм, правый – обрамлен вертикальными засечками

В качестве контрольных использовались пары отрезков, не вызывающих иллюзорных искажений: два горизонтальных отрезка, расположенных друг над другом, ограниченные небольшими вертикальными засечками.

Стимулы предъявлялись на сенсорном экране с расстояния 50 см от глаз испытуемых.

При вербальной оценке задача испытуемых заключалась в том, чтобы сделать отрезки равными, подавая экспериментатору устные команды увеличить или уменьшить нижний/правый отрезок. Как только испытуемый считал, что отрезки равны, он давал команду «стоп» и на экране появлялась следующая пара отрезков.

Длина отрезков фиксировалась, и сила иллюзии рассчитывалась как разница между отрезками, которые испытуемый зафиксировал как равные.

Для моторной оценки испытуемые сначала проводили по отрезкам, демонстрируемым на экране, указательным пальцем правой руки слева направо (этап «запоминание»), после чего отрезки исчезали с экрана, и испытуемый проводил по памяти на пустом экране эти отрезки указательным пальцем правой руки, слева направо (этап «воспроизведение»).

Фиксировали координаты касаний начальной и конечной точки центральных отрезков зрительных стимулов. По этим координатам касаний вычисляли в евклидовой метрике длину отрезка, по которому

проводил рукой испытуемый. Рассчитывалась разница между отрезками на каждом этапе (сила иллюзорного искажения).

Средние величины иллюзорного эффекта сравнивались по критерию Манна-Уитни на уровне 5%.

Статистический анализ показал, что испытуемые достоверно испытывают иллюзию Опель - Кундта ($U=279$, $p<0,01$) при вербальной оценке.

На этапе «запоминание» испытуемые показали увеличение иллюзорного искажения относительно вербальной оценки ($U=275$, $p<0,01$).

На этапе «воспроизведение» иллюзия Опель-Кундта оценивалась испытуемыми без иллюзорного искажения ($U=372$, $p>0,05$).

Полученные нами результаты воспроизвели имеющиеся ранее данные об отличии силы иллюзорного эффекта при моторной и вербальной оценке и показали, что для иллюзии Опель-Кундта иллюзорный эффект хоть и сохраняется при моторной оценке, но достоверно отличается от вербальной, что полностью укладывается в существующие представления о существовании двух подсистем восприятия.

При этом можно заметить отличие иллюзии Опель-Кундта от иллюзии Мюллер-Лайера, сила которой сохраняется при моторной оценке и на этапе «запоминание» и на этапе «воспроизведение»[5], что, вероятно, может говорить о том, что эти иллюзии формируются на разных этапах обработки зрительной сцены – иллюзия Мюллер-Лайера относится к механизмам ранних этапов обработки зрительной сцены (за этим кроется сетчатка и подкорка), а Опель-Кундта объясняется когнитивными механизмами зрительного восприятия[7]. Но для иллюзии Понзо, также относимой к возникающим за счет когнитивных механизмов, иллюзорное искажение исчезает на этапе «запоминание»[5], а для иллюзии Опель-Кундта, хоть и уменьшается, но остается положительной величиной. Это также может объясняться отличием в механизмах формирования иллюзии Опель-Кундта и иллюзий Понзо и особенностями используемых в экспериментах конфигураций.

References

1. **Aglioti, S., Goodale, M.A. & DeSouza, J.F.X.** (1995). Size-contrast illusions deceive the eye but not the hand. *Current Biol.*, 5, 679-685.
2. **Bruno, N., Bernardis, P., & Gentilucci, M.** (2008). Visually guided pointing, the Müller-Lyer illusion, and the functional interpretation of the dorsal-ventral split: conclusions from 33 independent studies. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 32(3), 423-437.
3. **Franz, V. H., Bühlhoff, H. H., & Fahle, M.** (2003). Grasp effects of the Ebbinghaus illusion: obstacle avoidance is not the explanation. *Experimental Brain Research*, 149, 470-477.
4. **Stöttinger, E., Pfusterschmied, J., Wagner, H., Danckert, J., Anderson, B., & Perner, J.** (2012). Getting a grip on illusions: replicating Stöttinger et al [Exp Brain Res (2010) 202: 79–88] results with 3-D objects. *Experimental Brain Research*, 216, 155-157.
5. **Karpinskaia, V., Lyakhovetskii, V., & Romanova-Afrikantova, N.** (2017). The differences of sensory and motor evaluations of the Müller-Lyer and Ponzo illusions.
6. **Goodale, M. A., & Milner, A. D.** (1992). Separate visual pathways for perception and action. *Trends in neurosciences*, 15(1), 20-25.
7. **Kreiner, W. A.** (2014). On the intensity maximum of the Oppel-Kundt illusion.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND MEANINGFULNESS IN LIFE OF FORCIBLY DISPLACED PEOPLE AFTER 44-DAY ARTSAKH WAR

*Sargsyan Vanesa, Khanamiryan Irina (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
vanessasargsyan112@gmail.com, irina.khanamiryan@gmail.com*

The work is dedicated to the study of social-psychological adaptation and meaningfulness of life of those forcibly displaced from Artsakh living in RA as a result of the 44-day Artsakh war. The paper presents the data obtained as a result of the research, which show the existence of a correlation between the existence

of the meaning of life and social-psychological adaptation among the researched, the factors contributing to and hindering the adaptation, life goals and ways to achieve them.

Keywords: *forced displacement, socio-psychological adaptation, meaning of life, war, interdependence.*

The modern world is full of wars, socio-economic and political disasters. The 44-day Artsakh war in 2020 resulted in number of severe consequences including human, material and territorial losses, as well as the forced displacement of the population due to the occupation of a number of settlements in Artsakh. As a result of the 44-day Artsakh war, more than 20,000 residents of Hadrut, Shushi, Karvachar and other settlements took the path of forced displacement. Forced migration is a set of territorial movements associated with a permanent or temporary change of place of residence of people, usually against their will. [1]: During forced displacement, the problem of adapting to a new society becomes especially relevant. People enter a completely new society which already has traditions, rules, norms, and customs accepted in their native culture. Social-psychological adaptation is the adaptation of a person as a social being to the norms, conditions, principles and etiquette of the society. [2]: Stressful life events like human or material losses tend to disrupt people's sense of meaning in life. The presence of meaning in life refers to the degree to which people understand, see the purpose of their lives or feel that they have a meaning, mission or aspiration [3]: Meaning of life is a biopsychosocial element of dealing with various disasters, also associated with better adjustment after trauma, guiding people to successfully cope with changing circumstances in their lives. The purpose of the work is to study the interconnections between socio-psychological adaptation and meaningfulness of life of the forcibly displaced persons from Artsakh and living in RA as a result of the 44-day Artsakh war. The hypothesis of the work: it is assumed that there is a correlation between the existence of the meaning of life and social-psychological adaptation among the forcibly displaced people as a result of the 44-day Artsakh war. In particular, the more pronounced is the existence of the meaning of life (goals, aspirations), the higher is the level of social-psychological adjustment. The research sample consists of 56 forcibly displaced people, aged 21-55, who were displaced from different settlements of Artsakh and live in RA as a result of the 44-day Artsakh war. 18 of the researched are male and 38 are female. In the framework of the research, data collection was carried out by the questionnaire method. The following questionnaires were used: The socio-psychological adaptation diagnostic questionnaire developed by R. Diamond and K. Rogers [4], Meaning of Life Questionnaire by M. Stager, P. Fraser, Sh. Oishi and M. Kaler [5], also a questionnaire on the adjustment and personal life goals of forcibly displaced persons, developed by us. In order to verify the main hypothesis of our research work, we conducted a correlation analysis, calculated the Pearson correlation coefficient, as a result of which we found a significant positive correlation between the presence of meaning in life and adaptation ($r=0.336$), a significant positive correlation between the presence of meaning in life and self-acceptance ($r= 0.287$), significant positive correlation between presence of meaning in life and emotional comfort ($r=0.360$), significant positive correlation between presence of meaning in life and internality ($r=0.266$). With the questionnaire developed by us, which plays a supporting role for our research work, among the researched, we have brought out the contributing and disturbing factors, life goals and ways to achieve them for adaptation and involvement in communication within new circumstances. Contributing factors are familiarity with the environment, caring and kind people, friends, relatives, work, access to various opportunities, communication skills, willpower, own hardworking and fighting type, etc. Disturbing factors include unpleasant living conditions, financial problems, lack of work, a strong sense of longing for the homeland, memories related to one's home and place of birth, a sense of uncertainty that prevents setting goals and achieving those goals, being far from relatives and friends, discrimination and the attitude, differences between Artsakh and Armenia. The life goals identified by the researched are to purchase or build their own apartment (shelter), finish their studies, improve their work, be useful to their relatives and homeland, provide their children with everything and fulfill their dreams, invest themselves in the liberation of the homeland, return to Hadrut, Shushi, their homelands. Certain personal qualities contribute to achieving the life goals identified by the researched: diligence, hard work, determination, self-education, willpower, optimism, long-lasting sense of hope and faith, as well as money, time, peace in the country, stability of the situation and God's will.

Summarizing the research results, it can be concluded that the research hypothesis put forward by us, which refers to the correlation between the existence of the meaning of life and social-psychological adaptation among the forcibly displaced people as a result of the 44-day Artsakh war, has been confirmed.

References

1. Меликьян Г.Г., Народонаселение. Энциклопедический словарь/Гл. ред.-М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 69
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с
3. Steger, M. F., Oishi, S., and Kashdan, T. B. (2009). Meaning in life across the life span: levels and correlates of meaning in life from emerging adulthood to older adulthood. *J. Posit. Psychol.*
4. <http://test-metod.ru/index.php/metodiki-i-testy/2/25-metodika-diagnostiki-sotsialnopsikhologicheskoy-adaptatsii-k-rodzhersa-i-r-dajmonda-oprosnik-spa> 20.12.2022
5. https://fetzer.org/sites/default/files/images/stories/pdf/selfmeasures/PURPOSE_MEANING-MeaninginLife.pdf 10.01.2023

FEATURES OF THE BODY IMAGE OF YOUNG MEN AND WOMEN

*Sedova Ekaterina, Pasechnik Anna, Gardanova Zhanna (Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation)
eosedova@mail.ru, annalevit01@mail.ru, zanna7777@inbox.ru*

The study is aimed at identifying features of body image in young men and women. It is shown that satisfaction with one's own body is associated with life satisfaction and perfectionism. Differences in the degree of satisfaction with certain body parts between men and women have been revealed.

Key words: *body image, perfectionism, life satisfaction, satisfaction with one's body, gender.*

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕЛА МОЛОДЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Седова Екатерина, Пасечник Анна, Гарданова Жанна (РНИМУ им. Н.И.Пирогова, Москва, Россия)

Исследование направлено на выявление особенностей образа тела у молодых молодых мужчин и женщин. Показано, что удовлетворенность собственным телом связана с удовлетворенностью жизнью и перфекционизмом. Выявлены различия в степени удовлетворенности отдельными частями тела между мужчинами и женщинами.

Ключевые слова: *образ тела, перфекционизм, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность своим телом, гендер.*

В связи с быстрым развитием информационных технологий, появлением и широким распространением социальных сетей, в массовое сознание транслируются определенные образы мышления, поведения и внешнего вида, повышается уровень неудовлетворенности своей жизнью, своим телом и внешностью в целом [1]. Традиционно проблема неудовлетворенности образом собственного тела отмечалась у женской популяции. Однако последнее десятилетие отличается все большим размыванием гендерных границ и характеризуется повышенным вниманием мужчин к своему телу.

Образ тела представляет собой сложное, многомерное и комплексное образование, является системой представлений человека о физической стороне своего «Я», которая состоит из восприятия человеком собственного тела, эмоционально-чувственную характеристику этого восприятия, а также то, как по мнению человека его телесный образ оценивают окружающие [2]. Т. Кэш указывает, что изучение феномена образа тела необходимо для наиболее всестороннего анализа психологических особенностей личности, в том числе включая и гендерные особенности индивидов в восприятии своего и чужого образа тела [3].

Целью исследования является изучение гендерных особенностей образа тела мужчин и женщин в период ранней зрелости.

В основу исследования были положены следующие гипотезы:

1. Существует взаимосвязь между удовлетворенностью образом тела, жизненной удовлетворенностью, ситуативной дисфорией образа тела и уровнем перфекционизма.

2. У мужчин, в отличие от женщин, прослеживается более сильная взаимосвязь между удовлетворенностью образом тела и перфекционизмом, а также компонентами жизненной удовлетворенности.

Были использованы следующие методики: «Опросник образа собственного тела» О.А. Скугаревского и С.В. Сивухи; Шкала оценки уровня удовлетворенности собственным телом (ШУСТ) О.А. Скугаревского; Опросник Т. Кэша «Инвентаризация случаев дисфории образа тела в зависимости от ситуаций» (SIBID); «Опросник перфекционизма» Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой: «Индекс жизненной удовлетворенности» в адаптации Н.В. Паниной. Статистическая обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics Version 23.

Выборка включает в себя 60 респондентов мужского и женского пола от 20 до 25 лет. Исследование проводилось на базе ФГАОУ ВО «Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет им. Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Было выявлено, что молодые мужчины и молодые женщины не показали статистически достоверных различий по отношению к степени удовлетворенности отдельными частями своего тела, единственное различие выявилось по шкале «Рост»: женщин значимо чаще устраивает их рост, в отличие от мужчин, что может быть связано с преобладающим в нашем обществе представлением о том, что мужчина должен быть высоким. В целом, респонденты были удовлетворены формой собственного тела и его отдельными частями.

У молодых женщин наблюдаются обратные корреляционные связи на уровне значимости $p \leq 0,05$ между показателями «удовлетворенность образом тела» и «перфекционизм» ($r = -0,446^*$), а также на уровне значимости $p \leq 0,01$ между показателем «удовлетворенность образом тела» и «ситуативная неудовлетворенность собственным телом» ($r = -0,870^{**}$). У молодых мужчин выявлена положительная корреляционная связь на уровне значимости $p \leq 0,01$ между показателями «удовлетворенность образом тела» ($r = 0,697^{**}$) и «жизненная удовлетворённость».

В результате исследования были получены следующие выводы:

1. Как для молодых мужчин, так и для молодых женщин удовлетворенность собственным телом связана с жизненной удовлетворенностью, перфекционизмом и ситуативной неудовлетворенностью собственным телом, однако для мужчин выявленная связь между образом тела и перфекционизмом более сильная, чем для женщин.
2. У мужчин, в отличие от женщин, прослеживается более сильная связь между удовлетворенностью образом тела и компонентами жизненной удовлетворенности (интересом к обычной повседневной жизни, оценкой себя и собственных поступков).
3. Чем выше среди мужчин удовлетворенность образом тела, тем больше они обладают интересом к обычной повседневной жизни, положительной оценкой себя и собственных поступков и тем меньше для них характерны завышенные притязания-требования к себе, а также склонность к поляризации мнения «все или ничего».
4. Также были выявлены следующие особенности, касающиеся отдельных частей тела:
 - а) мужчины удовлетворены своими бедрами, а женщины, напротив, имеют низкую удовлетворенность бедрами относительно остальных параметров внешности;
 - б) в равной степени мужчины и женщины не удовлетворены внешним видом собственного живота;
 - в) женщины значимо больше удовлетворены собственным ростом, чем мужчины, что соотносится с общественным стереотипом о мужской внешности, по которому мужчина с привлекательной внешностью «должен быть высоким», а для женщин данный стереотип отсутствует.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках составления программ профилактики неудовлетворенности образом собственного тела молодых мужчин и женщин, а также для профилактики расстройств пищевого поведения.

References

1. **Tataurova, S.S.** Sravnitelnoe kross kulturalnoe issledovanie obraza tela kakkognitivnoy struktury samosoznaniya. *Psikhologuia. Psikhofisiologuia.* 2012. №31. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnoe-kross-kulturalnoe-issledovanie-obraza-tela-kak-kognitivnoy-struktury-samosoznaniya> (date of addressing: 04.03.2023). In Russian.
2. Psikhologuia telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya. Sbornik statei II mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferentsii. Burenkova, E.V. Ed. Pensa, Belinskiy PGPU, 2012. 320 p.
 3. **Cash, T.F.** Looks Aren't Everything (To Everybody) // Journal of Social Behavior and Personality. 1992. Vol. 7, № 4. Pp. 621–630.

STUDENTS' ENGAGEMENT IN HEIs: THE ROLE OF COGNITIVE/MOTIVATIONAL FACTORS AND EMERGING ADULTHOOD CHARACTERISTICS

This work was supported by the RA Science Committee and Russian Foundation for Basic Research (RF) in the frames of the joint research project SCS 20RF-164 and RFBR 20-513-05014 accordingly.
Serobyana Astghik, Grigoryan Ani (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
astghiks@ysu.am, ani_grigoryan@ysu.am

Students' engagement plays an important role in the effectiveness of the educational process and the overall success of educational institutions. This article aims to explore the factors that predict the engagement of students within the 18-25 age range. Two separate studies were conducted, one focusing on cognitive and motivational predictors of academic engagement, and the other considering emerging adulthood characteristics. The sample sizes for the first and second studies were 180 and 317 students, respectively (61% women in Study 1, and 63.5% women in Study 2).

Based on the findings, several key factors were identified as significant predictors of academic and social engagement. The results indicate that mindset, promotion focus, and Experimentation/Possibilities positively influence academic engagement. Additionally, promotion focus was found to be a positive predictor, while Negativity/Instability had a negative impact on social engagement.

Keywords: *academic engagement, social engagement, emerging adulthood, promotion, prevention, mindset.*

The relevance of conducting studies on the academic involvement of students becomes increasingly important in the context of higher education. Student engagement is currently understood as a measure of the time, energy, and psychological effort invested by students in their academic experiences, encompassing their learning, understanding, and acquisition of knowledge and skills. This phenomenon plays a crucial role in promoting effective educational practices and outcomes [1].

Student engagement holds remarkable significance in the field of education as it establishes a connection between the institutional environment of the university and students' behaviors, learning outcomes, and attitudes toward their studies [1]. Extensive research has consistently shown that students with high levels of academic engagement tend to achieve better academic performance, exhibit higher levels of motivation, and attain superior results compared to students with low levels of engagement [3, 11]. Astin's theory forms the foundation for understanding student involvement in the context of this research [5].

On one hand, students' age coincides with emerging adulthood, a distinct stage (18-25 years old) between late adolescence and youth. Emerging adulthood is characterized by identity exploration, instability, self-centeredness, and opportunities across various life domains. It exhibits extreme ambivalence and diversity in psychological aspects, with an ambiguous developmental trajectory, limited structure, and high dynamism [4].

On the other hand, student engagement refers to the cognitive and motivational qualities that facilitate a student's full involvement in the learning and educational processes.

The link between academic engagement and regulatory focus as a motivational factor in our study lies in how students' motivational orientation influences their approach to learning and goal setting [7]. To study self-regulation behaviors, T. Higgins' Theory of Regulatory Focus is employed. This theory identifies two distinct regulatory systems based on underlying requirements: promotion and prevention [10].

Academic engagement and mindset (as a motivational factors in our study) are closely interconnected [6]. The concept of mindset, studied in terms of people's reactions to failure, differentiates between a fixed mindset and a growth mindset. Understanding mindset becomes essential in comprehending issues related to motivation, progress, and learners' engagement [9].

The research aims to investigate the impact of specific cognitive and motivational factors, along with age-related characteristics, on the academic engagement of young learners.

Two separate studies were conducted, one focusing on cognitive and motivational predictors of academic engagement, and the other considering age characteristics. The sample sizes for the first and second studies were 180 and 317 students within the 18-25 age range, respectively (61% women in Study 1, and 63.5% women in Study 2).

In Study 1 participants completed a questionnaire with measures of academic engagement, mindset, and regulatory focus. In Study 2 participants again completed academic engagement and emerging adulthood measures.

The academic engagement questionnaire focused on evaluating students' involvement in the learning process. The statements were categorized into two groups of factors: academic engagement and social engagement. Academic engagement consisted of questions from the academic engagement, cognitive engagement, and online engagement scales. Social engagement included items from the faculty engagement, peer engagement, emotional engagement, and extracurricular engagement scales. To assess self-regulatory behaviors, we took Lockwood's Goal orientation scale [2]. The questionnaire measured two main scales: promotion and prevention. Cognitive factors were evaluated using the Mindset Questionnaire, with growth and fixed mindset on the opposite sides of the measure [8]. In addition, age characteristics were measured by the emerging adulthood questionnaire, which included the following scales: Identity Exploration, Experimentation/Possibilities, Negativity/Instability, Other-Focused, Self-Focused, and Feeling "In-Between".

Both studies have yielded compelling results based on descriptive statistics. The research participants exhibited higher levels of academic engagement ($M_1=3.7$, $StD_1=0.896$, $M_2=3.8$, $StD_2=0.737$) compared to social engagement ($M_1=2.9$, $StD_1=0.937$, $M_2=2.9$, $StD_2=0.813$). This indicates that students are more engaged in educational processes, but encounter certain challenges in social relations or interactions. The mindset average is high ($M=37$, $StD=5.017$). This means that the students participating in the research are more inclined to believe in their ability to change something about themselves through efforts, such as personality traits and abilities. They demonstrate a growth mindset, which fosters a belief in continuous improvement and resilience.

In terms of self-regulation, both regulation focuses scored high average values. However, the average results of promotion ($M=5.1$, $StD=0.869$, $\alpha=0.870$) were higher than prevention ($M=4.0$, $StD=0.908$, $\alpha=0.717$). This means that while young people recognize the importance of avoiding possible setbacks on the path to achieving their goals, they are primarily driven towards growth, development, and directing their behavior towards the pursuit of new heights.

Among age characteristics, Negativity/Instability ($M=2.6$, $StD=0.679$) and Other-focused ($M=2.7$, $StD=0.629$) were expressed relatively low. On the other hand, the remaining scales of emerging adulthood exhibited above-average values, ranging from 3.2 to 3.4 average values. This indicates that students are less focused on the emotions and feelings of others and are more involved in the process of exploring their own personalities and environments. Additionally, they may experience negative emotions and a feeling of instability during this transitional stage. But they are actively exploring various aspects of their lives, seeking possibilities, and navigating through the challenges of this developmental phase.

Based on the regression models from both studies, several key factors have been identified as significant predictors of academic and social engagement:

For Academic Engagement mindset ($B=0.061$, $p<0.001$), promotion focus ($B=0.402$, $p<0.001$), and Experimentation/Possibilities ($B=0.462$, $p=0.030$) are positive predictors.

Similar to academic engagement, promotion focus ($B=0.308$, $p<0.001$) is also a positive predictor of social engagement. On the other hand, Negativity/Instability has a negative impact on social engagement ($B=-0.249$, $p=0.049$).

Overall, the findings indicate that students who believe that effort and perseverance can lead to personal development, are goal-oriented and driven to achieve success, are open to trying new experiences, and consider various options are more likely to be actively involved in their academic pursuits. Individuals who are focused

on achieving positive outcomes and success in social interactions are more likely to be socially engaged, too. On the other hand, students who experience higher levels of negative emotions and feelings of instability may face difficulties in their social relationships or may be less socially engaged.

References

1. **Малошонок Н. (2011)**, Студенческая вовлечённость: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета. № 6: стр. 11–21.
2. **Abu ELSamen, Amjad & Mowen, John & Fang, Xiang. (2015)**. Examining the Construct Validity of the Lockwood Goal Orientation Scale. 10.1007/978-3-319-11797-3_11.
3. **Alexander W. A. (1999)**, Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education, Journal of College Student Development, VOL 40 NO 5, SEPTEMBER/OCTOBER, p. 518-529.
4. **Arnett, J. J. (2007)** Emerging Adulthood: What is it, and what is it good for? // Child development perspective, 1 (2), pp. 68-73
5. **Astin A. (1984)**, Student Involvement: a Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. Vol. 25. No. 4, pp. 518-529.
6. **Brooks, R., Brooks, S., & Goldstein, S. (2012)**. The power of mindsets: Nurturing engagement, motivation, and resilience in student. In S. L. Christenson, A. L. Reschly, & C. Wylie (Eds.), Handbook of research on student engagement (pp. 541–562). Springer Science + Business Media. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2018-7_26
7. **Çetin, Bariş. (2015)**. Academic Motivation and Self-Regulated Learning in Predicting Academic Achievement in College. Journal of International Education Research (JIER). 11. 95. 10.19030/jier.v11i2.9190.
8. **Dweck, C. S. (2006)**. Mindset: The New Psychology of Success. New York: Random House Publishing Group.
9. **Dweck, Carol & Yeager, David. (2019)**. Mindsets: A View from Two Eras. Perspectives on Psychological Science. 14. 174569161880416. 10.1177/1745691618804166.
10. **Higgins, E. T. (2000)** Does personality provide unique explanations for behavior? Personality as cross-person variability in general principles. European Journal of Personality, 14, pp. 391-406.
11. **Jang H. (2008)**, Supporting students' motivation, engagement, and learning during an uninteresting activity. Journal of Educational Psychology, pp. 798-811.

FEATURES OF THE USE OF ART THERAPY AS FACTORS ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE THERAPEUTIC PROCESS

*Shahverdyan Seda (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
shahverdyan.seda@ysu.am*

Art therapy is a form of therapeutic work based on the use of artistic, creative means of expression as a means of self-expression, solving psychological problems, expressing emotions, and promoting personal growth. The thesis refers to the features of art therapy, art-therapeutic dialogue, which ensure the effectiveness of the psychotherapeutic process.

Keywords: *art therapy, art therapeutic function, art therapeutic indication-contraindication, art therapeutic dialogue.*

Art therapy, having experienced a rapid development in the last decades of the 20th century, is widely used nowadays in various psychological works: counseling, psychotherapeutic, psychocorrectional, rehabilitation, developmental works, in various fields, from schools to medical institutions and penitentiaries, with different age groups, from children to adults, having almost no contraindications. The availability of applicability of art-therapeutic techniques to psychologists, the possibility of relatively little harm of the method, gentleness, the possibility of easier and faster expression of emotions and other properties are, on the one hand, a weapon in the hands of specialists, giving the opportunity to widely apply art-therapeutic techniques in

their practice, on the other hand, serious and responsible attitude towards the effectiveness of art therapy as a separate psychotherapeutic direction is decreasing. For this reason, the question arises as to who can use art therapy and in which cases. To answer, it is necessary to address the main features and functions of art therapy, the concepts of art therapy «indication» and contraindications, and the art therapy dialogue.

Art therapy as a separate direction takes methodological bases from two main directions: art and psychodynamic psychology. That is why the art-therapeutic work is carried out with two approaches: in one case, the art itself, the creation of something, is considered healing in itself, in the other case, the therapeutic relationships during the creation of a creative product are important.

Art therapy can be described as a form of psychotherapy that uses various creative methods for therapeutic communication [3]. No creative skills are required here, the goal is not to create a «masterpiece of art». Creativity is here a «mediator» for the art-therapeutic dialogue. Unlike other psychotherapeutic directions, where the therapeutic relationship is two-way, art therapy is a three-way process: patient-artwork-therapist. Therefore, here we can follow the tripartite version of transference and countertransference processes, which are an important part of the therapeutic relationship. That is, transference and countertransference in art therapy are realized in three main directions: patient-material (product of creative work), patient-psychotherapist, psychotherapist-material (product of creative work). This is the reason for the richness and versatility of art therapy work, which creates wider opportunities for interaction.

Modern art therapy seeks to apply both the factor of creative activity as an expressive-cathartic, regulating, organizing, defensive (coping) and other functions, as well as the factor of therapeutic and group relationships and feedback, which reflect the main functions of art therapy [1]:

The main functions of the art-therapeutic dialogue can also be traced to the following three aspects: cathartic (cleansing, freeing from negative feelings), regulatory (relaxation of neuropsychological tension, improvement of psychophysical processes, modeling of a positive psycho-emotional state), communicative-reflexive (provides corrections of communication disorder, formation of adequate interpersonal behavior and self-esteem).

The above functions again emphasize the relatively mild nature of art therapy, with minimal potential for personal harm to the visitor, but each of these functions requires certain skills and abilities in the application of art therapy techniques. Art-therapeutic indication or contraindication formulations are not very precise, because indications and contraindications can mostly refer to specific art-therapeutic methods, models and organizational forms in different therapeutic-rehabilitation stages, the use of which requires special preparation. However, the indications for clinical (medical) and non-clinical (non-medical) art therapy can be formulated more generally as follows:

- Indication of clinical (medical) art therapy – disorders associated with neurotic, stress and somatoform manifestations, addiction to psychoactive substances, personality disorders, psychosomatic disorders and somatopsychic reactions, borderline mental disorders, schizophrenia, affective psychoses, organic mental disorders, general and developmental disorders of children. specific disorders.

- Indication of non-clinical (non-medical) art therapy - problems of interpersonal relationships, self-esteem and identification, problems of insufficient motivation, which are not related to clinical disorders, future planning, professional orientation, improvement of quality of life, improvement of activity efficiency, formation of self-confident behavior, stress management and self-regulation skills, family resource strengthening, harmonization, health care, interpersonal and intergroup conflict overcoming skills, etc. [2].

Thus, we can note that the limitations of the use of art therapy are due to the impossibility (technically and content-wise) of the latter's applicability by the patient and the therapist, or simply undesirability. Two levels of applicability of art therapy can be considered: in one case, it is considered an auxiliary method for other psychotherapeutic directions, in the other case, we consider art therapy as a separate method, where non-verbal and verbal therapeutic measures are combined, giving an opportunity to bypass conscious control to extract information from the unconscious level. If in the first case we can be satisfied with the basic requirements for psychological counseling and psychotherapy and the knowledge of some art-therapeutic techniques, then in the second case, in order to effectively implement the therapeutic process, it is necessary to have the qualification or certification of an art therapist, special training, which will give an opportunity to master the nuances of art therapy, the features of transformative art therapy, and to move the work with the visitor to a deep therapeutic level.

References

1. **Дрешер Ю.Н.** Арт-терапия и ее возможности // Казань, «Медицина», 2017
2. **Копытин А.И.** Современная клиническая арт-терапия // Университетское психологическое образование, Когито-Центр, 2015
3. **Caroline Case, Tessa Dalley** "The handbook of art therapy" // 3rd edition, London and New York, 2014

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND COMMUNICATIVE COMPETENCIES IN THE CONTEXT OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN TRAINING PSYCHOLOGY STUDENTS

Shukuryan Gohar (YSU, Yerevan, Armenia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

goar09@gmail.com

This research is an analytical review of the conditions necessary for the development of emotional intelligence, communicative competences, as well as modern analysis on the use of digital technologies in education. The methods of developing emotional intelligence and communicative competences of psychology students are described in the context of digitalization of higher education.

Keywords: *emotional intelligence, communicative competences, digital technologies.*

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Шукурян Гоар (ЕГУ, Ереван, Республика Армения; МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Российская Федерация)

Проводится аналитический обзор условий, необходимых для развития эмоционального интеллекта, коммуникативных компетенций, а также современных исследований использования цифровых технологий в образовании. Кратко описаны методы развития эмоционального интеллекта и коммуникативных компетенций у студентов-психологов в условиях цифровизации высшего образования.

Ключевые слова: *эмоциональный интеллект, коммуникативные компетенции, цифровые технологии.*

Профессионально-важными качествами для психолога являются способность к самоконтролю, умение слушать, наблюдательность, грамотно и четко выражать свои мысли и эмоции, стремление к самопознанию, интерес к людям, эмпатия, тактичность, умение рефлексировать свое психологическое состояние, умение устанавливать доверительные отношения, владение коммуникативными навыками, умение сотрудничать и разрешать конфликты. [1] Эти составляющие являются необходимыми условиями для профессионального формирования психолога и фундаментом для выполнения профессиональной деятельности. Именно поэтому важно, чтобы развитие этих навыков было неотъемлемой частью образовательных программ вузов, осуществляющих подготовку психологов.

В условиях применения цифровых технологий в обучении психологов увеличивается доля взаимодействия студентов с техникой, с текстами и другими материалами, а взаимодействие с людьми опосредуется техническими средствами. Доля непосредственного общения с другими людьми в процессе обучения заметно снижается, а в некоторых случаях сводится к нулю. Таким образом, использование цифровых технологий в обучении студентов-психологов может осложнять развитие ЭИ и коммуникативных компетенций у них, и вопрос о возможностях создания условий для развития этих навыков приобретает особенный интерес и актуальность. Целью нашего исследования является поиск таких форм и методов обучения с применением цифровых технологий, которые позволят развивать у студентов-психологов эмоциональный интеллект (далее ЭИ) и коммуникативные компетенции.

Проанализировав исследования ряда авторов, **мы выделили несколько групп различных условий**, необходимых для развития ЭИ и коммуникативных компетенций:

- анализ внешних проявлений эмоций. [2,3]
- понимание общей ситуации общения. [4]
- понимание социокультурного контекста. [5]
- наличие эталона выражения эмоций и стиля коммуникации. [4]
- обретение опыта общения и взаимодействия с людьми. [2]
- мотивационно-ценностные условия. [3]

В практике применения цифровых технологий в образовании зачастую наблюдаются случаи, противоречащие вышеназванным условиям: отключенные камеры, не позволяющие отслеживать мимику и жестикуляцию, большое количество студентов в группах, снижающее вовлеченность и активность участников учебного процесса, контекстную отделенность студентов друг от друга и от преподавателя, превращающее процесс обучения в формальный и демотивирующий процесс, несовершенство онлайн-платформ и технические неполадки – все эти и другие ситуации не способствуют естественному взаимодействию и развитию навыков ЭИ и коммуникативных компетенций у будущих психологов.

В этой связи рассмотрим примеры возможных форм и методов обучения с использованием цифровых технологий, которые бы позволили создать необходимые условия для развития ЭИ и коммуникативных компетенций у студентов-психологов.

Одним из наиболее ценных нам представляется метод самораскрытия учителя, в котором устанавливаются доверительные отношения студента с педагогом. Преподаватель выполняет функцию модели и образца профессионала, то есть выступает моделью поведения в профессиональных ситуациях. В сочетании с личностно-ориентированным подходом данный метод может оказаться довольно эффективным. Установлению и укреплению межличностных и профессиональных связей, повысить вовлеченность студентов через обсуждение различных вопросов может помочь использование социальных сетей. [6]

Полезными оказались также методологии управления проектами agile и scrum, в которых преподаватель выступает в качестве фасилитатора, а цели группы и выстроенные в ней процессы способствуют эффективному взаимодействию членов группы. [7]

Форма проектного смешанного обучения (project-based blended learning) предполагает разделение учащихся на группы, каждая из которых занимается своим проектом. Такая форма усиливает взаимодействие студентов со сверстниками, объединяя их общими целями, задачами и совместной деятельностью. [8]

Формат виртуального класса может оказаться полезным, при увеличении доли взаимодействия студента с преподавателем и одногруппниками. [9]

В рамках нашего исследования также представляет интерес тренинговый подход, в котором сами задания и занятия могут включать в себя элементы, развивающие ЭИ и КК. Подобный подход к занятиям позволит сформировать соответствующие привычки и выработать поведенческие модели внимания к своим и чужим эмоциям, к способам их выражения и использованию этой информации при построении взаимоотношений с людьми. [10]

Список литературы

1. **Романова Е. С.** 147 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. Учебное пособие. – 2011.
2. **Щетинина А. М.** Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека //Вопросы психологии. – 1984. – Т. 3. – С. 60-66.
3. **Куракина А. О.** Модель психолого-педагогического сопровождения развития эмоционального интеллекта дошкольников //Фундаментальные исследования. – 2013. – №. 11-3. – С. 546-550.
4. **Путилова О. А.** Эмоциональный мир ребенка //М.: Генезис. – 2012.
5. **Cabrales Vargas M.** Développement de la compétence de communication moyennant des échanges par courrier électronique //Lenguaje. – 2011. – Т. 39. – №. 2. – С. 419-445.

6. **Song H., Kim J., Park N.** I Know My Professor: Teacher Self-Disclosure in Online Education and a Mediating Role of Social Presence // *International Journal of Human—Computer Interaction*. 2019. Vol. 35. № 6. P. 448—455. DOI:10.1080/10447318.2018.1455126
7. **Noguera I., Guerrero-Roldan A-E., Maso R.** Collaborative agile learning in online environments: Strategies for improving team regulation and project management // *Computers & Education*. 2018. 116. Pp. 110129.
8. **Tong Y.** et al. Teaching design and practice of a project-based blended learning model // *International Journal of Mobile and Blended Learning (IJMBL)*. – 2020. – Т. 12. – №. 1. – С. 33-50.
9. **Terry R., Taylor J., Davies M.** Successful teaching in virtual classrooms // *Learning and teaching in higher education* / Eds. K. Daniels [et al.]. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 211—221. DOI:10.4337/9781788975087.00035
10. **Журавлёва М. О.** Развитие эмоционального интеллекта у будущих психологов: программа и результаты тренинга // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. – 2013. – №. 3. – с. 73-82.

CIVILIAN POPULATION IN ARMED CONFLICT: ANALYSIS AND PROSPECTS FOR SYSTEMATIZATION OF RESEARCH

*Shumarova Anastasia (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)
a.shumarova@ysu.am*

The study discusses the multidimensionality of psychological studies aimed at investigating armed conflict. It reviews existing systematization approaches. The problem of systematizing research on civilians in armed conflict is not well developed. The study proposes the creation of a new approach for the systematization of research in this area.

Keywords: *armed conflict, psychological research, systematization of research, military psychology, conflictology, soldier, civilian population.*

МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Шумарова Анастасия (Ереванский государственный университет, Ереван, Армения)

В работе обсуждается вопрос многоаспектности психологических исследований, направленных на изучение вооруженного конфликта. Анализируются существующие подходы к систематизации работ. Отмечается недостаточная проработанность проблемы систематизации исследований мирных жителей в условиях вооруженного конфликта. Предлагается разработка подхода к систематизации исследований мирных жителей в условиях вооруженного конфликта.

Ключевые слова: *вооруженный конфликт, психологические исследования, систематизация исследований, военная психология, конфликтология, военнослужащий, мирное население.*

Вооруженный конфликт является сложным и многогранным феноменом, выходящим за рамки боевых действий и проникающим во все сферы жизни человека. Его воздействие ощущается в культурных, политических, социальных, психологических и других аспектах бытия. Тем не менее важно учитывать, что вооруженное противостояние тесно связано с человеческим обществом и, по сути, является специфическим антропоцентрическим феноменом, где психологический аспект играет ключевую роль. На сегодняшний день психология войны располагает значительным объемом данных. Однако исследования мирного населения в условиях вооруженного конфликта являются разрозненными и распределены между разными отраслями психологии, что подчеркивает актуальность работы.

Целью статьи является систематизация теоретических и эмпирических исследований в рамках изучения мирного населения в условиях вооруженного конфликта.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: подбор и изучение литературы; анализ существующих подходов к систематизации исследований вооруженного конфликта; разработка подхода к систематизации исследований мирного населения в условиях вооруженного конфликта.

Перед тем как продолжить обсуждение вопроса, необходимо сделать некоторые пояснения:

- данный теоретический анализ проводится в качестве подготовки диссертационного исследования динамики адаптивных механизмов личности (мирного населения) в условиях продолжительного вооруженного конфликта. Таким образом вектор нашего внимания направлен на изучение мирного населения в условиях войны в общем и трансформацию личности под влиянием этих условий, в частности.

- в тексте используются несколько терминов обозначающих вооруженное противостояние: вооруженный конфликт, конфликт, война. Это связано с особенностями кодификации в различных областях психологии. Понимая существующую разницу в дефиниции данных понятий, в нашей работе они рассматриваются как синонимы.

Теоретико-методологические основы исследования являются неотъемлемой частью любой научной работы, и в первую очередь предполагают анализ теоретического и практического материала по проблеме исследования. В психологии войны на данный момент накоплен значительный объем данных, которые представлены на разных методологических уровнях, начиная с философского. Так, первые попытки интерпретации психологического аспекта феномена войны можно найти в работах философов и историков. Например, древнегреческий историк Фукидид, писал, что «война является отражением деструктивной человеческой природы и врожденной склонности к порождению хаоса и зла» [1, с. 49]. Сегодня психология войны изучается в рамках военной психологии для решения прикладных задач военной науки. Однако военная психология, объектом которой выступает военнослужащий, а предметом - психология военнослужащего, в составе воинского коллектива, не ставит перед собой задачу исследования других участников конфликта, а именно мирного населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта. Оказываясь вне интересов военной психологии, мирное население становится объектом исследования других отраслей психологии, включая общую и экстремальную психологию, конфликтологию и т. д.

Таким образом мы видим разделение исследований вооруженного конфликта по объекту, что в свою очередь обуславливает ряд других отличий, которые важно учитывать. Так, военная психология, как отдельная отрасль научного знания, опирается на собственные методологические основы, а проводимые исследования структурированы и взаимосвязаны. С другой стороны, исследования мирного населения, разделенные между отраслями психологии, носят точечный характер, ограничиваясь изучением отдельных аспектов проблемы.

За неимением общепринятых методологических основ, необходимых для изучения мирного населения в условиях вооруженного конфликта, мы проанализировали научную литературу в поисках работ по систематизации исследований, соответствующих нашей задаче. Анализ показал, что существует несколько подходов к систематизации теоретических и общенаучных психологических школ, применимых к исследованию вооруженного конфликта. Интересные подходы предлагают военные психологи, однако они сфокусированы на определении сущности и причин войны. Например, подход, предложенный Александром Караяни [2]. Другие подходы относятся к области конфликтологии. Отечественные психологи, такие как Н. В. Гришина, Ф. Е. Василюк и А. Кармин [3,4], описывают ключевые теоретические подходы к пониманию конфликта. Однако в этом случае вооруженный конфликт рассматривается на межгрупповом уровне. А описание концепции личностного и межличностного конфликта охватывается слишком широкий спектр ситуаций и также направлен на понимание истоков и природы конфликтов. Таким образом, данные подходы не в полной мере отвечают интересам нашего исследования. Работ по систематизации исследований мирного населения в условиях войны мы не обнаружили.

Несмотря на важность описанных подходов для исследований вооруженного конфликта, в рамках выполнения задач нашего исследования, мы видим необходимость предпринять попытку разработать подход к систематизации исследований мирного населения в условиях вооруженного конфликта. Данный подход предполагает систематизацию данных на двух уровнях: в зависимости от этапа вооруженного

конфликта (предвоенный, военный, поствоенный) и на основании предмета исследования. Мы предлагаем разделить исследования на следующие группы (в порядке иерархии):

- контекстуальные исследования, где предметом изучения является не личность, а феномен или явление, связанные с вооруженным конфликтом, и на собственно психологические;
- исследований личности и исследования группы;
- исследования интерпсихического направления, исследования интрапсихического направления и исследования трансформации личности.

Мы уверены, что предложенный подход будет полезен для дальнейшего исследования мирного населения в условиях вооруженного конфликта и поможет расширить понимание данной проблемы.

Список литературы

1. **Мищенко Ф.** История: Фукидид. Т. 1. М.: Изд-во Москва, 1915. С. 49.
2. **Караяни А.Г.** Настольная книга военного психолога: практическое пособие / А.Г. Караяни. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 332 с.
3. **Гришина Н. В.** Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
4. **Нуреева Л. К.** Теоретико-методологические аспекты исследования конфликта в зарубежной психологии / Л. К. Нуреева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 21 (125). — С. 837-839.

DYNAMICS OF PSYCHOLOGICAL HEALTH IN CONDITIONS OF SOCIAL ISOLATION

Shumova Natalia, Baykovsky Yuri, He Xueyun (Russian University of Sport «GTSOLIFK», Moscow, Russia)

shumova@interwave.ru, alpfest@mail.ru

In unusual conditions of social isolation, the psychological health of the individual worsens. Conducting a consultative and health-improving program that includes feasible physical activity (running and aerobics) in combination with monitoring the state of psychological health of the individual and counseling helps to reduce stress and depression levels, the severity of psychopathological symptoms in subjects who additionally engaged in physical exercises, improves the psychological health of students.

Keywords: *psychological health, adaptation, counseling, psychopathological symptoms, stress, depression.*

ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Шумова Наталия, Байковский Юрий, Хэ Сюэюнь (Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Москва, Россия)

В непривычных условиях социальной изоляции ухудшается психологическое здоровье личности. Проведение консультативно-оздоровительной программы, включающей посильные физические нагрузки (бег и аэробику) в сочетании с мониторингом состояния психологического здоровья личности и консультированием позволяет способствовать снижению уровней стресса и депрессии, выраженности психопатологической симптоматики у испытуемых, дополнительно занимавшихся физическими упражнениями, способствует улучшению психологического здоровья студентов.

Ключевые слова: *психологическое здоровье, адаптация, консультирование, психопатологическая симптоматика, стресс, депрессия.*

Актуальность исследования. Активность – важное условие адаптации и переадаптации личности к учебной деятельности в ситуации социальной изоляции. В условиях социальной изоляции снижается количество социальных контактов и других источников разномодальной стимуляции, нет возможности получать поддержку близких. Использование для активации ситуативной стимуляции может привести к развитию вредных привычек, например, к переяданию, к навязчивым повторяющимся инертным, стереотипным, компульсивным действиям (Бернштейн Н.А., 1990; Пудиков И.В., 2017; Шеперд Г., 1987;

Хэ Сюэюнь, Шумова Н.С., Байковский Ю.В., 2022; Chekroud, S.R., 2018). Это затрудняет адаптацию, приводит к психоэмоциональным нарушениям, ухудшает межличностные отношения [1, 2, 3, 4, 5].

Испытуемые и организация исследования. Нами было проведено исследование студентов-добровольцев Университета национальностей провинции Хубэй (Китай) в эпицентре возникновения Covid-19, в городе Ухань (n=41) через 1 год и 2 месяца после начала социальной изоляции. Из них были сформированы контрольная и две экспериментальные группы. Ни у одного из добровольцев в анамнезе не было болезней сердца или мозга, все они допущены к физическим нагрузкам высокой интенсивности. Перед экспериментом подписан информированный Договор с испытуемыми о добровольном согласии участия в исследовании.

Доля лиц с II категорией ожирения не превышала 10%, не было лиц с III категорией ожирения. При любом BMI для коррекции ожирения рекомендовано изменение образа жизни, диеты, режима питания, увеличение физической активности (Кузнецова, Т.Ю., 2019), но группы состояли в основном из лиц с I категорией ожирения (19,5%), которые менее подвержены риску при проведении экспериментальных мероприятий. У 20% испытуемых был повышен уровень мочевой кислоты (UMOL/L), что часто наблюдается при ожирении и стрессе. Результаты опросника SCL-90, предназначенного для определения текущего статуса и терапевтической динамики, свидетельствуют о наличии у 82,9% испытуемых выраженных проблем с психическим здоровьем по тем или иным шкалам.

Высокий уровень индекса GSI опросника SCL-90, свидетельствующий о выраженном психическом дистрессе, был обнаружен у 24,4% испытуемых.

На начало исследования доля лиц, у которых отсутствовали симптомы ухудшения состояния психологического здоровья была невелика во всех группах – и в экспериментальных (1 из 15 – 6,7% среди испытуемых, выбравших занятия аэробикой; 2 из 15 – 13,3% среди испытуемых, выбравших занятия бегом, различия недостоверны, $\varphi^*_{эмп.}=0,611$, $p>0.05$), и в контрольной (3 из 11 – 27,3%). Данные были получены при помощи опросника SCL-90. Различия долей испытуемых экспериментальных и контрольной групп также достоверно не отличались ($p>0.05$, $\varphi^*_{эмп}=1.451$ и $\varphi^*_{эмп}=0,889$ соответственно).

Методы и методика исследования. На основе данных психодиагностики нами была разработана и проведена консультативно-оздоровительная программа, включающая консультации по результатам обследования в сочетании с дополнительной физической нагрузкой.

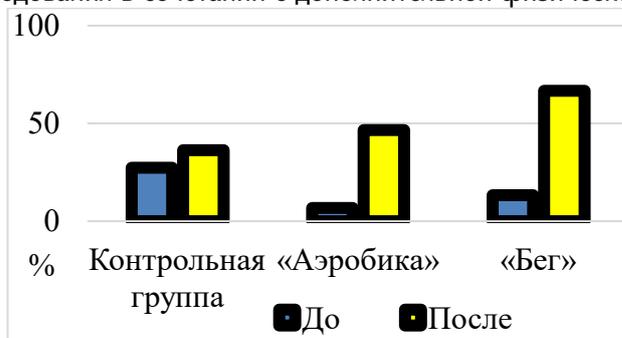

Рисунок 1 – Достоверное повышение за время эксперимента в ЭГ «Аэробика» и «Бег» доли лиц без симптомов ухудшения состояния психологического здоровья при отсутствии достоверных изменений этой доли в КГ (по опроснику SCL-90)

Две экспериментальные группы, кроме программы университета дополнительно тренировались 2 недели 4 раза в неделю по 90 минут. Контрольная группа (КГ) тренировалась по стандартной программе дисциплины «Физическая культура» Университета, включающей 2 занятия в неделю, каждое по 2 академических часа.

В экспериментальной группе №1 (ЭГ-1) кроме стандартных занятий по дисциплине «Физическая культура», испытуемые занимались по программе «Аэробика». В экспериментальной группе №2 (ЭГ-2), кроме стандартных занятий по дисциплине «Физическая культура», испытуемые занимались по программе «Бег».

Результаты исследования. После проведения консультативно-оздоровительной программы доля лиц, у которых отсутствовали симптомы ухудшения состояния психологического здоровья, в экспериментальных группах оказалась достоверно выше, чем в контрольной и составила:

1. В ЭГ1 – 7 из 15 (46,7%) при 1 из 15 (6,7%) на начало исследования, различия достоверны ($\varphi^*_{эмп.} = 2,687 > \varphi^*_{кр.0,01} = 2,33$; $p < 0,01$) (Рисунок 1);
2. В ЭГ2 – 10 из 15 (66,7%) при 2 из 15 (13,3%) на начало исследования различия достоверны ($\varphi^*_{эмп.} = 3,188 > \varphi^*_{кр.0,01} = 2,33$; $p < 0,01$);
3. В КГ 4 из 11 (36,4%) при 3 из 11 (27,3%) на начало исследования, различия недостоверны ($\varphi^*_{эмп.} = 0,457 > \varphi^*_{кр.0,05} = 1,64$; $p > 0,05$).

Выводы. В непривычных условиях социальной изоляции ухудшается психологическое здоровье личности. Проведение консультативно-оздоровительной программы, включающей посильные физические нагрузки (бег и аэробику) в сочетании с мониторингом состояния психологического здоровья личности и консультированием позволяет способствовать снижению уровней стресса и депрессии, выраженности психопатологической симптоматики у испытуемых, дополнительно занимавшихся физическими упражнениями.

Список литературы

1. **Бернштейн, Н.А.** Физиология движений и активность : [Сборник] / Н.А. Бернштейн; Изд. подгот. И. М. Фейгенберг; Под ред. О.Г. Газенко; [Послесл. О.Г. Газенко, И.М. Фейгенберга, С. 463-479; АН СССР]. – Москва : Наука, 1990. – 494, [1] с., [1] л. портр. : ил.; 22 см. – (Классики науки).; ISBN 5-02-005234-5 (В пер.).
2. **Пудиков, И.В.** Расстройства суточного ритма сна-бодрствования / И.В. Пудиков // Эффективная фармакотерапия. Неврология и психиатрия. Спецвыпуск «Сон и его расстройства – 5». – 2017. №35. – С. 68-65.
3. **Шеперд, Г.** Нейробиология: В 2-х т. Т. 1, 2. Пер. с англ. / Г. Шеперд. – М.: Мир, 1987. – 454 с., ил.
4. **Хэ, Сюэюнь** Сохранение психического здоровья путем проведения консультативно-оздоровительной программы, восстанавливающей структуру стимульной ситуации в условиях социальной изоляции / Сюэюнь Хэ, Н.С. Шумова, Ю.В. Байковский // Теория и практика физической культуры. – 2022. – №10. – С. 42-45 <https://elibrary.ru/item.asp?id=49704357>
5. **Chekroud, S.R.** Association between physical exercise and mental health in 1.2 million individuals in the USA between 2011 and 2015: a cross-sectional study / S.R. Chekroud et al // Lancet Psychiat. – 2018. – №5. – P. 739-746.

CHARACTERISTICS OF BUILDING AND DEMONSTRATING STRESS RESISTANCE AND SELF-CONTROL IN MUAY THAI ATHLETES

Stepanyan Anahit (Armenian State Institute of Physical Culture and Sport)

annastep55@mail.ru

Nadayan Anna (Yerevan State University)

a.nadayan@mail.ru

Mastering successful stress management skills is extremely important for an athlete. The sport is, indeed, stressful, and both elite and novice Thai boxers are equally exposed to stress during trainings and competitions and, thus, need appropriate psychological support.

The thesis is aimed at revealing the characteristics of building and demonstrating stress resistance and self-control in Muay Thai athletes, studying the reciprocal relationship between stress resistance and self-control, as well as the characteristics of building and demonstrating behavior.

Keywords: *athlete, Thai boxer, stress resistance, behavior, self-control, tension, strategy, resources, problem, situation.*

The topicality lies in the fact that the characteristics of stress resistance and self-control, the importance of their correlation is one of the most important problems of sport psychology. This is due to the peculiarities of sports activities, which inevitably depend upon external and internal factors, such as stress and emotional tension, overfatigue, etc. Studies on stress resistance in psychology started in the 90s of the previous century and continue to this day (Музымбаев К. 1998, Крюкова Т. 2004, Белорусова 2005, Либина И. 2008, Тенн О.Р. 2010 and others). A number of studies are devoted to stress resilience in sports: Маклаков А. Г. 2000, Сафонов В.К. 2003, Сопов В. Ф. 2020, Բարսիլյան Հ.Ա. 2015, Ստեփանյան Ա.Գ. 2022 and others [2; 3]:

The aim of the research is to identify the characteristics of building and demonstrating stress resistance and self-control in Muay Thai athletes.

The following **methods** are applied in this thesis:

1. Research and analysis of scientific-methodical literature
2. Case study and conversation
3. Testing
4. Analysis of the results

Research object:

Young athletes practicing Muay Thai in Yerevan sports clubs.

Research Hypothesis:

It is believed that the sport of Muay Thai is effective in building stress resistance and self-control in young athletes.

Research results:

The research was conducted with the athletes of the RA "Muay Thai" Federation. 25 athletes aged 17-26 took part in this research. During the research, 4 psychodiagnostic methods were applied.

"Prediction" and "Perceptual assessment of stress resistance" (Fetiskin N. P) methods were applied to study the characteristics of stress resistance in Thai boxers.

The results of the "Prediction" method demonstrate that in the study group of Thai boxers three athletes are identified with signs of neuropsychological instability (3 people), who have low stress resistance and are maladapted (show poor adaptation) to a stressful situation.

Most of the athletes in the study group have a medium or high level of stress resistance and are not prone to neuropsychological disorders, some of them easily adapt to stressful situations, while some show signs of maladaptation only in extreme situations. In general, the group of athletes is characterized by a medium and high level of stress resistance.

The data obtained from the results of the "Perceptual Stress Resistance" method indicate that 56% of Thai boxers are prone to or belong to type A, and 44% of the athletes in the study group are prone to or belong to type B.

40% of athletes have a moderately expressed tendency towards perceptual type A. Among these athletes, instability to stress is quite common. 24% of Thai boxers are prone to perceptual type B, they often define the goals of their activity and choose the optimal options to achieve them, strive to overcome difficulties independently, analyze difficulties and their occurrence, make clear conclusions. 24% of athletes in the research group are stress-resistant.

20% of athletes are also prone to type B, they often show resistance to stress, but not always. While 16% of the Thai boxers in the research group have low stress resistance, they have the desire to compete, to achieve goals, they are usually not satisfied with themselves and the circumstances, and they start rushing towards a new goal, often demonstrate aggressive behavior, impatience, hyperactivity.

The observation and comparative analysis, carried out with the "Prediction" and "Perceptual assessment of stress resistance" methods, indicate that most of the group athletes under study are prone to have a high or medium level of stress resistance, and that only a small number of the athletes (12-15%) have low stress resistance.

Aimed at studying self-control strategies of Thai boxers, Lazarus's "Methodology of Self-Control" questionnaire and "Self-Control in Stressful Situations" are applied (S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker, adapted version by T.A. Kryukova) [1].

High tension in terms of withdrawal self-control strategy is observed in 48% of athletes, and in 28% an average tension of this self-control strategy is observed.

The choice of self-control strategy of seeking social support by 60% of athletes indicates that they solve problems by involving external (social) resources, seeking informational, emotional and effective support. 48% of Thai boxers use the self-control strategy of taking responsibility.

In 60% of the athletes the high tension of positive reappraisal of self-control strategy is also observed.

The obtained results show that Thai boxers have a high tension (more than 70%) in the self-control of positive reappraisal and seeking social support.

The data obtained as a result of the research of "Self-control" (S. Norman, D. F. Endler, adapted version by T. A. Kryukova).

The results show that in a stressful situation societal deviance reaction is more vividly expressed, which indicates that the athletes try to share the existing problems and difficulties with their friends, relatives and family. The dominant self-control stress strategies in athletes are problem deviation and social deviation.

The indicator of the level of neuropsychological stability is negatively correlated with self-control strategies of taking responsibility ($r = -0.78$ $p \leq 0.001$) and initiating problem solving ($r = -0.73$ $p \leq 0.05$).

The level of neuropsychological stability is also negatively correlated with the problem-solving strategy ($r = -0.74$, $p \leq 0.001$), i.e., the more Thai boxers are prone to neuropsychological problems, the less they tend to solve the problem in a stressful situation, while athletes with a high level of stress resistance tend to solve the problem in a stressful situation.

The tendency index towards a certain type of perception is negatively correlated with self-control strategies of taking responsibility ($r = -0.72$ $p \leq 0.001$) and initiating problem solving ($r = -0.65$ $p \leq 0.001$).

The negative correlation of perceptual type with problem solving strategy ($r = -0.77$, $p \leq 0.001$) shows that athletes with type A tendency and low stress resistance are less inclined to solve problems in a stressful situation, while athletes with type B tendency are more prone to solving the problem in a stressful situation.

The higher the level of stress resistance in Thai boxers, the more they are prone to using the self-control strategy of taking responsibility and initiating problem solving, and the more they tend to prioritize the problem-solving strategy in a stressful situation.

The obtained results proved the hypothesis put forward in this research. There is a reciprocal relationship between stress resistance and self-control strategies of Thai boxers.

Conclusion:

1. In the group of Thai boxers, cases with signs of neuropsychological instability (3 people) are observed, who have low stress resistance and are maladapted to the stressful situation. The majority of athletes in the group under study have a medium or high level of stress resistance and are not prone to neuropsychological problems.
2. In the group, 24% of Thai boxers have a high level of stress resistance, and 16% have a low level of stress resistance, the rest of the studied athletes tend to be type A or B.
3. High tension on positive reappraisal and self-control strategy of seeking social support is observed among the athletes. This characterizes Thai boxers as individuals focused on a personal, philosophical reinterpretation of a problematic situation, perceiving it within the broader context of the individual's self-development.
4. The dominant self-control stress behavioral strategies of athletes are deviation and social deviation from the problem.
5. The indicator of the level of neuropsychological stability or stress resistance is negatively correlated with problem solving, taking responsibility and initiating self-control strategies, as well as problem solving strategies.

References

1. Ավանեսյան Հ. Մ., Փորձարարական հոգեբանություն. Ուսումնական ձեռնարկ. 2-րդ վերամշակված հրատարակություն, Եր., ԵՊՀ հրատ., 2021, 370 էջ:
2. Степанян А.Г., Технология разработки программы психологического обеспечения в спорте высших достижений, Материалы международной научно-практической конференции. Коломна 2022.- С.130-135.

3. **Тиунова О.В.**, Организационные аспекты планирования и реализации психолого-педагогического обеспечения спортивной деятельности. Спортивный психолог, 2019 №52. - С. 47

DIASPORA COOPERATION WITH PSYCHOLOGISTS IN ARMENIA: TEN KEY POINTS

Takooshian Harold (Fordham University, New York, USA)

takoosh@aol.com

“How can psychologists in the Armenian Diaspora better cooperate to strengthen psychology in Armenia?” This two-part message details: (a) clear progress since 2019, and (b) ten key points to expand this progress in coming years, to form a global Pan-Armenian Union of Psychologists (PAUP)

Keywords: *Armenian psychologists, professional psychology, dementia, suicide, credentialing, Pan-Armenian Union of Psychologists, mental health.*

1. 2019. History was made on 10 October 2019, when over 150 psychologists and students from 15 nations filled the stately Scientific Hall atop Yerevan State University, where Professor Hrant Avanesyan opened a three-day international conference to mark 100 years of psychological science in the Republic of Armenia.

One highlight of this conference was an invited panel on "Armenian behavioral sciences in the Diaspora." Each of the four speakers represented an organization which has now made great progress with the Republic of Armenia since 2019.

A. Jane L. Mahakian described her launch of "Alzheimer's Care Armenia" (ACA).[‡] Since 2019, Mahakian's ACA has expanded greatly in several ways: it formed a board of directors, raised global funding, published a book[§] and video,^{**} and partnered with other RoA groups to develop a national dementia plan including memory cafés, early detection resources.

B. Shakeh J. Kaftarian described her "Armenian American Mental Health Association: Opportunities and challenges."^{††} Since 2019, AAMHA officer George Gharibian has now cooperated with RoA panels and other dialogs.

C. Ani Kalayjian described her "Meaningful World: 30 years of humanitarian relief to Armenia and the globe."^{‡‡} This now includes her team's bold efforts to address the escalating rate of suicide in RoA.

D. Harold Takooshian described his "Armenian Behavioral Science Association: 30 years later." Since 1989, ABSA has grown into a network of over 800 Armenian-ancestry professionals and students in the USA, and developed several programs: ABSA bulletins, directories, gatherings, surveys, and awards. These ABSA programs can now be systematically adapted into 10 points to promote Diaspora cooperation with RoA colleagues.

2. Ten points. (1) Identification. Many of the world's outstanding psychologists today have Armenian ancestry (Takooshian, 2020). To develop a Pan-Armenian Union of Psychologists (PAUP), we must develop an effective strategy to identify Armenian-ancestry professionals within the world's 193 nations (Takooshian & Kalayjian, 2021).

(2) Census. Immediately after the 1988 earthquake, ABSA did a census of its network, including individuals' availability for: paid consulting / volunteering in Armenia/ speaking with mass media/ mentoring students / public speaking. Should PAUP expand to undertake a global census?

(3) Directory. ABSA has printed several past directories of Armenian psychologists in the USA and in RoA, including their census responses. Is it time to post a PAUP directory, perhaps including their brief biography

[‡] www.alzheimerscarearmenia.org, www.alzheimers.am

[§] <https://conta.cc/3coCMir>

^{**} www.youtube.com/watch?v=J4-e13pN9Z0

^{††} www.aamhawest.org/

^{‡‡} www.meaningfulworld.com

and photo? This may include an optional fee for those organizations or service-providers who would benefit from marketing—such as the Psychology Today blog. §§

(4) Symposia. ABSA has long hosted Armenian-theme symposia at major conferences, such as its annual gathering at the American Psychological Association. Can PAUP easily do this at regional, national, and global conferences, where people can meet and network?

(5) Awards. At these symposia since 1989, ABSA has presented 37 medals to salute “outstanding contributions,”—like Sergei N. Enikopolov in Moscow (2013) and Hrant Avanesyan in Yerevan (2019). Can PAUP present such awards?

(6) Collaborations. How can we partner with other psychology organizations? For one example, after 2019, Hrant Avanesyan was able to form a chapter of Psi Chi at YSU on 20 August 2020—the first in the entire Transcaucasus region.

(7) Students. In 2022, ABSA helped form the Armenian Behavioral Science Students (ABSS). Under the dynamic leadership of student Kristina Khrimian in Rockville, MD, the ABSS website*** now involves students in a full agenda of workshops, research, and fundraising.

(8) Journals. For just a few years in the 1980s, ABSA published Bulletin with news of Armenian psychologists in the Diaspora. Yerevan now publishes at least three refereed journals which are open to Diaspora authors (at Yerevan State University, ††† Abovyan Pedagogical Institute, ††† and Armenian Psychiatric Association). Can we attract more Diaspora contributors, and perhaps even create a column devoted to dialogue with Diaspora scientists and practitioners?

(9) National association. Only 80 of 193 nations today have a national psychology association. During this dark time in Artsakh and RoA, can Diasporans help promote a solid national psychology association in RoA, perhaps working with the indigenous Armenian Psychiatric Association (Khatchatur Gasparian, Armen Soghoyan) and its Armenian Journal of Mental Health? §§§

(10) Credentialing. Unlike Europe and the USA, few of the 15 post-Soviet republics credential their psychologists. Can Diasporans help RoA to establish an effective system of credentialing for practicing psychologists and therapists? This issue is now being examined by a new team headed by Drs. Rita Kuyumjian (McGill), Atina Manvelian (Stanford), and Mary K. Alvord (Maryland).

After 4 years of discussion since 2019, is it now time to charge a team to implement PAUP—with a logo, website, and mission statement and growth strategy? Since the 1988 earthquake in Armenia, psychological science and practice surely have grown dramatically in RoA (Gevorkyan et al., 2013). Over two-thirds of the world’s 11 million Armenians live outside the Armenian homeland, and most share a great heart for the Republic. We all see growing challenges facing Artsakh and RoA today—like mental health, suicide, and dementia (above). The time is ripe to form finally a Pan-Armenian Union of Psychologists.

References.

1. **Gevorgyan, S., Avetisian, M., & Takooshian, H.** (2013, Fall). Psychology in Armenia after the 1988 earthquake: 25 years later. *International Psychology Bulletin*, 17 (4), 45-49.
2. **Takooshian, H.** (2020). Armenian-Americans in the behavioral sciences. *MIOPAP: Main Issues of Pedagogy & Psychology*, pages 7-9. <https://miopap.aspu.am/index.php/miopap>
3. **Takooshian, H., & Kalayjian, A.** (2021). Creating a global network of Armenian psychologists. *ԱՐԴԻ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԳԻՏԱԿԱՆ ՀԱՆԴԵՍ [Modern Psychology Scientific Bulletin]*, 9 (2), 330-335.

§§ <https://www.psychologytoday.com/us>

*** https://www.instagram.com/armenian_bss/

††† YSU: http://psyarm.com/?page_id=63

††† <https://miopap.aspu.am/index.php/miopap/issue/view/25/27>

§§§ <https://www.apnet.am/journal/articles.php?page-id=1&lang=eng>

FACTORS OF SOVEREIGNTY OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL SPACE IN SEMI-CLOSED GROUPS

The research was conducted within the framework of the Government Order No. 0138-2023-0010 "Socio-psychological factors of individual and group behavior under conditions of global changes" Tarasov Semyon (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia) Tarasovsemv@ipran.ru

The study considers the problem of preserving the sovereignty of psychological space of personality in military cadets living in different conditions - in a dormitory and with their parents. The aim of the research was a comparative analysis of the system of socio-psychological factors that determine the expression of sovereignty. It was shown that the sovereignty of territory and things decreases in the dormitory environment. The main factors of sovereignty are value orientations, subjective assessments of compliance with norms and rules, and perceptions of the group.

Key words: *sovereignty of psychological space, semi-closed study groups, living conditions, value orientations, charter, daily routine*

Введение. Феномены трайбализма, закрытости и фрагментации, проявляемые на уровне больших групп, имеют место и в психологии малых. В социальной психологии критерием дифференциации групп на «открытые – закрытые» выступает доступность внешней среды для контакта, обусловленная внешними факторами [1, с. 15]. Однако, по нашему мнению, критерий закрытости групп больше проявляется в рамках проблемы монодеятельности, в изоляции от внешних контактов порождаемой как внешними, так и внутренними факторами, в изменениях внутригрупповой структуры [2]. Таким образом группы можно разделить на «открытые» (школы), «полузакрытые» (кадетские корпуса и т.д.) и «закрытые» (колонии, тюрьмы и т.д.). Исследовательский интерес к полужакрытым учебным группам связан с их спецификой: ограничение «входа/выхода» членов группы, фиксированная система правил и норм, ритуализированность жизнедеятельности, достижение высокого уровня групповой сплоченности [3]. В связи с этим важным является понимание соотношения личностных и групповых качеств в данных группах. В рамках концептуальных представлений о субъектности группы [там же] данное соотношение мы связываем с суверенностью психологического пространства личности. С.К. Нартова-Бочавер определяет суверенность как способность субъекта контролировать свое психологическое пространство, поддерживать баланс между потребностями личности и группы [4]. Ранее проведенные исследования [3] показали, что суверенность в условиях среды полужакрытых групп переживает депривацию. При этом важным является изучение влияния типа проживания курсантов на суверенность и систему социально-психологических факторов ее обуславливающих.

В связи с этим целью исследования является сравнительный анализ выраженности суверенности психологического пространства личности и факторов, ее обуславливающих, в полужакрытых учебных группах с разными условиями проживания (общежитие и с родителями)

Предмет – связь между выраженностью суверенности психологического пространства личности и социально-психологическими характеристиками учащихся в учебных группах полужакрытого типа с разными условиями проживания (общежитие и с родителями)

Гипотезы исследования: 1) курсанты проживающие в условиях общежития имеют более выраженную депривацию суверенности чем проживающие с родителями; 2) структура социально-психологических факторов суверенности в группах с разным проживанием различается.

Выборку исследования составили 94 курсанта военного вуза в возрасте от 17 до 21 года, проживающие в общежитие (N = 54) и с родителями (N = 40). Учитывая специфику учреждения большая часть респондентов мужского пола (90%). Методы и методики исследования: «СПП-2010» Нартовой-Бочавер С.К. (Нартова-Бочавер, 2014), методика диагностики ценностных ориентаций Фанталовой Е.Б., индекс групповой сплоченности. Авторская анкета, включающая открытые вопросы для выявления представлений о группе и закрытые направленные на выявление соблюдения норм и правил образовательного учреждения.

Результаты и обсуждение результатов

Проведенный на первом этапе частотный и анализ различий (по кр. Манна-Уитни) показал, что группы с разным проживанием различаются по уровню выраженности суверенности территории и суверенности вещей (большая выраженность в группе проживающих с родителями), представлений о группе как товарищах и необходимости неукоснительно соблюдать распорядок дня (большая выраженность в группе общежития).

На основании выявленных различий в уровне суверенности психологического пространства на этапе корреляционного анализа (R_s Спирмена) рассматривалась связь только с общим показателем суверенности, суверенности территории, суверенности вещей. Результаты показали, что в группе проживающих в общежитии общая суверенность положительно связана с представлениями о группе как помогающей, как ответственной за свои действия и негативными представлениями, и отрицательно с представлениями о группе как источнике досуга. В группе проживающих с родителями общий показатель суверенности положительно связан с представлениями о группе как среде общения. Суверенность вещей в группе «общежитие» взаимосвязана положительно с представлениями о группе как единстве и отрицательно с полом. В группе «родители» суверенность вещей отрицательно связана с ценностными ориентациями на любовь, материально обеспеченную жизнь и счастливую семейную жизнь. Также в группе с домашним проживанием наблюдаются положительные связи суверенности территории с полом, представлениями о группе как среде общения и желанием внести изменения в распорядок дня, и отрицательные с групповой сплоченностью и субъективной оценкой удовлетворенности распорядком дня.

Регрессионный анализ показал, что основными предикторами уровня выраженности суверенности психологического пространства, суверенности территории и вещей, в группе проживающих в общежитии выступают ценность познания, направленность на внесение изменений в распорядок дня и представления о группе как источнике досуга, источнике помощи, ответственной за свои действия. В группе проживающих с родителями основной вклад вносят пол, ориентация на ценность счастливой семейной жизни, субъективная оценка знания и соблюдения устава учебного заведения, и представления о группе как источнике общения.

Обобщая полученные результаты можно отметить что в группах, проживающих с родителями выше переживание безопасности личных вещей и пространства. Вероятно, это связано с тем, что у них отсутствует вынужденное взаимодействие, давление групповых и средовых норм. В группах с интернатным проживанием нормы и правила среды способствуют развитию групповых качеств и депривации личностных.

В дальнейших исследованиях групп полузакрытого типа нами будет расширен список факторов (организационных, личностных и групповых), которые могут влиять на уровень выраженности суверенности психологического пространства личности. Также будет более детально проанализирована роль суверенности как показателя соотношения индивидуального и коллективного в развитии групповых свойств, в частности субъектности и рефлексивности.

Список литературы

1. **Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.** Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001.
2. **Радица Н.К.** Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу» // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 45–58. DOI: 10.17759/sps.2016070104
3. **Дробышева Т.В., Тарасов С.В., Войтенко М.Ю.** Факторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа (на примере учащихся военного вуза) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 307-317.
4. **Нартова-Бочавер С.К.** Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства - 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105-119.

CLINICAL PSYCHOLOGY IN ARMENIA: CURRENT STATE, CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT

Tatevian Hrachia (Brusov State University, Yerevan, Armenia)
hrdatev@gmail.com

The development of clinical psychology in Armenia is an urgent issue due to the increased need for mental health professionals. The lack of profound background and existing problems make relevant the issues of choosing approaches to the development of clinical psychology, as well as the issues of training of clinical psychologists.

Keywords: *Clinical psychology, psychotherapy, legal norms, curricula.*

The state of clinical psychology, one of the most important parts of psychology, is far from being considered satisfactory in today's Armenia. There are a number of objective and subjective reasons for that. Some of these reasons are worth mentioning.

To start with, during the Soviet period, clinical psychology (medical psychology as per the terminology of those times,) was almost exclusively practiced by a small number of psychiatrists, and within the framework of psychological science, clinical psychology seemed to bear a «stepchild status», even though in many developed countries clinical psychology plays the first violin in psychology. It will suffice to mention that the largest division of the American Psychological Association is clinical psychology - APA Division 12, whose number of members back in 1958 exceeded 60,000 [1].

That situation could have remained the same in Armenia for many years, if not for the earthquake in Spitak (1988), the influx of large numbers of refugees from Azerbaijan (1988-1990) and the subsequent Nagorno-Karabagh war (1991-1994). The events mentioned above fully displayed the extreme need to provide psychological help to people at large and to have professionals who provide such help. Given that for training of professionals who would have the necessary knowledge and sufficient skills to help people affected by the earthquake, wounded during the war, acutely distressed, training of clinical psychologists should have been launched immediately. However, the underdeveloped state of medical (clinical) psychology and almost full absence of qualified clinical (medical) psychologists in Armenia at that time created serious obstacles in training such specialists. Some universities tried to launch clinical psychologists' training without having appropriately qualified faculty. In such situation, it is hard to expect to have qualified specialists in the future.

Unfortunately, three decades after the first attempts, little has changed. Even today, in one of the leading universities of Yerevan that runs a master's program in clinical psychology there is not a single clinical psychologist among the faculty of the chair in charge.

Secondly, one of the most important components of the development of clinical psychology is training scientists in this subfield. There are serious problems in this area as well. There is only one Doctor of Science in the field of clinical (medical) psychology in Armenia. According to the data of the Supreme Certifying Committee****, since the independence of Armenia, there have been only ten defenses of dissertations with the «Clinical, special psychology» (code - ԺԹ.00.04) specialization. The most recent defense was in 2016, and four out of the ten candidates for a scientific degree were foreigners [2].

Another curious thing is that, apart from the two defenses, the rest of the defenses were held not in the specialized council on Psychology but in the «Therapy council» No. 028 of the Yerevan State Medical University named after Mkhitar Heratsi, which is authorized to award scientific degrees only for the medical specialties, i.e. «Internal diseases» (code - ԺԴ.00.03), «Cardiology» (code - ԺԴ.00.04), and «Pediatrics» (code - ԺԴ.00.06) [3].

Third, one of the biggest blows not only to clinical (medical) psychology, but also to psychology as a whole in Armenia was given in 2014, when the list of medical general specialties and subspecialties arbitrarily compiled by the Ministry of Health of the Republic of Armenia was submitted to the Government of the Republic of Armenia, which approved the list (Decree N 952-Ն) [4]. Despite numerous appeals to revise that erroneous approach, signed by almost all leading Armenian psychologists, doctors of science and professors, and foreign specialists, nothing changed.

**** State agency that approves and certifies the scientific degree and the scientific title.

«Medical psychology» was included in the list of general medical specialties (Appendix N 1 – 5. «Psychiatry and Medical Psychology»), and «Clinical Psychology» was included in the list of medical subspecialties (Appendix N 2 – 9. «Clinical Psychology»).

In many former Soviet countries that became independent after the collapse of the USSR, the previously used term «Medical psychology» was replaced by the term «Clinical psychology» but the two terms are being used as synonyms. By the above-mentioned Government decision, they were separated, no definition and description was given, and it is not clear what should be understood in this case.

Such a decision also caused much more serious problems. If clinical/medical psychology becomes a medical profession, then those professionals must have a medical degree according to the applicable laws. Consequently, the Armenian clinical psychologists are deprived of their professional qualifications and are no longer authorized to work. It also raises the questions of where and how the future clinical psychologists should be trained.

Among the Armenian medical universities, only Yerevan State Medical University named after Mkhitar Heratsi has a chair of Medical Psychology, which has only three Associate Professors in staff. In this case, it would be naïve to expect that in the upcoming years it will be possible to have a sufficient number of qualified clinical psychologists in Armenia.

Other obstacles and issues related to the work of clinical psychologists are the legal-normative regulations of psychotherapy. All over the world, clinical psychologists freely practice psychotherapy in addition to psychological assessment and clinical formulation. However, in Armenia the situation is complicated, because on the one hand, legal regulations do not allow to do this for those who have no medical background, on the other hand, the vast majority of Armenian psychologists do not have sufficient training to practice psychotherapy. And in that case, the result of their activity often turns to be quite harmful.

Choosing the well thought-out approaches and models for their training, developing proper curricula and syllabi, and introducing mechanisms of supervision are among the most important issues for the development of clinical psychology in the future and for having qualified specialists in that field. However, in the presence of the above-mentioned obstacles, the discussion of these issues may be considered premature, but it is necessary to start thinking about them today.

References

1. <https://www.apa.org/about/division/div12>
2. https://www.bok.am/archive?combine=&combine_1=&field_defense_search_place_target_id=All&field_defense_date_value_1%5Bmin%5D=1991&field_defense_date_value_1%5Bmax%5D=2023&term_no_de_tid_depth=1115&field_defense_council_target_id=
3. https://www.bok.am/councils?field_council_number_value=&field_council_institution_target_id=All&field_council_specialty_code_target_id=All&page=2
4. <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=92622>

PHYSICIANS AND COUCHES COLLABORATION ON PREVENTION, TREATMENT AND REHABILITATION OF PHYSICAL OVEREXERTION IN ATHLETES

Tshshmarityan Marina (Armenian State Institute of Physical Education, Yerevan, Armenia)

Chronic overexertion of the heart, which results from repeated loads that are incongruous with functional capabilities of the body, is found most frequently in athletes. Combined program of medical, psychological and pedagogical rehabilitation makes it possible for 73 up to 90% of athletes to return to sport activity.

Key words: *athletes, couches, physicians, overexertion, prevention, treatment, rehabilitation.*

Excessive physical and emotional loads in modern sports may cause a variety of acute and chronic pathological conditions because of physical overexertion in the case of nonrational training and competition loads. Chronic overexertion of the heart, which results from repeated loads that are incongruous with functional capabilities of the body, is found most frequently in athletes. Possible complaints include rapid fatigue,

weakness, reduced exercise tolerance, palpitation, and sensations of pain and pressure in the cardiac region. This nozologic form is corroborated by specific changes in the electrocardiogram. European authors have related this pathological condition with secondary cardiomyopathy. Physicians, coaches, athletes and others out of former Soviet Union have liked this pathological condition secondary cardiomyopathy. And have linked it with myocardial dystrophy in chronic physical overexertion. This condition is associated with specific changes in the repolarization complex on ECG.

Exercise-related symptoms or overtraining include:

- Increased muscle painfulness that gets worse the more training,
- Plateau or decline in performance
- Excessive sweating and overheating
- “Heavy legs” symptom
- Loss of enthusiasm for exercising and training
- Increase heart rate, and heavy breath
- Lack of appetite,
- Insomnia, etc.

Purpose of current rehabilitation program is:

1. To help coaches to understand the athletes’ disease caused by acute and chronic overexertion and get necessary knowledge on their prevention, treatment as well as suggest and implement special rehabilitation program for elite athletes.
2. To demonstrate sports physicians the perspectives and great opportunities of collaboration with a coach for effective solution of all these tasks.

The study involved 85 athletes aged 13–22 years who trained for endurance and had clinical and ECG manifestations of chronic physical overexertion.

Suggested special rehabilitation program consists of two stages:

1. Early rehabilitation and,
2. Late rehabilitation.

The first stage of rehabilitation includes medical treatment and application of different motor regimes developed by coach and physician. We also implement dietary recommendations for athletes, which are consisting of necessary vitamins and minerals, antioxidants, adequate quality of drinking water, etc. The second stage basically consists of training regimes and finished with complete introduction of athletes into the training process.

The psychological and pedagogical rehabilitation is also carried out. The program gives an opportunity to adapt athletes to new living condition caused by the disease as well as to cope with negative thoughts, fear and anxiety for their health and future. Pedagogical rehabilitation is conducted by coach in collaboration with physicians in order to individualize curing training regime.

As a result, the combined program of medical, psychological and pedagogical rehabilitation makes it possible for 73 up to 90% of athletes to return to sport activity. Athletes who are not able to return to activity due to their health or psychological problems are subjected to social rehabilitation.

Our experience demonstrates that is possible to increase the efficiency of the treatment and rehabilitation of the athletes with the diseases caused by physical overexertion by means of attracting a coach, who takes unique role in that process. This activity can be raised to a higher level only if the combined rehabilitation program, which included medical, psychological and pedagogical methods, will implemented.

References

1. **M.G.Aghajanyan**. Electrocardiographic Manifestations of Chronic Physical Overexertion in Athletes. The New Armenian Medical Journal. Volume 4, No3, September 2010. p.7.
2. **Агаджанян М.Г., Карапетян А.В., Чшмаритян М.В.** О применении нагрузочных проб в спортивной кардиологии. // Научные труды 5-го конгресса кардиологов Армении. Ереван, 2005, с. 192-197.
3. **Чшмаритян М.В. Агаджанян М.Г.** Влияние оздоровительной тренировки на реполяризацию миокарда. “Вестник МАНЭБ”. Том 12, “ 4 Նախնական-Վարժարանային, 2007. թ. 153-157.

PHYSICAL ACTIVITY AND PREVENTION OF CARDIOVASCULAR DISEASE IN WOMEN

Tshshmarityan Marina (Armenian State Institute of Physical Education, Yerevan, Armenia)

For people of all ages, physical activity improves the quality of life in many ways. Physical benefits include improved and increased balance, strength, coordination, flexibility and endurance.

Key words: *gender, prevention, lifestyle, physical activity, hemodynamic figures.*

World Health Organization's Ageing and Health Program (AHE) recognizes that gender is one of the major determinants of health. The Program promotes the concept of "Society for All Ages". Active Ageing which stresses that older people are a resource for their families and communities and that policies should be developed which enable older people to remain active for as long as possible in their later years. The AHE Program works in close partnership with Governments, academic institutions and civil society organizations.

WHO is currently assessing the global burden of disease from 22 health risk factors, including sedentary lifestyle. Physical inactivity increases all causes mortality, doubles the risk of cardiovascular disease, type II diabetes, and obesity. It also increases the risks of colon and breast cancer, high blood pressure, lipid disorders, osteoporosis, depression and anxiety.

According to World Health Report 2003:

- CVD made up 16.7 million, or 29.2% of total global deaths.
- Around 80% of CVD deaths took place in low and middle-income countries.
- By 2010, CVD will be the leading cause of death in developing countries.
- At least 20 million people survive heart attacks and strokes every year; many require continuing costly clinical care.
- Heart disease has no geographic, gender or socio-economic borders.
- WHO suggests CVDs prevention and control:
- Consume a diet high in fruits, vegetables, nuts and whole grains, and low in refined grains.
- Avoid excessively salty or sugary foods.
- At least 30 minutes of regular physical activity daily.
- Avoid smoking.
- Maintain a healthy weight.

For people of all ages, physical activity improves the quality of life in many ways. Physical benefits include improved and increased balance, strength, coordination, flexibility and endurance. Physical activity has also shown to improve mental health, motor control. Active lifestyles provide older persons with regular occasions to make new friendships, maintain social networks, and interact with other people of all ages. It has been found that the prevalence of mental illness is lower among people who are physically active. At least 30 minutes of moderate physical activity, for example brisk walking, cycling, dancing is enough to bring many of these effects.

Women 65 years of age and older is one of the largest segments of the population. As women age, physical inactivity is the leading cause of morbidity and mortality due to coronary heart disease, diabetes, and hypertension. First of all, regular physical activity helps prevent cardiovascular diseases in women. These diseases, which include heart disease, high blood pressure and stroke, account for one-third of deaths among women around the world. Regular physical activity, combined with adequate diet has shown to be one of the most effective means of controlling mild to moderate obesity and maintaining an ideal body weight in women. During the past 30 years, studies have shown that exercise and physical activity improve functional capacity, reduce risk of illness, improve health, and enhance quality of life, as it is shown in Women's Heart Program of Lenox Hill Hospital of New York. There is also a loss of both physiologic and psychological capacities that contributes to an overall reduction in function and independent living. Regular physical activity in geriatric women has been shown to reduce cardiovascular morbidity and all-cause mortality.

Classification of Age Groups

The Census Bureau of USA defines:

- 55 – 64 - "older" people
- 65 and more – "elderly" people

According to this classification, in the Fitness Group of our Institution we define the following aging groups:

- 35 – 54 - middle-aged
- 55 – 64 - “older” women
- 65 and more – “elderly” women who attend the trainings 20 years and more.

The Women’s Fitness Group in our Institution (or how we also call it Physical Active Group) exists nearly 30 years. Today the Group consists of 40-45 women aged 35–78 years old who attend the trainings for up to 20 years.

- The Trainings in the Fitness Club are organized twice a week
- Duration of the Trainings is more than one hour
- Heart Rate during the Trainings is estimated at 130-140 beats per minute
- Number of Exercises during the Trainings counts to 50 and more.

Our research team suggested the following testing protocol: Orthostatic Tolerance Test; Bicycle Ergometer Test with definition Physical Working Capacity (PWC150); Handgrip Test, Hyperventilation Test. Longitudinal Study is conducted twice a year to test the effect and benefits of exercising for 10 elderly women attending the trainings for 20-25 years. Physical Active Group was compared with physically inactive women of same age (totally 15). Heart Rates, as well as Systolic Blood Pressure and Diastolic Blood Pressure were assessed before and after Bicycle Ergometer Test (duration of loading – 5min, power of loading- 300 kgm).

The changes of hemodynamic figures demonstrated that moderate physical training with selected exercise and regulated loads for elderly women provides stable functional condition of cardiovascular system, high load endurance, fast recovery and economization as well as steadiness of vegetative regulation of CVS. Physical Working Capacity (PWC150) was defined in both groups. Our study also focused at flexibility of cervical and lumbar parts of vertebral column indicated in degrees. Examinations of flexibility of vertebral column demonstrate that long-term moderate trainings, including special stretching exercises in elderly patients, maintain the stable condition of backbone.

Conclusion:

1. Suggested testing protocol is simple to perform and could be applicable for examining of Fitness Groups of various ages and gender.
2. The changes of hemodynamic figures demonstrated that moderate physical training with selected exercise and regulated loads for elderly women provides stable functional condition of cardiovascular system, high load endurance, fast rehabilitation and economization as well as steadiness of vegetative regulation of CVS.
3. Examinations of flexibility of vertebral column reveal that long-term moderate trainings, including special stretching exercises in elderly patients, maintain the stable condition of backbone.
4. Long-time membership in our Fitness group provides older women with regular occasions to make new friendships, maintain social networks, and interact with other people of all ages. It also promotes psychological well-being, reduces stress, worry and feelings of depression and loneliness.

References

1. **Агаджанян М.Г., Чшмаритян М.В.** Комплексное функциональное тестирование взрослого населения в практике оздоровительной физической культуры: Научно-методические рекомендации. -Ер.: Авторское издание, 2008.-48с.
2. International Encyclopedia of Women and Sports. ISBN: 0-02-864954-0 First Edition 3-rd volume, 1428 pages, 2010.
3. Exercise and Elderly Persons. **Nanette K. Wenger**, MD; Stephen Scheidt, MD; Michael A. Weber, MD Am J Geriatr Cardiol 10(5):241-242, 2001. © 2001 Le Jacq Communications, Inc.

INTERCONNECTION BETWEEN PERSONALITY SELF-ATTITUDE AND FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF FORMAL AND INFORMAL ADDRESS: PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS

Tumasian Alina, Berberyan Asya (Russian-Armenian University, Yerevan, The Republic of Armenia)

alina.tumasyan@rau.am, asya.berberian@rau.am

The article is dedicated to the study of formal and informal address and factors influencing it from the psychological and linguistic point of view. The practical part is intended to study the interconnection between these factors and the level of personality self-attitude of the Armenian youth.

Key words: *formal and informal address, personality self-attitude, psychological and linguistic aspects.*

Проблема употребления обращений в коммуникации как отдельная самостоятельная тема является актуальной. Однако в случае взаимосвязи с понятием «этническая идентичность» данный вопрос приобретает еще большую **актуальность**, так как является неотъемлемой частью сущности личности, самоотношения, этикета, правил, которые варьируют от одного этноса к другому (в рамках данной научной статьи предметом изучения являются армянский и русский этносы). Актуальность темы обусловлена значимостью проблемы для сферы психологии, психотерапии, психолингвистики, лингвистики, в частности, психосемантики, этики взаимоотношений. Обращения «Ты» и «Вы» во всех обозначенных сферах выступают как инструмент взаимопонимания, взаимодействия, воздействия.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что существует взаимосвязь между такими факторами, как близость знакомства, официальность обстановки, эмоциональное отношение к собеседнику, статус и возраст собеседника и шкалами самоотношения. При наличии высоких показателей шкал самоотношения важную роль будут получены высокие показатели, отражающие уровень важности факторов, влияющих на выбор обращения.

Цель - изучить и сравнить употребление обращений «ты» и «Вы» («դու» и «դուք» соответственно) представителями русского и армянского этносов в ракурсе психологической и лингвистической наук.

Методологическая база: теоретические положения научных трудов таких авторов как Пеннебейкер Дж., Формановская Н.И. и Крысько В.Г.

Методы: анкетирование (авторская анкета) и тестирование, в том числе методика исследования самоотношения (МИС) Столина В.В.

В рамках данной научной статьи необходимо уделить внимание понятию «местоимение». Существуют различные классификации местоимений в зависимости от определенных признаков: например, по значению выделяют восемь разрядов местоимений [1].

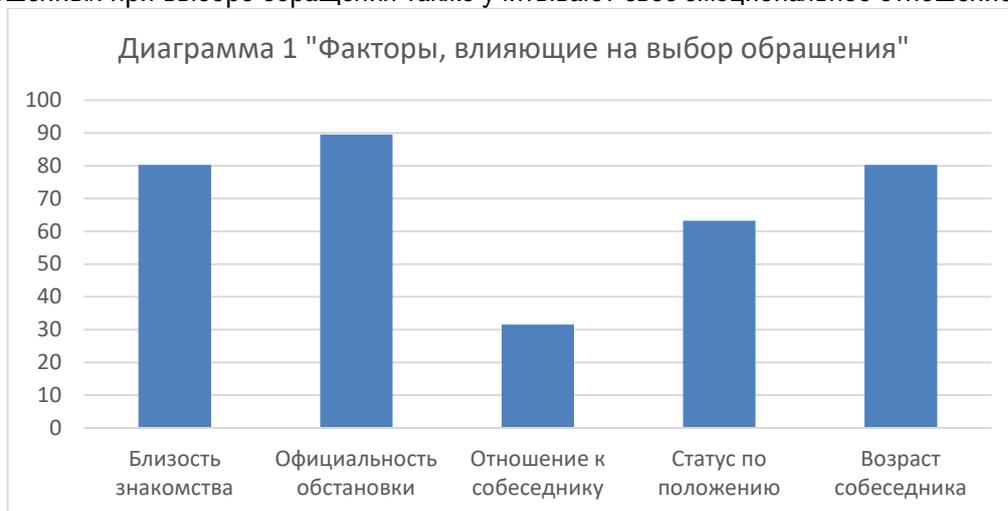
Местоимения могут не только быть рассмотрены с лингвистической позиции, но и отражать психологическое состояние говорящего. В одном из своих интервью профессор Пеннебейкер Дж. отметил, что люди со статусом (лидеры) в силу большего ощущения уверенности в себе употребляют в речи местоимение «я» реже, чем не лидеры, за исключением людей, которые приобрели статус относительно недавно и пока недостаточно уверены в себе. Люди с высоким статусом чаще употребляют местоимение «мы».

Определенные местоимения служат способом обращения. В психотерапии использование обращений может стать неотъемлемой частью техник общения с людьми, например, техника «Я-сообщений», актуальная при общении родителей и детей [2].

На выбор обращения влияют лингвистические и экстралингвистические факторы, такие как степень знакомства с адресатом, официальность обстановки, возраст адресата, равенство или неравенство по положению, отношение к собеседнику [3]. Стоит отметить, что со временем по разным причинам обращение к собеседнику может измениться.

Респондентами эмпирического исследования являются 76 (семьдесят шесть) студентов бакалавриата.

Результаты исследования. На основании полученных результатов, выяснилось, что более 80% респондентов отметили, что на их выбор обращения влияют следующие факторы: близость знакомства, официальность обстановки и возраст собеседника. Статус по положению адресата играет меньшую роль (63,2% респондентов отметили важность данного фактора), чем вышеупомянутые факторы. 31,6 % опрошенных при выборе обращения также учитывают свое эмоциональное отношение к собеседнику.

В результате проведенного исследования мы получили следующие показатели, среди которых доминирующие: по шкале самоинтереса (IV) – 92,33 – признак ярко выражен, по шкале S (глобальное самоотношение) – 80 – признак ярко выражен.

Обсуждение результатов. В результате заполнения респондентами анкеты выявлено, что в большей степени на выбор обращения влияют следующие факторы:

Характер обстановки (88,4% положительного ответа);

Степень близости с собеседником (81,4% положительного ответа);

Возраст собеседника (81,4% положительного ответа).

Более того 84,2% респондентов считают, что выбор обращения по тому или иному критерию является этичным и корректным.

Выводы:

1. В теоретической части мы изучили различные аспекты обращений к собеседнику на базе таких авторов как Пеннебейкер Дж., Формановская Н.И. и Крысько В.Г. На выбор того или иного обращения влияют различные внешние и внутренние факторы.

2. В эмпирической части мы получили результаты, по которым выявлено, что самый высокий показатель выявлен по шкале самоинтереса – 92,33.

В результате проведенного исследования гипотеза подтвердилась: при наличии высоких показателей шкал самоотношения также получены высокие показатели, отражающие уровень важности факторов, влияющих на выбор обращения.

Дальнейшее исследование предполагает аналогичное исследование у респондентов зрелого возраста с целью сравнить показатели.

References

1. **Адамчик Н.В.**, «Самый полный курс русского языка», 2007, Минск, Харвест, стр. 449-454, URL: <https://chamilanguerussepour tous.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0335/335723.2aacc h59711.pdf> - текст электронный, дата обращения 16.04.2023г.
2. **Гиппенрейтер Ю.Г.**, «Общаться с ребенком. Как?», 2008, АСТ, Астрель, Харвест, Москва, URL: https://pedklassy.bspu.by/files/docs/books/1_knigi/2_gippenreyter.pdf - текст электронный, дата обращения 03.01.2023г.
3. **Формановская Н.И.** «Русский речевой этикет, нормативный социокультурный аспект», 2002, Москва, Рус.яз.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MAOCS AND DIGITAL SPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Veapetyan Maximilian, Potazhevich Zlata (HSE, Moscow, Russia)

mr.veapetyan@gmail.com

The article describes the prerequisites for the organization of a digital platform - "Moscow Academy of Digital Sport" and assesses the prospects for the development of this direction in the Russian Federation. The authors of the article in the course of pedagogical and psychological practice, observing and analyzing the impact of modern technologies on the process of education and training, initiate the transition from theory to practice. Modern technologies require constant research, adaptation and improvement of approaches, some of which are presented in the article.

Keywords: *Cybersport, self-awareness, personality, neuropsychology, higher mental functions, self-regulation, speech, motivational reflection, spatial intelligence, emotional intelligence, motivational and volitional processes*".

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЦС И ЦИФРОВОГО СПОРТА В РФ

Веапетян Максимилиан, Потажевич Злата (ВШЭ, Москва, Россия)

В статье описываются предпосылки организации цифровой платформы – «Московская Академия Цифрового Спорта» и оцениваются перспективы развития данного направления в Российской Федерации. Авторы статьи в ходе педагогической и психологической практики, наблюдая и анализируя влияние современных технологий на процесс воспитания и обучения, инициируют переход от теории к практике. Современные технологии требуют постоянного исследования, адаптации и совершенствования подходов, часть из которых представлены в статье.

Ключевые слова: *киберспорт, самосознание, личность, нейропсихология, ВПФ, саморегуляция, речь, мотивационная рефлексия, пространственное мышление, эмоциональный интеллект, мотивационно-волевые процессы.*

В теоретическом исследовании рассматривается актуальность комплексного применения новейших методов российской нейропсихологии и педагогики, в сфере цифрового спорта, а именно в киберспорте. С целью исследовать их влияние на психику ребенка. Поведение индивида основано на том, как функционирует его сознание и самосознание. Схематическая структура компонентов самосознания, предложенная Веапетяном М. Г. может быть так же отнесена и к детям занимающимся киберспортом. Через анализ компонентов самосознания - ощущений, рефлексии, внимания, ценностей и смыслов, которые ребенок придает игровому процессу, при установлении должного эмоционального контакта, специалисты этой сферы получают возможность исследовать его высшие психические функции, качество саморегуляции, речь и мотивационную рефлексия, мотивационно волевою сферу, пространственное мышление и эмоциональный интеллект.

Цели и гипотеза исследования:

Выявить недостаточно изученные аспекты функционирования психики в процессе киберспортивной тренировки.

Гипотезы:

«Целенаправленная киберспортивная тренировка эффективно развивает свойства и качества личности ребенка, положительно влияя на его становление»

«Предполагается что, процесс киберспортивной тренировки является средой для развития личности ребенка, его психики и тела и внедрение современных методов педагогики и психологии способно привести к гармонизации развития личности ребенка»

Методы исследования:

- Теоретический анализ источников,
- Конкретизация теоретического знания,
- Структурное изучение литературы,
- Описание педагогического опыта.

Результаты исследования:

В результате анализа литературных источников обоснована необходимость разработки цифровых платформ для организации киберспортивного обучения и тренировки. Показана важность не только гармоничного развития самосознания личности в условиях современной информационной среды, но и согласованность деятельности родителя и ребенка в виртуальности. Не понимая мотивов и целей детей в игровом пространстве может быть причиной конфликтности между поколениями. Современное общество и технологии открывают широкие возможности для использования интерфейсов, обучение которому начинается с компьютерных игр.

Описание взаимосвязи самооценки и предложенной структуры самосознания личности студента будущего тренера. Профессиональное самосознание определяется как комплекс представлений о себе, как профессионале, включающий оценку себя и становления профессиональной Я-концепции. В статье рассматриваются трудности в формировании профессионального самосознания. Исследование показало, что в структуре самосознания студента будущего тренера могут быть выявлены несоответствия представлений о стиле руководства и недостаточной ориентированности на структурирование целей. Что позволяет предположить, что трудности в формировании самосознания могут быть связаны с тем, что в структуре иерархии мотивов профессиональной деятельности представлены значимые мотивы, но не действенные [1].

Статья посвящена проблеме исследования индивидуально-типологических особенностей участников киберспортивных игр. Раскрыта специфика киберспорта как новой социокультурной практики, показана актуальность развития психологии спорта как междисциплинарной области знания. Рассмотрены основные направления исследований психологических характеристик киберспортсменов: анализ позитивных и негативных эффектов влияния занятий киберспортом и компьютерных игр на физическую активность и психологическое здоровье, выявление мотивов игры, когнитивных и личностных характеристик киберспортсменов. Показано, что исследования индивидуально-типологических особенностей киберспортсменов, в отличие от представителей традиционных видов спорта, являются малоизученными. Их выявление и описание позволит выявлять склонность к определенным дисциплинам киберспорта, разрабатывать психологические основания повышения результативности тренировочной и соревновательной деятельности киберспортсменов с учетом их индивидуальности, предупреждать психологические риски занятия киберспортом [2].

Сравнительный анализ психологического состояния киберспортсменов и представителей традиционных видов спорта в период проведения соревнований и на этапе подготовки к ним показывает, что испытываемое спортсменами психоэмоциональное напряжение (страх перед неудачей, переживание проблем напряженности в результате недопонимания, особенно в командных видах спорта, и др.) имеет схожие характеристики и единые психологические механизмы возникновения. И при отсутствии навыков регуляции психоэмоциональное напряжение оказывает неблагоприятное влияние на результативность и профессиональную эффективность спортсменов в обеих группах. Профессиональные киберспортсмены, регулярно участвующие в соревнованиях, испытывают те же самые виды стрессоров и нуждаются в психологической, медицинской и методически обоснованной педагогической (тренерской) поддержке как в период самих соревнований, так и на этапе подготовки к ним [3].

Список литературы

1. **Веапетян М. Г.** Профессиональное самосознание студентов будущих тренеров // Сборник научных статей 41ой международной конференции. Ереван. –2014. С. 411.
2. **Богдановская И. М., Королева Н. Н., Привалов А. В.** Индивидуальнотипологические характеристики участников киберспортивных игр //Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. –2018. – №. 2. – С. 253-267.
3. **Ковалева Г.А., Янкевич Д.С., Чайковская Н.Э., Талан А.С.** Современные цифровые технологии в системе профессиональной подготовки специалистов для киберспорта // Вестник Мининского университета. –2021. Т. 9, №2. С. 10.

THE EFFECT OF INCLUSIVE LEADERSHIP ON INTERPERSONAL TRUST PROFILES IN CULTURALLY DISTINCT CONTEXTS

*This research was funded by the Russian Science Foundation [project No. 23-18-00830]
Volkova Natalia, Niken Tia Sugianto, Oikanyeng Botho Nnabu (HSE University, St. Petersburg, Russia)
nv.volkova@hse.ru, nsugianto@edu.hse.ru*

Drawing on the Leader-Member Exchange (LMX) theory, this article advances understanding of the impact of three dimensions of inclusive leadership (openness, accessibility, and availability) on employee interpersonal trust profiles obtained in the IT industry using latent profile analysis and considering the cultural context of Russia and the USA.

Keywords: *inclusive leadership, trust, latent profile analysis, LMX theory, IT industry.*

In a fast-changing world, inclusive leadership which focuses on cooperation, expertise of others, and psychological safety, has become a sustained competitive advantage of organizations, resulting in a higher level of the health and well-being of their employees and innovative behavior [1, 2]. Yet, studies on leader inclusiveness primarily used a variable-centered approach, exploring relationships between various variables without considering the differences among participants. However, an alternative way to understand leader inclusiveness is through a person-centered analysis, which groups individuals based on similarities in a set of variables, identifying the diversity among participants. To bridge this gap, this research aims to shed light on the unique employee groups (profiles) identified through their affect- and cognition-based interpersonal trust and the relationships of these profiles with inclusive behaviors of leaders. This research contributes to the literature by adding specificity to the concept of interpersonal trust by illuminating the importance of identifying employee unique profiles and exploring the effect of inclusive leaders' behaviors toward team members with various interpersonal trust profiles.

Hypotheses development

The LMX theory highlights that the exchanges are both behavioral and emotional growing through mutual respect, trust, and obligations [1]. Interpersonal trust, which has cognitive and affective foundations, reflects the level of a person's confidence and willingness to act based on actions, words, and decisions of another [3]. Leaders and followers develop partnerships throughout a life cycle of leadership relationship maturity with stranger, acquaintance, and maturity stages [4]. We assume that these stages will be reflected in the employee interpersonal trust profiles created by using person-centered analysis. Thus:

H1. Employees will be divided into three profiles based on their levels of interpersonal trust.

Inclusive leadership was introduced by Nembhard and Edmondson (2006), who defined leader inclusiveness as 'words and deeds by leaders that invite and appreciate others' contributions' [5, p. 958]. Carmeli et al. [6] specified that inclusive leadership attends to three supportive behaviors of leaders - openness, accessibility, and availability. This multidimensional construct goes beyond mere representation and aims to create a culture of uniqueness and belongingness where all employees feel empowered and included. While the principles of inclusive leadership are universal, the implementation and effectiveness may vary across different cultural and organizational contexts [2]. We hypothesize that:

H2. The inclusive leadership dimensions, such as openness, accessibility, and availability, and country context will predict membership in interpersonal trust profiles.

Sample and Data Collection

We selected employees from IT companies in the USA and Russia. From December 2022 - March 2023, respondents anonymously and voluntarily participated in an approximately 7-10 minutes online survey. Participants were selected through online platforms, social media, and personal networks. Eligible respondents were 18 years old, employed, and working in a team.

The 9-item questionnaire assessed three dimensions of inclusive leader behavior, namely openness ($\alpha=0.87$), availability ($\alpha=0.87$), and accessibility ($\alpha=0.71$) [6]. The interpersonal trust scale was applied to evaluate affect- ($\alpha=0.87$) and cognition-based - ($\alpha=0.88$) dimensions [3]. All questions were measured using a 5-point Likert scale (1 = strongly disagree and 5 = strongly agree). As for Russians, these items were translated

by three native speakers and cross-verified by other informants to keep translational integrity and linguistic similarity.

A total of 500 responses were collected, with 250 from the USA and 250 from Russia. Among them, 285 were females (57%), 196 were males (39.2%), and 19 who did not provide this information (3.8%). Data were collected from team managers (n=240) and team members (n=260).

Results and discussion

Consistent with Hypothesis 1, three unique profiles were extracted based on two dimensions of interpersonal trust by using latent profile analysis. We labelled them following the stages of a life cycle of leadership relationship maturity [4]. The 'stranger' sub-group (9%) reported poor level of affect-(M=2.59, SD=0.39) and cognition-based (M=2.86, SD=0.47) trust. The 'maturity' sub-group (48.4%) is the most sustainable and allegiant, as these employees achieved excellent scores in affect- (M=4.4, SD=0.32) and cognition-based (M=4.45, SD=0.32) trust. While the 'acquaintance' sub-group (42.6%) was the middle ground of these three profiles (M=3.47, SD=0.29 and M=3.5, SD=0.38 for affect- and cognition-based trust, respectively).

To determine the effect of inclusive leadership dimensions and country on membership in interpersonal trust profiles, as predicted in Hypothesis 2, the multinomial logistic regression was performed for team members. The increase in availability and accessibility dimensions is associated with the memberships in the 'maturity' group for team members who belong to the 'stranger' profile. This effect is significantly stronger for Russian team members. When employees are the part of the 'acquaintance' sub-group, all three dimensions increase the likelihood of membership in the 'maturity' profile without country differences. Thus, leaders should choose various behavioral strategies of inclusiveness depending on interpersonal trust profiles.

Conclusion. This study addresses the call to further understanding the impact of inclusive leadership on interpersonal trust in both Western and Eastern cultural contexts [2]. We sought to contribute to both literature on organizational psychology and leadership by identifying three interpersonal trust profiles among IT employees and understanding the role of inclusive leadership dimensions for membership in these profiles under two culturally distinct context.

References

1. **S. B. Choi, T. B. H. Tran, and S.-W. Kang**, "Inclusive Leadership and Employee Well-Being: The Mediating Role of Person-Job Fit," *J. Happiness Stud.*, vol. 18, no. 6, pp. 1877–1901, Dec. 2017, doi: 10.1007/s10902-016-9801-6.
2. **A. Veli Korkmaz, M. L. Van Engen, L. Knappert, and R. Schalk**, "About and beyond leading uniqueness and belongingness: A systematic review of inclusive leadership research," *Hum. Resour. Manag. Rev.*, vol. 32, no. 4, p. 100894, Dec. 2022, doi: 10.1016/j.hrmr.2022.100894.
3. **D. J. McAllister**, "Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations," *Acad. Manage. J.*, vol. 38, no. 1, pp. 24–59, Feb. 1995.
4. **G. B. Graen and M. Uhl-Bien**, "Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective," *Leadersh. Q.*, vol. 6, no. 2, pp. 219–247, Jun. 1995.
5. **I. M. Nembhard and A. C. Edmondson**, "Making it safe: the effects of leader inclusiveness and professional status on psychological safety and improvement efforts in health care teams," *J. Organ. Behav.*, vol. 27, no. 7, pp. 941–966, Nov. 2006, doi: 10.1002/job.413.
6. **A. Carmeli, R. Reiter-Palmon, and E. Ziv**, "Inclusive Leadership and Employee Involvement in Creative Tasks in the Workplace" *Creat. Res. J.*, vol. 22, no. 3, pp. 250–260, Aug. 2010.

RESOURCE APPROACH TO PROACTIVE BEHAVIOR OF STAFF IN AN INNOVATION ENVIRONMENT

Ermolaeva Marina, Lubovsky Dmitry, Avdeeva Anna (Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia)

mar-erm@mail.ru, lubovsky@yandex.ru, ap.avdeeva@rambler.ru

The relevance of studying the resources of proactive behavior of personnel is shown. Theoretical models and empirical studies of proactive behavior are analyzed; It is shown that in the resource approach to proactive behavior there is an idea according to which work resources actualize the personal resources of staff's proactive behavior.

Key words: *proactive behavior, resource approach, work resources, personal resources.*

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ПРОАКТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ПЕРСОНАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Ермолаева Марина, Лубовский Дмитрий, Авдеева Анна (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия)

Показана актуальность исследования ресурсов проактивного поведения персонала. Проанализированы теоретические модели и эмпирические исследования проактивного поведения; показано, что в ресурсном подходе к проактивному поведению имеется представление, согласно которому рабочие ресурсы актуализируют личностные ресурсы проактивного поведения персонала.

Ключевые слова: *проактивное поведение, ресурсный подход, рабочие ресурсы, личностные ресурсы.*

Актуальность исследования обусловлена значимостью управления человеческими ресурсами для достижения организационных целей в аспекте устойчивого развития экономики. В понятие управления персоналом все больше входит новое содержание - повышение инициативности, ответственности, вовлеченности, готовности к выполнению новых задач, внутренняя свобода в принятии решений. В инновационной рабочей среде поддерживается поведение персонала, отличающееся инициативой, не регламентированной должностными обязанностями, направленное на изменение сложившейся ситуации в сторону создания новых условий и возможностей, т.е. проактивное рабочее поведение, в связи с чем актуальны исследования его ресурсов.

Цель работы – анализ теоретических моделей и эмпирических исследований проактивного рабочего поведения для выявления его ресурсов, наиболее существенных для инновационной рабочей среды.

Гипотеза – ключевыми для проактивного рабочего поведения персонала являются рабочие ресурсы, актуализирующие личностные ресурсы проактивного поведения.

Метод исследования – теоретический анализ моделей и эмпирических проактивного поведения и его ресурсов.

Результаты исследования. В современной организационной психологии под проактивным рабочим поведением понимается проявление инициативы, направленное на улучшение текущих условий или создание новых, на изменение сложившегося положения, а не адаптацию к существующим условиям; проактивность личности считается важным, но не единственным предиктором проактивного поведения [1].

Понятие проактивности подчеркивает возрастающую роль активности персонала в инновационной среде; изменения существующего положения выступают существенным фактором увлеченности работой [2]. Проактивное поведение подразумевает изменения, затрагивающие различные ресурсы деятельности – структурные ресурсы (стремление к разнообразию работы и большей автономности), социальные ресурсы (стремление к получению обратной связи как оценки своей работы), инициативу в усложнении требований к деятельности. Снижение требований ведет к активизации контрпродуктивной стратегии, противостоящей инновационности в рабочей среде [3].

Ресурсный подход к проактивному поведению в инновационной среде подчеркивает значение активного поиска – ресурсов (автономии, обратной связи, помощи, информации, возможностей), задач (более сложных, наполненности рабочего времени продуктивной активностью и др.), новых знаний, новых смыслов (соответствие характеристик своей работы своим способностям и предпочтениям). Отмечена связь проактивного поведения и психологического благополучия работников – к его росту ведет проактивное изменение деятельности [4], повышение профессиональной компетентности, позитивные изменения взаимоотношений с коллегами и руководством [5].

Анализ исследований позволяет выделить психологический ресурсный подход к исследованию проактивного поведения, где подчеркивается роль рабочих и личностных ресурсов проактивного поведения. К рабочим ресурсам относят социальные и организационные факторы, обуславливающие достижение целей, обучение и личностный рост – конструктивный климат в организации, автономию личности, обратную связь о результатах деятельности, социальную поддержку. К личностным ресурсам относят параметры личности, относящиеся к предикторам проактивного поведения – жизнестойкость, ассертивность, резильентность, диспозиционный оптимизм, толерантность к неопределенности [6]. Жизнестойкость в единстве трех ее компонентов (вовлеченности, контроля и принятия риска) способствует тому, что стрессовые ситуации не вызывают внутреннего напряжения и дезорганизации труда. Резильентность способствует правильному распределению ресурсов в трудной ситуации [7].

Под диспозиционным оптимизмом понимается «...когнитивная установка, включающая генерализованные ожидания относительно будущего или тенденцию индивида верить в то, что в будущем его ждет больше хороших событий, чем плохих» [8, с. 34] Ассертивность представляет собой способность человека не зависеть от внешних влияний и регулировать свое поведение, достигая своих целей и не нанося ущерба интересам других людей [9]. Самоэффективность является представлениями человека о способности достичь цель, веру в возможность осуществлять контроль над любыми событиями в жизни при достижении цели. Толерантность к неопределенности рассматривается как ресурс проактивного поведения, благодаря которому человек воспринимает неопределенные ситуации как желаемые, принимает решение в ситуации двойственности, внутренне противостоит несвязности и противоречивости.

Выводы. Многие исследователи показывают, что рабочие ресурсы (усложнение задач деятельности, организация труда, содействующая продуктивному расходу рабочего времени и т.д.) актуализируют ресурсы проактивного поведения сотрудников организации. Проведенный нами теоретический анализ подтвердил гипотезу, согласно которой ключевыми для проактивного рабочего поведения персонала являются рабочие ресурсы, актуализирующие личностные ресурсы данного вида поведения.

Список литературы

1. **Ильина, О. Н.** Проактивное рабочее поведение: концепции и направления исследований / О. Н. Ильина, Н. Н. Лепехин, С. А. Маничев // Организационная психология. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 92-127.
2. **Мандрикова Е.Ю., Горбунова А.А.** Взаимосвязь увлеченности работой, личностных ресурсов и удовлетворенности трудом сотрудников. - Организационная психология. 2012. Т. 2. №4. С. 2–22.
3. **Маничев, С. А.** Современные модели дизайна работы: проактивное поведение / С. А. Маничев // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. – Москва : Институт психологии РАН, 2018. – С. 93-114.
4. **Plomp, J., Tims, M., Akkermans, J., Khapova, S. N., Jansen, P. G. W., Bakker, A. B.** (2016). Career competencies and job crafting: How proactive employees influence their well-being. *Career Development International*, 21(6), 587–602.
5. **Weseler, D., Niessen, C.** (2016). How job crafting relates to task performance. *Journal of Managerial Psychology*, 31(3), 672–685.
6. **Иванова, Т. Ю., Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н., Рассказова, Е. И., Кошелева, Н. В.** (2018). Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности. *Организационная психология*, 8(1), 85–121.
7. **Hobfoll, S., Johnson, R., Hall, B., Palmieri, P., Canetti-Nisim, D., Galea, S.** (2009). Trajectories of Resilience, Resistance and Distress During Ongoing Terrorism: The Case of Jews and Arabs in Israel. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1, 138–148.
8. **Гордеева, Т. О.** Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 34-55.

9. **Шейнов В.П.** Ассертивность индивида и его здоровье. – Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Том 3. – № 4. – с. 256 – 270.

A REVIEW OF STUDENT EMOTIONAL ENGAGEMENT AND ITS CONNECTION TO WELL-BEING

Zheyu Song (Yerevan State University, Yerevan, Armenia)

zheyusong@gmail.com

This article explores the concept of student engagement, especially emotional engagement among students and its relationship with their overall well-being. Emotional engagement refers to the affective factors that influence student engagement, including enjoyment, support, belonging, and attitudes towards teachers, peers, and learning. The article discusses the implications of emotional engagement for academic achievement, social development, and behavioral outcomes. It also examines the potential consequences of reduced emotional engagement, such as a decline in cognitive engagement and negative effects on mental health and well-being. The article concludes with recommendations, such as fostering positive teacher-student and peer relationships, for promoting emotional engagement in students.

Keywords: *emotions, engagement, student emotional engagement, teacher-student relationships, well-being, learning, development.*

Student engagement can significantly affect students' learning experience, academic achievements, and their subjective well-being. The value of student engagement, defined by Kuh (2009), shows that participating in a diverse range of educationally beneficial activities establishes the fundamental abilities and attitudes necessary for leading a fulfilling and successful life beyond college; in simpler terms, engagement fosters the development of cognitive and emotional habits that expand one's potential for ongoing learning and self-improvement [4]. Engaged students are more likely to persist in college, achieve higher grades, and acquire a range of skills and dispositions that prepare them for life after college. The National Survey of Student Engagement (NSSE), which is a survey that asks students about their experiences in college in areas such as academic engagement, co-curricular involvement, and interactions with faculty and peers, and their overall satisfaction with the college experience, has been used by many colleges and universities to assess and improve student engagement and learning outcomes.

In addition, the key ideas of student engagement conveyed by Finn and Zimmer (2012) are that learning requires engagement, which encompasses both behavioral and psychological aspects. Engagement and disengagement are developmental processes that take place over a span of many years, and modifying school policies and practices can enhance student engagement and improve outcomes for those who may be at risk [1]. Student engagement is multi-dimensional, including behavioral, cognitive, and emotional components, which collectively offer valuable insights into the students' overall experience. (Fredricks et al. 2004) [2]. Behavioral engagement refers to students' involvement in academic and co-curricular activities, while cognitive engagement refers to their effort and investment in learning. Emotional engagement is the degree to which students feel connected to their college and invested in their educational experience.

The experience of emotion is a stage of neurobiological functioning and an essential element of both emotions and the interplay between emotions and cognitive processes [3]. Student emotional engagement is a critical aspect of the learning process that has a significant impact on their overall well-being. Emotional engagement refers to the various emotional aspects of engagement, such as pleasure, encouragement, a sense of belonging, and attitudes towards teachers, classmates, learning, and the school as a whole [8]. When students are emotionally engaged, they feel a sense of enjoyment and belonging in the classroom, which can lead to greater academic achievement, positive social development, and improved behavioral outcomes. However, when emotional engagement is lacking, it can result in reduced cognitive engagement, poor academic performance, and negative effects on mental health and well-being.

Emotional engagement within teacher-student relationships can have important consequences for students' academic performance as well as their social and behavioral development in the future; for example, when young students' relationships with their teachers are marked by conflict, they are at a higher risk of being held back a grade, facing rejection from their peers, and being less involved in classroom activities [5]. The quality of relationships with teachers and peers, as demonstrated through emotional engagement, is believed to

enhance cognitive engagement, and ultimately result in a greater display of engaged behaviors [6]. If emotional engagement decreases, it can lead to a decrease in cognitive engagement among students in their academic work [7]. To promote emotional engagement among students, it is important to cultivate positive teacher-student and peer relationships, create a supportive classroom environment, and incorporate engaging learning activities that allow students to connect with the material and each other. By fostering emotional engagement, educators can help students feel more connected to their learning and increase their overall well-being.

References

1. **Finn, J. D., & Zimmer, K. S.** (2012). Student Engagement: What Is It? Why Does It Matter? *Handbook of Research on Student Engagement*, 97–131. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-2018-7_5
2. **Fredricks, J. A., Blumenfeld, P. C., & Paris, A. H.** (2004). School engagement: Potential of the concept, state of the evidence. *Review of Educational Research*, 74(1), 59–109. <https://doi.org/10.3102/00346543074001059>
3. **Izard C. E.** (2009). Emotion theory and research: highlights, unanswered questions, and emerging issues. *Annual review of psychology*, 60, 1–25. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163539>
4. **Kuh, G. D.** (2009). The national survey of student engagement: Conceptual and empirical foundations. *New Directions for Institutional Research*, 141, 5–20. <https://doi.org/10.1002/ir.283>
5. **Silver, R. B., Measelle, J. R., Armstrong, J. M., & Essex, M. J.** (2005). Trajectories of classroom externalizing behavior: Contributions of child characteristics, family characteristics, and the teacher–child relationship during the school transition. *Journal of School Psychology*, 43, 39–60. https://www.unica.it/static/resources/cms/documents/infanziaeprimaria_1.pdf
6. **Skinner, E. A., Furrer, C., Marchand, G., & Kindermann, T.** (2008). Engagement and disaffection in the classroom: Part of a larger motivational dynamic? *Journal of Educational Psychology*, 100(4), 765–781. <https://doi.org/10.1037/A0012840>
7. **Wang, M., & Eccles, J.** (2013). School context, achievement motivation, and academic engagement: A longitudinal study of school engagement using a multidimensional perspective. *Learning and Instruction*, 28, 12–23. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/j.learninstruc.2013.04.002>
8. **Watt, D.** (2004). Consciousness, emotional self-regulation and the brain. *Journal of Consciousness Studies*, 11(9), 77–82. <https://doi.org/10.1075/aicr.54>.

UNIFIED ADAPTATION MONITORING SYSTEM-FUNCTIONAL HEALTH ASSESSMENT («SEMAPHORE» PROJECT)

*Zhilyaev Andrey, Lukashova Ekaterina (AMTS EAMET, Moscow, Russia)
ya@eamet-association.ru, mebix@yandex.ru, ekaterinalu.rb@yandex.ru*

The study summarizes 20 years of experience in the application of the developed innovative system of psychological support for specialists in extreme professions. The system includes a psychophysiological assessment of key patterns of professional reliability and a set of medical and psychological methods of differentiated recovery under the influence of stressful factors of the professional environment for the prevention and correction of stress-dependent disorders. The use of this system in various professional groups makes it possible to ensure high efficiency of extreme work in regular modes and reduce the risk of emergency situations associated with the "human factor".

Keywords: *psychological support, extreme professions, stressful factors, correction of stress-dependent disorders.*

СИСТЕМА ЕДИНОГО МОНИТОРИНГА АДАПТАЦИИ – ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАБОТОСПОСОБНОСТИ (ПРОЕКТ «СЕМАФОР»)

Жильев Андрей, Лукашова Екатерина (АМТН ЕАМЭТ, Москва, Россия)

В приведенном исследовании обобщен 20-летний опыт применения разработанной инновационной системы психологического сопровождения специалистов экстремальных профессий. Система включает психофизиологическую оценку ключевых паттернов профнадежности и комплекс медико-психологических методик дифференцированного восстановления профнадежности при воздействии стрессогенных факторов профессиональной среды для предупреждения и коррекции стрессозависимых расстройств. Применение этой системы в различных профессиональных группах позволяет обеспечить высокую эффективность экстремального труда в штатных режимах и снизить риск внештатных ситуаций, связанных с «человеческим фактором».

Ключевые слова: *психологическая поддержка, экстремальные профессии, стрессовые факторы, коррекция стрессозависимых расстройств.*

Проблема исследования. В мире возрастает интенсивность профессиональных нагрузок и соответственно увеличивается риск техногенных аварий и катастроф по вине «человеческого фактора». Высокоактуальной задачей является повышение эффективности психологического сопровождения специалистов экстремальных профессий для обеспечения профессиональной надежности и профессионального долголетия. Динамический контроль профессиональной адаптации обеспечивает реальное управление профессиональным здоровьем специалистов в штатно- экстремальных режимах.

Актуальная цель: повышение уровня профессионального долголетия и профессиональной надёжности специалистов экстремальных профессий.

Гипотеза: скрининг-мониторинг психофизиологических паттернов позволяет на сверхвысоких уровнях эффективно оценивать состояние функциональной адаптации и выявлять предикторы снижения профессиональной надежности и повышенного риска развития внештатных ситуаций, аварий и катастроф по вине «человеческого фактора».

Выборка: в исследовании принимали участие учащиеся: 320 специалистов экстремальных профессий (транспортная компания).

Методики исследования: комплекс методик измерения и автоматизированного анализа психофизиологических параметров, связанных с состоянием повышенной утомляемости и снижения концентрации внимания и работоспособности.

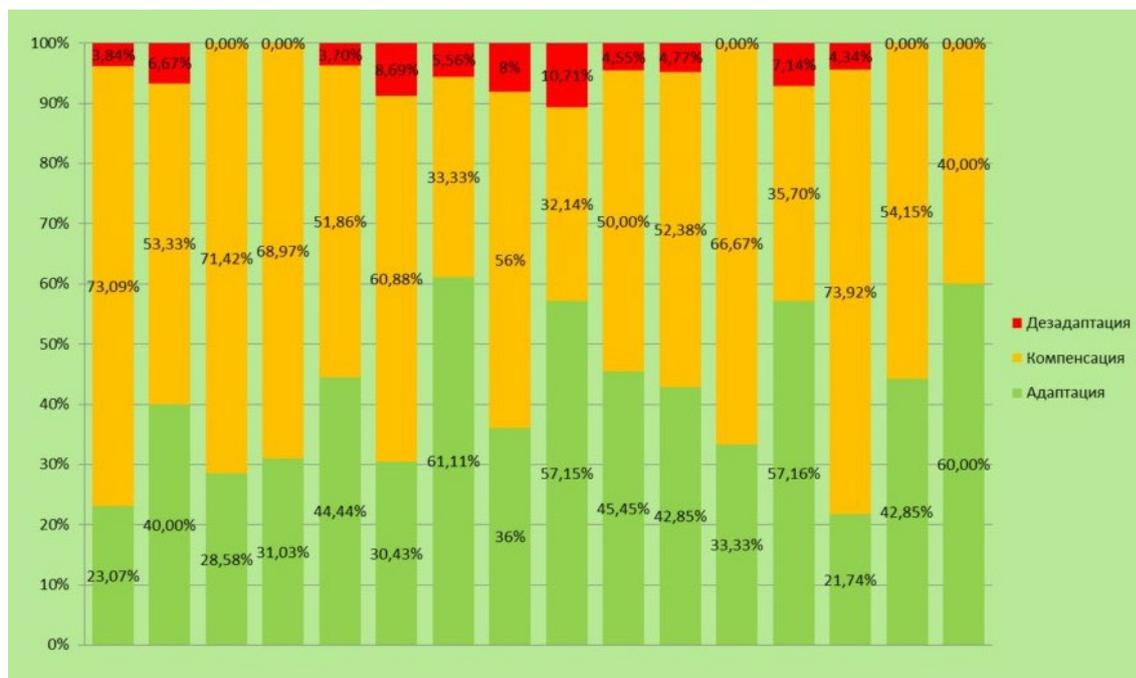
Комплекс скрининга включает:

1. Сегментарную термометрию;
2. Интервалокардиометрию;
3. Психометрию;
4. Психомоторную координацию при выполнении функциональных нагрузок.

Лимитная пропускная способность скрининг-комплекса - 60 человек в час.

Математический анализ результатов скрининга. Динамический мониторинг при повторных скринингах.

Результаты исследования и их обсуждение:

Разработанные алгоритмы дают возможность осуществлять эффективную и безопасную коррекцию психофизического состояния специалистов, повышая их профессиональное долголетие.

Из 320 человек:

1. Стабильный уровень - устойчивая адаптация - 204 человека;
2. Уровень компенсации - сохранение профнадежности при наличии незначительного снижения профессиональной работоспособности - 107 человек;
3. Уровень дезадаптации - значительное снижение профнадежности, повышенный риск развития нарушения профессиональной эффективности - 9 человек .

Дифференциация подходов к психологическому сопровождению:

1. Группа адаптации - скрининг-мониторинг профессиональной надежности;
2. Группа компенсации - мероприятия по поддержанию психофизиологической адаптации;

Группа дезадаптации - отстранение от работы,

- ❖ направление на уточняющую диагностику
- ❖ направление на адресную коррекцию:
 - a) при соматических или неврологических проблемах - в медицинскую службу;
 - b) при стрессозависимых реакциях - в психологическую службу.

Выводы и рекомендации: Мониторинг профнадежности позволяет поддерживать высокую эффективность профессиональной деятельности и эффективно предупреждать профессиональные внештатные ситуации. Осуществляется проведение повторных скринингов интегральных характеристик, позволяющих доказательно выявлять группы риска профессиональной ненадежности на сверххранних этапах. Прямые результаты внедрения проекта «СЕМАФОР»: повышение результатов профессиональной деятельности, снижение частоты и тяжести случаев внештатных ситуаций по вине профессиональной ненадежности специалистов. Разработанные алгоритмы дают возможность осуществлять эффективную и безопасную коррекцию психофизического состояния специалистов, повышая их профессиональное долголетие. Система функциональной оценки работоспособности в рамках проекта «СЕМАФОР» разработана и успешно внедрена.

Список литературы

1. **Александровский Ю. А.** Состояния психической дезадаптации и их компенсация. – М.: Наука, 1976. -272 с.
2. **Антипов В.В.** Психологическая адаптация к экстремальным ситуациям. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004;

3. **Дикая Л. Г.** Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: ИП РАН, 2003.
4. **Ениколопов С. Н.** Психотерапия при посттравматических стрессовых расстройствах// Рос. психиатр. журн. – 1998. - №3. – С.50-56.
5. **Жиляев А.Г.**, «Интенсивные методики оценки психологического состояния, выявления и коррекции психологической дезадаптации» 2004, Казань.;
6. **Меерсон Ф. З., Пшенникова М. Г.** Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам. – М.: Медицина, 1988. – 256 с.

SCHULTE TABLES TECHNIQUE IN CHILD CLINICAL PSYCHOLOGY: NEW ANALYSIS OPTIONS

Zvereva Natalia, Sergienko Alexey, Zvereva Mariia, Strogova Svetlana, Antonova Ekaterina, Klak Daria
(FSBSI MHRC, Moscow, Russia)
nwzvereva@mail.ru, aumsan@gmail.com, art@mzvereva.ru, svetlana.strogova0101@gmail.com,
dariaklak@gmail.com, katherine_ant@mail.ru

The updated version of evaluating of the Schulte table technique data is proposed, along with the traditional efficiency, mental stability and workability, the authors introduce an assessment of new parameters of the seeking time for numbers on table: fluctuation (the ratio of the sum of modulo differences between successive tables to the total time) and delta (the difference between the minimum and maximum time). The children with normal and abnormal development were compared.

Key words: children and adolescents, mental pathology and developmental disorders, Schulte tables, analysis options, visual attention.

МЕТОДИКА ТАБЛИЦЫ ШУЛЬТЕ В ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: НОВЫЕ ВАРИАНТЫ АНАЛИЗА

Зверева Наталья, Сергиенко Алексей, Зверева Мария, Строгова Светлана, Клак Дарья, Антонова Екатерина (ФГБНУ НЦПЗ, Москва, Россия)

Предлагается обновленный вариант оценки данных методики таблицы Шульте, наряду с привычными эффективностью, психической устойчивостью и вработываемостью авторы вводят оценку новых параметров времени поиска чисел: флуктуацию (отношение суммы разностей по модулю между последовательными таблицами к общему суммарному времени) и дельту (разница минимума и максимума времени). Сопоставлены дети нормы и патологии развития.

Ключевые слова: *дети и подростки, психическая патология и нарушения развития, таблицы Шульте, параметры анализа, зрительное внимание.*

Актуальность. Методика таблицы Шульте является одной из самых востребованных при оценке особенностей внимания и работоспособности детей и подростков, важно, соблюдая традиции, использовать новые возможности этого надежного средства для диагностики в детской и взрослой клинической психологии [1, 2, 3]

Цели 1) Внедрение новых параметров анализа в оценку методики таблицы Шульте; 2) оценка и сопоставление параметров таблиц Шульте в исследуемых группах (нормативное развитие, патология развития, дети, зачатые с помощью вспомогательных репродуктивных технологий - ВРТ).

Описание выборки. В обследовании приняли участие 3 группы испытуемых от 7 до 15 лет: 1 группа-дети и подростки зачатые с помощью ВРТ, 32 человека (из них 18 мальчиков) – далее группа ВРТ; 2 группа сравнения, нормативная (дети и подростки зачатые естественным путем, 114 человек (из них 64 мальчика – далее НГ); 3 группа - клиническая, пациенты детского отделения ФГБНУ НЦПЗ с диагнозами шизофренического спектра (F20.8-45 чел-к, F20x-47 и F21-10), 104 человека (из них 64 мальчика) – далее ШГ. Пациенты ШГ проходили обследование в период стабилизации состояния на фоне лечения во время госпитализации, испытуемые НГ и ВРТ обследованы амбулаторно.

Методы и методики. Применялась широко распространённая методика для оценки параметров зрительного внимания таблицы Шульте [2, 3]. Наряду с традиционными способами оценки результатов разработаны дополнительные параметры. Флуктуация (f) - отношение суммы разностей по модулю между временем нахождения стимулов на последовательных таблицах к общему суммарному времени нахождения стимулов на всех таблицах (процентное отношение).

$$f = \frac{|t2 - t1| + |t3 - t2| + |t4 - t3| + |t5 - t4|}{\sum ti} * 100$$

где t_i – время нахождения стимулов на каждой таблице.

Дельта (d) разница минимума и максимума времени нахождения стимулов на таблицах

$d = t_{\max} - t_{\min}$.

Введенные параметры, по нашему мнению, указывают, с одной стороны, на степень разбалансированности фактора общей нейродинамики, с другой стороны, параметр d (дельта) может указывать на специфику восприятия и мотивационного фактора, а не только на динамику темпа деятельности.

Результаты и обсуждение. В данном сообщении для нас важно представить новый и традиционный варианты оценки результатов применения таблиц Шульте. В связи с этим мы не рассматривали возрастную динамику, различия по полу, концентрируясь прежде всего на способе оценки материалов методики в виде флуктуации и дельты в сопоставлении с описанными ранее эффективностью и другими показателями. Оценивая результаты, мы выбрали следующий алгоритм: по каждому из показателей, новых и традиционных, по нормативной выборке определялась медиана и далее в каждой из сопоставляемых выборок с разными вариантами развития они сравнивались по принципу того, как различается частота встречаемости испытуемых, выполнивших задание с результатов больше медианы (отдельно по каждому показателю – т.е. относительно нормативных показателей). Оказалось, что по показателям традиционным – вработываемости и психической устойчивости - не было получено различий между всеми тремя выборками попарно: ВРТ- НГ, ВРТ - ШГ, НГ- ШГ, для показателя эффективности - получены попарные различия между группами ВРТ (88%) – НГ (50%) на уровне 0,01, НГ (50%) – ШГ (86%) на уровне 0,01. При этом для новых вводимых показателей были получены достоверные различия по флуктуации – ВРТ (62%) – НГ (45%) - на уровне 0,01, ВРТ (62%) – ШГ (49%) - на уровне 0,05. По показателю дельта различия оказались достоверно значимыми между группами ВРТ (81%) – НГ (49%) на уровне 0,01 и ШГ (70%) – НГ (49%) также на уровне 0,01. Таким образом, показатели традиционные дифференцировали группы только по скорости поиска чисел, что отражает показатель эффективности работы, а для относительно нового показателя дельта, который нечасто используется психологами, мы получили результаты, сходные с описанными Давтян Е.Н. и коллегами [3].

Очевидно, что разработку применения новых параметров (флуктуация и дельта), отражающих равномерность/неравномерность работы и размах показателей времени поиска чисел в таблицах Шульте, следует продолжать и расширять выборки, учитывая факторы болезни (диагноза), а также биологические факторы возраста и пола испытуемых.

Выводы

1. Проведенный анализ применения новых параметров оценки выполнения методики таблицы Шульте разными группами испытуемых (НГ, ВРТ, ШГ) показал, что данные показатели могут дифференцировать группы испытуемых по виду онтогенеза.
2. Выявленные особенности показателей внимания детей ВРТ по сравнению с НГ и ШГ требуют отдельного исследования с применением других методик изучения внимания в детской патопсихологии, опоры на возможности нейропсихологического подхода.

Список литературы

1. **Рубинштейн С.Я.** Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. Практическое руководство. СПб.: ЛЕНАТО, 1998.
2. **Зверева Н.В., Хромов А.И., Сергиенко А.А., Коваль-Зайцев А.А.** Клинико-психологические методики оценки когнитивного развития детей и подростков при эндогенной психической патологии (память и внимание) - М.: ООО "Сам полиграфист", 2017.

3. **Давтян Е.Н., Беляева С.И.** Общая психопатология и патопсихологическая диагностика: клинические примеры из практики психиатрического стационара. Учебно-методическое пособие. СПб: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022.

POSSIBLE COGNITIVE MECHANISMS OF PERCEPTION OF SOUND-IMITATIVE WORDS IN APHASIA

*Korotaevskaya Elizaveta (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia)
e.korotaevskaya@spbu.ru*

It is known that sound-imaginative words stimulate speech in both a child and a bilingual. We assume that a similar effect will be observed in people with aphasia. Probably, sound acuity will contribute to the process of understanding speech and the secondary launch of speech after its loss as a result of a stroke. This work is an attempt to build a theoretical basis for future research work.

Key words: *psycholinguistics, sound-acuity, iconicity, phonosemantics, Russian language, lexical solution, visual and auditory recognition of verbal stimuli, aphasia.*

ВОЗМОЖНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ПРИ АФАЗИИ

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ No 20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».
Коротаевская Елизавета (Санкт-Петербургский Государственный Университет)*

Известно, что звукоизобразительные (далее-ЗИ) слова стимулируют речь как у ребенка, так и у билингва. Мы предполагаем, что подобный эффект будет наблюдаться и у людей с афазией. Вероятно, звукоизобразительность будет способствовать процессу понимания речи и вторичному запуску речи после ее утраты в результате инсульта или иных причин. Данная работа является попыткой построить теоретическую основу для будущей исследовательской работы.

Ключевые слова: *психолингвистика, звукоизобразительность, иконичность, фоносемантика, русский язык, лексическое решение, визуальное и аудиальное опознание вербальных стимулов, афазия.*

Актуальность. Заключается в необходимости проведения анализа теоретических работ по возможным когнитивным механизмам восприятия звукоизобразительности (далее-ЗИ) в афазии и визуальному опознанию русских ЗИ слов здоровыми людьми с афазией для более полного понимания природы восприятия ЗИ, а также пониманию механизмов восприятия ЗИ слов у людей с афазией и возможный механизм вторичного запуска речи.

Цель данной обзорной статьи заключается в анализе имеющихся теоретических работ по возможным когнитивным механизмам восприятия звукоизобразительности (далее-ЗИ) в афазии, а также в описании дизайна исследования.

Описание выборки. Здоровые люди (контрольная группа) и люди с разными видами афазии (беглый и не беглый типы – экспериментальные группы). В зависимости от типа афазии пациент классифицировался либо как имеющий беглый, либо не беглый тип афазии в соответствии с классификацией афазии Лурии (Akhutina, 2016). Лица с диагнозом моторной (примерно соответствующей афазии Брока в Бостонской классификации) и/или динамической (транскортикальной моторной) афазии на основе комплексной нейропсихологической оценки будут сгруппированы в группу “не беглый”, в то время как лица с сенсорной (Вернике) и/или акустико-мнестической (аномической) афазией будут включены в группу “беглый”. Широкие критерии включения, без ущерба для достоверности выводов по классификации.

Методы исследования. Исследование будет проведено методом «Лексическое решение» (LDT) – классическим психосемантическим методом, измеряющим насколько быстро и правильно испытуемый

определяет вербальный и звуковой стимул (слово или не-слово), представленный визуально в рандомизированном порядке с лимитированным временем. Формирование корпуса стимульного материала производилось с опорой на критерии, сформулированные авторами в ходе исследований, проведенных в предыдущие годы. Основными критериями являются следующие: 1) гомоморфность стимульного материала; 2) равномерность представленности в корпусе стимулов трех типов – ЗИ, не-ЗИ, квази-слов – причем, слова и квази-слова, так же, как и ЗИ и не-ЗИ слова, представлены в равном количестве. Кроме того, были задействованы следующие специальные лингвистические методы исследования: метод фоносемантического анализа, метод диахронической оценки ЗИ лексикона и законы фонотактики (Флакман М.А., Лавицкая Ю.В., Седёлкина Ю.Г., Ткачева Л.О., 2020).

Звукоизобразительность — это систематическая связь между звуком слова и его значением (денотацией); ЗИ считается универсальным для различных языков. ЗИ слова несут в себе символическое, архетипическое, метафорическое послание, поэтому опознание ЗИ слова требует участия еще одной системы обработки информации – образно-символической, определенно более древней, уходящей корнями в протоязыки. Также ЗИ слова несут информацию сразу в двух измерениях – семантическом и чувственном, и за счет этого когнитивная обработка такого стимула происходит сложнее и медленнее, поскольку предполагает активацию как минимум двух контуров обработки информации.

Внимания исследователей было сфокусировано на изучение внешней формы ЗИ, исследовались фонологические, морфо-синтаксические и звуко-символические аспекты ЗИ, в то время как ее функциональность и когнитивные механизмы переработки этой информации оставались не изученными, не говоря уже об изучении ЗИ в рамках исследования афазии.

В ранее проведенных исследованиях с использованием метода «лексическое решение» были получены данные, свидетельствующие о значимой временной задержке в визуальном опознании ЗИ слов по сравнению с не-ЗИ словами как на родном языке испытуемых (русском), так и на иностранном (английском) (Флакман, Седёлкина, Коротаяевская, 2021), независимо от возраста и уровня иноязычной компетенции респондентов (Ткачева, Sedelkina, Nasledov, 2019). Предположительно, зафиксированная задержка связана с когнитивной сложностью распознавания слов ЗИ, которая требует обработки не только семантической информации, но и декодирования образного сообщения с привлечением дополнительных информационных и энергетических ресурсов. Кроссmodalная активационная теория, лежащая в основе процесса идентификации ЗИ слов, говорит о том, что поиск соответствия между звуком и формой может быть объяснен наличием сенсорных связей между слуховыми и зрительными зонами коры (Флакман, Седёлкина, Коротаяевская, 2021).

В своей работе мы хотим пойти дальше и посмотреть как будут восприниматься аудиальные и визуальные стимулы ЗИ людьми с афазией. Предполагается, что даже несмотря на то, что речь утрачена ЗИ слова будут восприниматься, что как раз и поможет нам в будущем перезапустить речь в реабилитации.

Изучая афазию можно заметить, что не существует сильной корреляции между выполнением задач по восприятию сублексической речи и выполнением задач по восприятию на слух. Фактически, выполнение двух классов задач вдвойне диссоциирует: сообщалось о пациентах, которые не справляются с задачами распознавания и идентификации слогов, но при этом имеют очень хорошее слуховое понимание на уровне слов, и наоборот. Выполнение задач по восприятию сублексической речи отличается от выполнения задач по восприятию на слух: в обычной разговорной речи слушатели не имеют четкого представления о фонематической структуре ввода, только о семантическом содержании. Доступ к сублексической структуре влечет за собой когнитивные механизмы, которые обычно не задействованы при прослушивании речи для понимания (Hickok, Poeppel, 2004).

Мы предполагаем, что звукоизобразительность будет способствовать процессу понимания речи и вторичному запуску речи после ее утраты в результате инсульта или иных причин. Для того, чтобы проверить так ли это, нам необходимо провести анализ теоретических работ по механизмам восприятия звукоизобразительности в исследованиях афазии, создать эксперимент со стимульным материалом (ЗИ слова русского языка (поделенные на 4 стадии деиконизации) с их визуальным и аудиальным представлением, а также непосредственно провести эксперимент с помощью метода Лексическое решение. Если наше предположение подтвердится, то на основе нашего исследования мы сможем создать методику реабилитации афазии на основе ЗИ.

Список литературы

1. **Tatiana Akhutina** (2016) Luria's classification of aphasia and its theoretical basis, *Aphasiology*, 30:8, 878-897, DOI: 10.1080/02687038.2015.1070950
2. **Флакман М.А., Лавицкая Ю.В., Седёлкина Ю.Г., Ткачева Л.О.** Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «лексическое решение». *Дискурс*. 2020;6(5):97-112.
3. **Флакман М. А., Седёлкина Ю. Г., Коротаяевская Е. А.** ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ОПОЗНАНИЯ ДЕИКОНИЗИРОВАННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2021. Вып. 1 (35). С. 122-129. DOI:10.23951/2307-6127-2021-1-122-129
4. **Tkacheva L. O., Sedelkina Y. G., Nasledov A. D.** Possible Cognitive Mechanisms for Identifying Visually-presented Sound-Symbolic Words // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2019. Vol. 12, iss. 1. P. 188-200. DOI: 10.11621/pir.2019.0114
5. **Imai, M.** et al. (2008). Sound symbolism facilitates early verb learning. *Cognition*, 109, 1, 54-65. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.07.015>
6. **Hickok, Gregory, and David Poeppel.** "Dorsal and ventral streams: a framework for understanding aspects of the functional anatomy of language." *Cognition* vol. 92,1-2 (2004): 67-99. doi:10.1016/j.cognition.2003.10.011

RESPONSE SPEED AND CONFIDENCE OF CORRECT AND ERRONEOUS ANSWERS

Andriyanova Natalia (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia)

andriyanova89@mail.ru

The study is devoted to the relationship between the speed and confidence of problem solving and the correctness. The study used several series of tasks to detect repeated correct and incorrect answers. The results showed that in tasks with frequent correct answers, such answers were faster and more confident, and in tasks with frequent erroneous answers, errors were faster and more confident.

Keywords: errors, reaction time, confidence, repetitive responses, decision making

Various studies show that the speed and confidence of the answer depend on the correctness of solution. A number of researchers believe that the differences in the speed of correct and erroneous answers depend on some features of the task. In particular, V.A. Barabanshchikov (2006) offers the following explanation: for a stimulus coinciding with the standard and negative stimuli slightly different from the standard, a direct relationship between the speed and accuracy of recognition is characteristic - the faster the reaction, the higher the accuracy. T. Pleskac and J. Bussemeyer (2010) draw a conclusion based on several studies: in tasks where accuracy is a priority, the average reaction time of correct answers is less than the average reaction time of incorrect answers. However, in tasks where speed is a priority, on the contrary, the average reaction time of correct answers is greater than the average reaction time of erroneous answers. From the point of view of the concept described by V.M. Allahverdov (1993, 2019), making an error should be associated with the rejection of the correct answer prepared by the cognitive system and the creation of another, erroneous one. The time spent on this just contributes to slowing down the erroneous answers. The author assumes that when solving simple problems, we give most of the correct answers automatically, so they turn out to be fast. Conscious decision checking is activated when a person is not sure of the answer - in such cases, slow erroneous answers are made. In addition, erroneous answers can be faster than correct ones in interference tasks (for example, using the flanker task or the Stroop test). If the subject responded not to the target stimulus, but to the distractor (conflict stimulus), that is, he solved the wrong task, errors tend to be made faster than correct answers (White et al., 2018; Hedge et al., 2019). Based on the described studies, we can conclude that the relationship between

the correctness of the solution of the problem and the speed and confidence of the solution is ambiguous, however, there are certain trends based on the characteristics of the task.

The purpose of our study is an attempt to overcome the ambiguity in the relationship of the correctness of the solution of the problem with speed and confidence. Many studies have shown that correct answers are faster than erroneous ones, and in such studies, as a rule, correct answers prevail over erroneous ones (for example, Troche and Rammsayer, 2005). At the same time, studies of repeated errors show that if an error in a certain stimulus begins to approach the correct answer in frequency or prevails over the correct answer, then the repeated erroneous answer is given faster than a single erroneous answer and does not significantly differ in speed from the correct answer (Andriyanova, Allakhverdov, 2020). In our study, we create an experimental situation with both frequent correct and frequent incorrect answers. Thus, we expect that the relationship between the speed and accuracy of the solution of the problem, as well as the relationship between confidence and accuracy, will depend on the frequency of the response.

The experiment involved 66 subjects (31 men and 35 women) aged 18–40 years. The experiment took place online through the Yandex.Toloka service. The experimental task was based on the board game Carcassonne. The participants were shown with a map of the area with an empty field, and then - an element that is proposed to fill in this field. The task is to determine whether the element fits this card or not. At the edges of each element, there could be a field, a forest or a river. The field could have both vertical and horizontal orientation. Participants should match the field and element in the exact orientation in which they are presented. The experiment consisted of eight series of 10 stimuli in random order. The field was shown for 1.5 seconds, then the field disappeared, and the element was shown for 1.5 seconds. After the element disappeared, participants could give an answer in 60 seconds by pressing the "right" key on the keyboard if the element fits the map, and the "left" key if the element does not fit. After entering the answer, they should rate confidence on a scale 1-3 points (1 - not at all sure, 2 - doubtful, 3 - absolutely sure).

Analysis of the dependence of reaction time on response frequency and correctness showed no significant effect of response frequency ($F(2; 324) = 0.724$; $p = 0.486$) and no significant effect of correctness ($F(1; 324) = 1.478$; $p = 0.225$). However, a significant interaction of factors was found («Frequency» and «Correctness of response»; $F(2; 324) = 10.179$; $p < 0.001$). Tukey criterion of decision time showed a significant difference in reaction time for erroneous and correct answers in the condition where correct answers predominate ($p = 0.001$). In the condition where the correct solution prevails, the correct answer is given significantly faster ($M = 1.938$ ms) than the erroneous answer ($M = 2.609$ ms). However, in the condition with predominantly erroneous responses, no significant differences in solution time were found ($p = 0.255$). The error time was found to be significantly different between the frequently correct and frequently incorrect conditions ($p = 0.039$). In the condition with the predominance of erroneous answers, errors are made significantly faster ($M = 2.097$ ms) than in the condition with the predominance of correct answers ($M = 2.609$ ms). In addition, correct answers are given significantly faster in the condition with frequent correct answers ($M = 1.938$ ms) than in the condition with frequent errors ($M = 2.491$ ms) ($p = 0.017$).

An analysis of the dependence of confidence on the frequency of the answer and its correctness showed that correct answers are given significantly more confidently ($F(1; 324) = 7.253$; $p < 0.01$) than erroneous answers ($M = 2.559$ for the correct answer; $M = 2.461$ for error). According to the data obtained, confidence is not affected by the frequency of correct and incorrect answers ($F(2; 324) = 1.229$; $p = 0.294$). Confidence statistically significantly depends on the interaction of factors ($F(2; 324) = 19.525$; $p < 0.001$). Tukey's test calculated for the interaction of the factors «Correctness» and «Frequency of response» showed that in the condition in which correct answers predominate, correct answers are given significantly more confidently ($p < 0.001$) than erroneous answers ($M = 2.670$ for correct answer; $M = 2.281$ for error). It also follows from the Tukey test that erroneous answers are given significantly more confidently in the condition with a predominance of errors than in the condition with a predominance of correct answers ($p < 0.001$); (average confidence in the condition with frequent errors $M = 2.631$, with frequent correct answers $M = 2.281$). Correct answers in the condition with frequent correct answers are more confident ($M = 2.670$) than correct answers in the condition with frequent errors ($M = 2.463$; $p < 0.05$).

The results obtained are consistent with the idea that a person is capable of unconsciously distinguishing between his own correct and erroneous answers. In stimuli in which the subjects gave correct answers more often, such answers were faster and more confident, which demonstrated the classic situation of detecting

erroneous answers. At the same time, in those stimuli where the subjects made errors more often than answered correctly, it can be assumed that the erroneous answer became more priority for them than the correct one. It was given more quickly and confidently, which corresponds to the results we obtained earlier (Andriyanova, Allakhverdov, 2020).

Faster and more confident repetitive responses (both correct and incorrect) may also be associated with the work of cognitive control. Performing a certain task, a person understands that he will not cope with it absolutely without errors, therefore (not always consciously) he makes a forecast for himself with what accuracy he will cope with it. In order to maintain and control a certain level of efficiency, he makes errors on the same stimuli, and consistently copes with others without errors. Our previous results are also consistent with this idea. We have shown that subjects make repeated errors faster and more confidently than single ones.

Thus, the results obtained allow us to see a certain pattern in the relationship between the correctness of the solution of the problem with speed and confidence. They fit into the existing concepts related to the influence of errors on the further solution of the problem, and at the same time develop and supplement the authors' assumption about the unconscious assessment of one's own effectiveness in solving problems.

References

1. **Barabanshchikov V.A.** Psikhologiya vospriyatiya: Organizatsiya i razvitiye pertseptivnogo protsessa. M.: Cogito Center; High School of Psychology, 2006. (in Russian)
2. **Pleskac T.J., Busemeyer J.R.** Two-stage dynamic signal detection: A theory of choice, decision time, and confidence. *Psychological Review*, 2010, 117(3), 864–901. DOI:10.1037/a0019737
3. **Allakhverdov V.M.** Opyt teoreticheskoi psikhologii (v zhanre nauchnoi revoliutsii). St. Petersburg: Pechatnyi dvor, 1993. (in Russian)
4. **Allakhverdov V.M.** Soznaniye. Poisk putey resheniya vechnyh problem. *Bulletin of BSPU. Ser. 1: Pedagogy. Psychology. Philosophy*, 2019, 4(102), 56–60. (in Russian)
5. **White C.N., Servant M., Logan G.D.** Testing the validity of conflict drift-diffusion models for use in estimating cognitive processes: A parameter-recovery study. *Psychonomic bulletin & review*, 2018, 25, 286–301. DOI:10.3758/s13423-017-1271-2
6. **Hedge C., Vivian-Griffiths S., Powell G., Bompas A., Sumner P.** Slow and steady? Strategic adjustments in response caution are moderately reliable and correlate across tasks. *Consciousness and Cognition*, 2019, 75, 102797. DOI:10.1016/j.concog.2019.102797
7. **Troche S., Rammsayer T.** The “false > correct - phenomenon” and subjective confidence: two distinct phenomena influencing response latencies in psychological testing. *Psychology Science*, 2005, 47, 246–260.
8. **Andriyanova N., Allakhverdov V.** Why Do We Step on the Same Rake? The Occurrence of Recurring Errors in the Learning Process. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, 17(4), 791–802. DOI:10.17323/1813-8918-2020-4-791-802

CONTENTS

AGHUZUMTSYAN RUBEN PECULIARITIES OF DESIGNING MANAGER'S ACTIVITY	3
ALAVERYAN NELLI CHANGES IN SOCIAL-PSYCHOLOGICAL BASIS OF THE MODERN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF DEMOCRACY.....	5
ALLAKHVERDOV MIKHAIL SOCIAL INFLUENCE IN ASSESSING IRRELEVANT CHARACTERISTICS OF ILLUSORY OBJECTS.....	6
ANDRIYANOVA NATALIA, KARSHIBOEVA FERUZA CONCENTRATION AND DISTRIBUTION OF ATTENTION IN STATES OF FATIGUE AND MOBILIZATION	8
APANOVICH VLADIMIR , ARAMYAN ERIC, GLADILIN DMITRY, YUDAKOV KONSTANTIN, ALEXANDROV YURI DYNAMICS OF AMPLITUDES OF EEG COMPONENTS AND PERFORMANCE IN THE LEARNING PROCESS	10
ASATRYAN ANI THE INTERRELATION OF A PERSON'S COGNITIVE STYLES AND DECISION-MAKING TYPES	12
AVANESYAN HRANT A MULTIDIMENSIONAL APPROACH TO OBTAINING RELIABLE AND ACCURATE CONCLUSIONS OF PROJECTIVE MEASUREMENT METHODS	14
LOKYAN ARSEN THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF MILITARY PERSONNEL AS A COMBAT ACTIVITY DETERMINING FACTOR	16
BEJANYAN ARMEN THE PREVALENCE OF EXOGENOUS DEPRESSION IN ARMENIA IN THE CONDITIONS OF INFORMATIONAL-PSYCHOLOGICAL STRUGGLE	17
BELASHEVA IRINA, YESAYAN MARINE TO THE QUESTION OF THE PSYCHOLOGY OF EXTREME ACTIVITIES: EMOTIONAL INTELLIGENCE AND READINESS TO RISK (BY THE EXAMPLE OF ATHLETES-CLIMBERS)	19
BERBERYAN ASYA INTERRELATION BETWEEN MOTIVATION, MEANING OF LIFE AND EXISTENTIAL FULFILLMENT OF STUDENT YOUTH.....	21
BICHEVINA DARIA, ENIKOLOPOV SERGEY, ENIKOLOPOVA ELENA RELATIONSHIP BETWEEN SYMPTOMS OF DEPERSONALIZATION-DEREALIZATION AND EMBODIED SENSE OF SELF	23
BYCHKOVA ALESYA, MASHEROV EVGENIY, HEMODYNAMIC INDICATORS OF THE BRAIN AT REST AND PROFILE OF LATERAL ORGANIZATION OF FUNCTIONS	25
BUCHEK ALBINA, SEREBRYANAYA MARIA REFLEXIVITY OF FORCED MIGRANTS OF MATURE AGE WITH DIFFERENT TYPES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION	27
BUDYKA ELENA, GLADKIKH REGINA USING A DIFFERENTIAL NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF REGULATORY FUNCTIONS	29
CHERNOV YURY INTEGRATION OF NON-STANDARD PSYCHOMETRIC INSTRUMENTS IN THE ASSESSMENT AND EXPERTISE	31
ENIKOPOV SERGEY, BOYKO OLGA, MEDVEDEVA TATYANA, VORONTSOVA OKSANA RELATION BETWEEN ANXIETY AND SUBJECTIVE ASSESSMENT OF COGNITIVE FUNCTION AFTER COVID-19	33
ENIKOLOPOV SERGEY, MEDVEDEVA TATYANA, VORONTSOVA OKSANA, BOYKO OLGA EMPATHY UNDER STRESS	35
YEROFEYeva VICTORIA, BARDADYMOV VASILY, GRIGORYAN ANI, SEROBYAN ASTGHIK, HACHATUROVA MILANA RELATIONSHIPS OF STUDENTS'S GROWTH MINDSET WITH MENTAL HEALTH DURING THE PERIOD OF EMERGING ADULTHOOD.....	38

GARDANOVA ZHANNA, SEDOVA EKATERINA, LIPSKAYA ALEN FEATURES OF SEXUAL BEHAVIOR IN WOMEN WITH REPRODUCTIVE DISORDERS IN THE PROGRAM OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES FOR AFFECTIVE DISORDERS	40
GAVRILOV VLADIMIR BRAIN ACTIVITY AND ULTRASOUND COMMUNICATION IN RATS DURING INSTRUMENTAL FOOD-ACQUISITION BEHAVIOR PERFORMED INDIVIDUALLY OR IN PRESENCE OF CONSPECIFIC (OBSERVATION, COOPERATION AND ALTRUISM).....	43
GAVRILOVA VICTORIA, IVASHKO SVETLANA ACTUAL MENTAL STATES OF STUDENTS DURING THE EXAMINATION SESSION.....	45
GERSHKOVICH VALERIA, MOROSHKINA NADEZHDA, ZAMKOVAYA MARIA ELENA, ALLAKHVERDOV VICTOR, KIREEV MAKSIM POSITIVE AND NEGATIVE PRIMING EFFECTS OF AMBIGUOUS METAGRAM SOLUTIONS.....	47
GEVORGYAN ASTGHIK INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL SELF-REGULATION METHODS IN THE DEVELOPMENT PROCESS OF CREATIVITY (EXAMPLE OF TEACHERS) 50	
GEVORGYAN ANAHIT THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN THE PERCEPTION OF ORGANIZATIONAL CRISIS BY EMPLOYEES (ON THE EXAMPLE OF RA LABOR MARKET) 52	
GHAZARYAN IZABELLA, NAZLUKHANYAN LILIA PERSONAL TRAUMATIZATION AND ANXIETY AS A FACTOR IN THE STIGMATIZATION OF MENTAL DISORDERS.....	53
GLADILIN DMIRTY, APANOVICH VLADMIR, ARAMYAN ERIC, YUDAKOV KONSTANTIN, ALEXANDROV YURI PROCESSING OF NON-STATIONARY TIME SERIES OF EEG DATA FOR STUDY OF ACQUISITION AND IMPROVEMENT OF THE SKILL	54
GORBANEVA MARIA, GORYACHEVA TATYANA PSYCHOCORRECTION WORK WITH CHILDREN WITH BODY IMAGE FEATURES IN TYPE I DIABETES MELLITUS.....	56
GORLOVA ELENA, PERELYGINA IRINA, STRUTINSKAYA OLGA, KHOVRINA GELENA COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF ADOLESCENT STUDYING IN DIFFERENT OF SCHOOLS	58
GRIGORYAN ARMEN MONITORING OF ASSESSMENT OF THE ATTITUDE OF STUDENTS TO A HEALTHY LIFESTYLE	61
HAKOBYAN OLYA, DRIMALLA HANNA THE DIGITAL FOOTPRINT OF WAR: CHANGES OF MESSAGING ACTIVITY FROM FACEBOOK DATA.....	63
HARUTYUNYAN ARTSVI RECONSIDERING THE ORIGIN OF CONSCIOUSNESS65	
HARUTYUNYAN NARINE, MARKARYAN IRINA INTERNET COMMUNICATION OPERATION IN THE CONTEXT OF SATISFACTION OF DEMANDS	66
HOVHANNISYAN HRACHYA, VARDANYAN AIDA THE PHENOMENON OF PROFESSIONAL BURNOUT UNDER THE PARADOX OF TYPOLOGICAL AND INDIVIDUAL DETERMINANTS 68	
HARUTYUNYAN NARINE, SARGSYAN EMMA THE RELATIONSHIPS OF HUSBANDS' COPING IN FAMILY CONFLICTS WITH EMOTIONAL INTELLIGENCE	69
HEBOYAN AREVIK INFORMATION-SEEKING BEHAVIOR OF TRADING DECISION MAKING AS DETERMINING FACTOR FOR COGNITIVE BIASES	71
IVASHKO SVETLANA FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ALEXITHYMIA AND COMPULSIVE OVEREATING IN WOMEN	72
KARAPETYAN NARE, PAPOYAN SEDA CORRELATIONAL ANALYSIS OF PSYCAP QUALITIES AND ANXIETY: IMPLICATIONS FOR PSYCHOLOGICAL WELL-BEING.....	74

KARPINSKAIA VALERIA, LYAKHOVETSKII VSEVOLOD THE DIFFERENCES IN VERBAL AND MOTOR ESTIMATION OF THE STIMULUS IN ILLUSORY CONTEXT.....	76
BABAYAN THOMAS, MARLOTTE LAUREN BUILDING FAMILY RESILIENCE AND THE FOCUS MODEL DURING WARTIME	78
KHACHATRYAN ANI PERSONAL QUALITIES IMPORTANT FOR THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE MODERN MIDDLE LEVEL MANAGER.....	79
KHACHATRYAN NARINE, SEROBYAN ASTGHIK DOES HOME ATTACHMENT AFFECT THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS WHEN THEY LEFT HOME FOR A STUDY PURPOSE? EVIDENCE FROM TWO STUDIES AMONG ARMENIAN STUDENTS	80
KHOVRIN ARKADIY, KHOVRINA GELENA, GORLOVA ELENA, BASHAROVA ELENA EARLY PROFILISATION OF STUDYING: CULTURAL AND HISTORICAL ASPECT	82
KHRIMIAN KRISTINA, KAPPA ELIA, GEVORGYAN GAYANE HOW DO WOMEN REGARD FEMINISM?	85
KUZNETSOVA LYUDMILA, SMOLKOV ANTON RESILIENCE AND CREATIVITY AS PREDICTORS OF MARKETING AGENCY STAFF EFFICIENCY WHEN TACKLING CREATIVE AND/OR OPERATIONAL BUSINESS CHALLENGES	86
MAMINA TATYANA, KARPINSKAIA VALERIA THE ROLE OF THE DIAGNOSTICS OF SENSO-MOTOR FUNCTIONS FOR THE CHILDREN WITH LEARNING DIFFICULTIES	89
MANUKYAN MARIAM, MURADYAN YELENA THE RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL SYMBOL AND PROFESSIONAL IDENTITY (IN THE EXAMPLE OF “PSY”).....	90
KARPINSKAIA VALERIA, LYAKHOVETSKII VSEVOLOD THE DIFFERENCES IN VERBAL AND MOTOR ESTIMATION OF THE STIMULUS IN ILLUSORY CONTEXT.....	92
BABAYAN THOMAS, MARLOTTE LAUREN BUILDING FAMILY RESILIENCE AND THE FOCUS MODEL DURING WARTIME	94
MESROBYAN VARDINE PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SPECIALISTS IN SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL SYSTEM (PROFESSORS)	95
MIKAELIAN MARINE PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES AFFECTED BY WAR (BY THE EXAMPLE OF THE 2020 ARTSAKH WAR)	97
MIKAYELYAN TSAGHIK PREDICTIVE ROLE OF TIME PERSPECTIVE AS PERSONAL DISPOSITION ON YOUNG PEOPLES’ PERSONAL STRIVINGS	99
MKRTCHYAN ARMINE ENSURING THE NORMAL FUNCTIONING OF A PERSON IN A CONTINUOUSLY ANXIOUS SITUATION	100
MKRTUMYAN MELS, MKRTUMYAN LILIT FEATURES OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF WOUNDED SERVICEMEN IN THE POST-WAR PERIOD	102
MOROSHKINA NADEZHDA, TOLSTOVA EKATERINA THE JOINT DECISION-MAKING IN COMPUTER-MEDIATED INTERACTION: THE ROLE OF CONFIDENCE.....	103
PAPOYAN VARDUHI, GALSTYAN ALINA, SARGSYAN DIANA, KARAPETYAN MILENA CHARACTERISTICS OF THE COMPETENCIES OF THE PEDAGOGICAL STAFF IN THE CURRENT CRISIS SITUATION	109
PETROSYAN NWARD THE SIGNIFICANCE OF FINANCIAL LITERACY IN ACHIEVING PSYCHOLOGICAL WELL-BEING.....	111
POGHOSYAN SONA, GEVORGYAN ASTGHIK STUDY OF THE INTERRELATION BETWEEN KNOWLEDGE OF PSYCHOLOGICAL SELF-REGULATION METHODS OF THE PERSON AND MINDFULNESS (EXAMPLE OF TEACHERS)	112

POGHOSYAN SONA PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE CREATIVITY MANIFESTATION OF MODERN MANAGERS.....	114
POPOVA IRINA COMPREHENSIVE EVALUATION OF READINESS FOR COMPETITIVE ACTIVITY OF HIGHLY QUALIFIED ATHLETES IN ROWING ACADEMIC	116
RESHETNIKOV MIKHAIL PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERETHNIC CONFLICTS	118
ROMANOVA-AFRUKANTOVA NATALIA VERBAL AND MOTOR EVALUATION OF THE OPPEL-KUNDT ILLUSION	119
SARGSYAN VANESA, KHANAMIRYAN IRINA THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND MEANINGFULNESS IN LIFE OF FORCIBLY DISPLACED PEOPLE AFTER 44-DAY ARTSAKH WAR.....	121
SEDOVA EKATERINA, PASECHNIK ANNA, GARDANOVA ZHANNA FEATURES OF THE BODY IMAGE OF YOUNG MEN AND WOMEN	123
SEROBYAN ASTGHIK, GRIGORYAN ANI STUDENTS' ENGAGEMENT IN HEIs: THE ROLE OF COGNITIVE/MOTIVATIONAL FACTORS AND EMERGING ADULTHOOD CHARACTERISTICS	125
SHAHVERDYAN SEDA FEATURES OF THE USE OF ART THERAPY AS FACTORS ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE THERAPEUTIC PROCESS	127
SHUKURYAN GOHAR DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND COMMUNICATIVE COMPETENCIES IN THE CONTEXT OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN TRAINING PSYCHOLOGY STUDENTS	129
SHUMAROVA ANASTASIA CIVILIAN POPULATION IN ARMED CONFLICT: ANALYSIS AND PROSPECTS FOR SYSTEMATIZATION OF RESEARCH	131
SHUMOVA NATALIA, BAYKOVSKY YURI, HE XUEYUN DYNAMICS OF PSYCHOLOGICAL HEALTH IN CONDITIONS OF SOCIAL ISOLATION	133
STEPANYAN ANAHIT CHARACTERISTICS OF BUILDING AND DEMONSTRATING STRESS RESISTANCE AND SELF-CONTROL IN MUAY THAI ATHLETES.....	135
TAKOOSHIAN HAROLD DIASPORA COOPERATION WITH PSYCHOLOGISTS IN ARMENIA:TEN KEY POINTS	138
TARASOV SEMYON FACTORS OF SOVEREIGNTY OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL SPACE IN SEMI-CLOSED GROUPS	140
TATEVIAN HRACHIA CLINICAL PSYCHOLOGY IN ARMENIA: CURRENT STATE, CHALLENGES AND PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT	142
TSHSHMARITYAN MARINA PHYSICIANS AND COUCHES COLLABORATION ON PREVENTION, TREATMENT AND REHABILITATION OF PHYSICAL OVEREXERTION IN ATHLETES	143
TSHSHMARITYAN MARINA PHYSICAL ACTIVITY AND PREVENTION OF CARDIOVASCULAR DISEASE IN WOMEN	145
TUMASIAN ALINA, BERBERYAN ASYA INTERCONNECTION BETWEEN PERSONALITY SELF-ATTITUDE AND FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF FORMAL AND INFORMAL ADDRESS: VEAPETYAN MAXIMILIAN, POTAZHEVICH Z. A. PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS	147
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MAOCS AND DIGITAL SPORTS	149
IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	149
VOLKOVA NATALIA, NIKEN TIA SUGIANTO, OIKANYENG BOTHO NNABU THE EFFECT OF INCLUSIVE LEADERSHIP ON INTERPERSONAL TRUST PROFILES IN CULTURALLY DISTINCT CONTEXTS	151

ERMOLAEVA MARINA, LUBOVSKY DMITRY, AVDEEVA ANNA RESOURCE APPROACH TO PROACTIVE BEHAVIOR OF STAFF IN AN INNOVATION ENVIRONMENT	152
ZHEYU SONG A REVIEW OF STUDENT EMOTIONAL ENGAGEMENT AND ITS CONNECTION TO WELL-BEING	155
ZHILYAEV ANDREY, LUKASHOVA EKATERINA UNIFIED ADAPTATION MONITORING SYSTEM-FUNCTIONAL HEALTH ASSESSMENT («SEMAPHORE» PROJECT)	156
ZVEREVA NATALIA, SERGIENKO ALEXEY, ZVEREVA MARIIA, STROGOVA SVETLANA, ANTONOVA EKATERINA, KLAK DARIA SCHULTE TABLES TECHNIQUE IN CHILD CLINICAL PSYCHOLOGY: NEW ANALYSIS OPTIONS	159
KOROTAEVSKAYA ELIZAVETA POSSIBLE COGNITIVE MECHANISMS OF PERCEPTION OF SOUND-IMITATIVE WORDS IN APHASIA.....	161
ANDRIYANOVA NATALIA RESPONSE SPEED AND CONFIDENCE OF CORRECT AND ERRONEOUS ANSWERS.....	163